

MADAME
L'AMBA
SADRICE

БЕСТСЕЛЛЕРЫ
МИРА

Ксаббера
ХОЛЛАНДЕР

Xavier
HOLLANDER

МАДАМ ПОСОЛЫША

В книгу включен всемирно известный эротический роман Дж. Клеланда «Женщина для утех» («Дневник Фанни Хилл») в новом переводе, выполненном специально для нашего издательства.

- [Джон Клеланд](#)
    - [Фанни о себе](#)
    - [Глава первая](#)
    - [Глава вторая](#)
    - [Глава третья](#)
    - [Глава четвертая](#)
    - [Глава пятая](#)
    - [Глава шестая](#)
    - [Глава седьмая](#)
    - [Глава восьмая](#)
    - [Глава девятая](#)
    - [Глава десятая](#)
    - [Глава одиннадцатая](#)
    - [Глава двенадцатая](#)
    - [Глава тринадцатая](#)
    - [Глава четырнадцатая](#)
    - [Глава пятнадцатая](#)
    - [Глава шестнадцатая](#)
    - [Глава семнадцатая](#)
    - [Глава восемнадцатая](#)
    - [Глава девятнадцатая](#)
    - [Глава двадцатая](#)
    - [Глава двадцать первая](#)
    - [Глава двадцать вторая](#)
    - [Глава двадцать третья](#)
    - [Глава двадцать четвертая](#)
    - [Глава двадцать пятая и последняя](#)
    -
-

Джон Клеланд

Женщина для утех

Фанни о себе

Чистая правда! Эта цель мерцает вдали, когда я сажусь писать свои воспоминания. Чистая правда без ненужных приукрашиваний и стыдливых умалчиваний. Я ни перед чем не останавлиюсь, и ничто меня не устроит, даже если кто-то и сочтет, что я не соблюдаю приличий. Ибо правда не бывает приличной или нет, прекрасной или безобразной. Правда — это только правда, не более того.

Именно поэтому, делась своими необычными переживаниями, я не собираюсь ничего, абсолютно ничего, скрывать, не намерена ни о чем умалчивать. Вы узнаете все о моей жизни и о жизни таких, как я, женщин, о наших мыслях, чувствах и тревожениях, обо всем, чем живы пленницы сладострастия.

А если после прочтения моих мемуаров вы вздумаете меня осуждать — это ваше дело. Суд ваш не может меня задеть. Ведь моим судьей является только правда! Чистая правда!

Глава первая

Одинокая сирота в большом Лондоне

Меня зовут Френсис Хилл. Я родилась в маленькой деревушке в графстве Ланкашир недалеко от Ливерпуля. Мои родители были очень бедными и очень честными людьми. Нищета и честность почти всегда шагают по жизни рядом. Отец был крестьянином, но после того как его разбил паралич, тяжелую работу в поле пришлось оставить, и отец занялся плетением рыбацких сетей. Прокормить семью он уже не мог, поэтому мама вынуждена была пойти работать. Она воспитывала деревенских девочек, учила их читать, писать и шить.

Мои сестры и братья от нужды и болезней все умерли, когда мне не исполнилось еще и тринадцати лет. Выжила только я. Может быть, мне просто повезло, а возможно, исключительное здоровье и выносливость послужили тому причиной. Я была типичной деревенской девочкой. О грехе, злодеянии и преступлении я тогда и не ведала.

Мать моему воспитанию и образованию почти не уделяла внимания. Она была слишком занята работой. Да ей и не могло прийти в голову, что уже совсем скоро знание всей правды о жизни женщины мне будет необходимо как воздух. Росла я, по сути дела, сама по себе, как трава в поле.

Когда мне было пятнадцать лет, к нам в дом пришла беда, которая перевернула всю мою жизнь. В нашем графстве разразилась эпидемия черной оспы. За короткое время умер отец, а вслед за ним мать. Я тоже заболела, но, к счастью, быстро выздоровела и к тому же болезнь — что так важно для женщины — не оставила следов на моем лице.

Так я осталась одна. В деревне моей судьбой после смерти родителей никто не интересовался, и, быть может, я жила бы там и по сей день, если бы не Эстер Дэвис, женщина из Лондона, которой случилось на несколько дней приехать в гости к родственникам.

Эстер занялась мной. Уговорила переехать в Лондон, где меня наверняка ждут счастье и благополучие. Возбуждала мое воображение описаниями красот столицы. Жизнь королевской семьи, прекрасные людные улицы, чудесные дома и квартиры, дворцы аристократов, театры и опера, развлечения и другие удовольствия жизни в большом городе — все это могло стать моей судьбой — думала я под влиянием соблазнительных рассказов Эстер Дэвис.

В действительности же причины, по которым Эстер уговаривала меня перебраться в Лондон, были иные. Просто ей хотелось, чтобы я оплатила ее расходы на путешествие. Я же, по своей детской наивности, принимала каждое ее слово за чистую монету.

Не долго думая, распродала скромный семейный скарб, купила несколько платьиц, расплатилась с долгами и с восемнадцатью фунтами в кошельке навсегда покинула деревню.

В дилижансе, который вез нас в Лондон, Эстер продолжала искушать меня соблазнами новой жизни. Она рассказывала мне о таких, как я, деревенских девушках, которые поступили на службу в богатые дома, за короткое время повыходили замуж за молодых господ. Купаясь в золоте, они счастливо жили в великолепных дворцах, разъезжали в каретах на пышные балы и приемы, вращались в аристократическом обществе, и даже удавалось им получить дворянский титул и удостоиться милости самого короля, очарованного их красотой.

Поздно вечером мы прибыли в Лондон. Остановились на ночлег на постоялом дворе, и

как же я была удивлена, когда Эстер, только войдя в комнату, заявила, обнимая и нежно целуя меня:

— Моя дорогая, мне необходимо срочно вернуться к моим занятиям, ты же сама должна позаботиться о какой-нибудь работе. В городе служанки из деревни ценятся на вес золота. Я уверена, что ты прекрасно устроишься. Я, впрочем, тоже постараюсь подыскать тебе подходящее место. Во всяком случае, завтра утром сними себе какой-нибудь угол и иди в контору по найму на работу. Желаю тебе счастья. Вот адрес.

Эстер небрежно нацарапала несколько слов на клочке бумаги, сунула мне его в руку и поспешно вышла, хлопнув дверью.

Остолбенев, стояла я посреди убогой комнатенки. Одна-одинешенька. Пятнадцатилетняя деревенская девчонка в большом враждебном городе — брошенная на произвол судьбы.

Куда обратиться и что делать дальше? Горькие слезы застилали мне глаза. Я не могла сдержать громкие отчаянные рыдания. Кто-то услышал мой плач, так как дверь вдруг отворилась. Я быстро утерла слезы и постаралась придать лицу спокойное выражение. В комнату вошел слуга, который перед этим помог мне забрать вещи из дилижанса.

— Могу ли я что-нибудь для вас сделать? — спросил он, бросив на меня изучающий взгляд.

— Нет! — выкрикнула я, давась слезами.

— А дама, которая приехала с вами, не останется? — снова спросил он.

— Нет...

— Ах, понимаю. — Он криво усмехнулся. — Вы боитесь одиночества. Я бы мог, — сказал он, растягивая каждое слово, — подыскать вам какое-нибудь... подходящее общество...

— О нет, спасибо, — пробормотала я по своей тогдашней наивности. — Я не боюсь одиночества. Дело только в том, что мне негде сегодня переночевать.

— Это не беда, — он рассмеялся. — Вы можете здесь переночевать, всего за один шиллинг. Пожалуйста, поговорите с хозяйкой. Я думал, что у вас еще какие-то намерения.

Так я нашла крышу над головой на первую мою ночь в Лондоне.

Какой же будет следующая ночь? Этого я тогда не могла предугадать. Но уже скоро я узнала, что эта ночь будет совершенно иной — эта вторая ночь и все последующие.

Глава вторая

Мадам Браун и ее «дом»

Рано утром я поднялась с убогой постели. Ополоснулась, надела самое красивое из моих деревенских платьиц и пошла в контору по найму на работу.

Там уже ожидали приема несколько мужчин и женщин. У окна за конторкой сидела пожилая дама, скорее всего владелица конторы. Перебирая карточки с адресами, она что-то записывала в блокнот. Стул перед ней был свободен.

Никто, как мне показалось, не обратил внимания на мой приход. Я несмело стояла в дверях, стыдливо опустив глаза, исподтишка рассматривая комнату и сидящих в ней людей. Чтобы как-то обратить на себя внимание, я несколько раз сделала реверанс.

Дама из-за конторки заметила мои поклоны, подняла глаза, уставилась на меня, пытаюсь, видимо, оценить мой вид, после чего резко и сухо бросила мне:

— Подойди ближе!

Я послушно подошла и сделала еще один реверанс.

— По какому делу?

— Прошу вас, госпожа... — я начала заикаться, — по делу, именно, о... работе, приехала я в Лондон и именно...

— Откуда приехала?

— Из деревни, госпожа.

— А родители где?

— Умерли, госпожа.

— А сестры, братья есть?

— Тоже умерли, госпожа. — Я зарыдала.

— Хм, — равнодушно пробормотала дама, уставившись на меня. — А родственники в столице у тебя есть?

— Нет...

— Может быть, знакомые?

— Тоже нет...

— Значит, ты на свете совсем одна?

— Да, госпожа. — Я печально опустила глаза.

— Какую ищешь работу? — спросила она, явно оживившись.

— Я могла бы быть служанкой у хороших господ. — Я начала поспешно перечислять свои добродетели. — Я послушна, трудолюбива, могу выполнять работу по дому, заниматься детьми, помогать по...

— Хватит. — Она пренебрежительно махнула рукой. — С такой фигурой и внешностью трудно быть прислугой. А может, — добавила она, немного подумав, — тебе это и ни к чему... У тебя есть шиллинг, чтобы записаться?

— Да, есть, госпожа. — Я торопливо вынула кошелек.

— Так давай и сядь вот там, — она указала на угол конторы, протянув руку за деньгами. — И подожди. Я подумаю. Может быть, найду тебе что-нибудь подходящее. — Она украдкой взглянула на какую-то женщину, сидевшую у стены.

Я села на указанное мне место и почувствовала на себе взгляд женщины, с которой минуту назад матрона переглянулась. Набравшись смелости, я посмотрела в ее сторону.

Это была приземистая, крепкого сложения женщина с ярким румянцем на щеках, на вид ей было лет пятьдесят. Несмотря на жаркую летнюю пору, на ней было бархатное, с богатой, бросающейся в глаза отделкой пальто, что говорило — как мне по моей наивности тогда казалось — о ее принадлежности к высшему обществу.

Она пристально осматривала меня с головы до ног, просто пожирала взглядом. Под тяжестью ее оценивающего взора я покраснела как рак. Эта моя застенчивость, видимо, пришлась ей по вкусу, она подняла свои тяжеловесные формы и подошла ко мне.

— Моя дорогая, — заговорила она сладким голосом. — Как я слышала, ты ищешь работу, так ведь?

— Да, госпожа. — Я вскочила со своего места и низко поклонилась ей. — Я об этом просто мечтаю.

— Ну, тогда все складывается прекрасно. — Дама улыбнулась. — Ты ищешь работу, а я работницу. Похоже, ты порядочная девушка, и думаю, мне удастся приучить тебя работать у меня. Лондон — город греха и преступлений, — она торжественно и предостерегающе подняла палец, — а в моем доме ты будешь надежно защищена от греха и преступления. Пойдешь со мной. Меня зовут мадам Браун.

— О, спасибо, спасибо вам, госпожа. — С благодарностью я целовала ее жирные, усыпанные бриллиантами руки.

— Смотри, как тебе повезло! — обратилась ко мне владелица конторы, смеясь и обмениваясь с мадам Браун многозначительными взглядами. — Едва появилась в Лондоне, а уже нашла работу в тихом, скромном, богатом доме, где нет места для зла, грязи и преступления. Можешь быть благодарна мадам Браун, что она пожелала взять тебя под свою опеку. Верю, что отплатишь ей послушанием и преданностью.

Много позднее я поняла, что дамы прекрасно понимали друг друга и что мадам Браун часто посещала эту контору, подыскивая все новых «работниц» для своего «богобоязненного дома»...

Я не помнила себя от восторга. Мадам Браун посадила меня в великолепную карету и приказала кучеру ехать по центральным улицам Лондона, чтобы показать мне чудеса столицы. Более того, она остановила экипаж у самого элегантного магазина с одеждой, где купила мне красивые перчатки, а затем привезла меня, ошалевшую от счастья, к себе в дом, стоящий на тихой, безлюдной улочке.

Когда она ввела меня в гостиную, я остолбенела. Такого великолепия я еще не видела! Как все это отличалось от нашего деревенского жилища! Пол огромной гостиной покрывал роскошный ковер, на стенах висели два больших зеркала в золотых рамах, у стены стоял резной буфет, на полках за стеклом были видны дорогие фарфоровые сервизы, сверкающие хрустальные бокалы и графины с напитками!

Это богатство меня ослепило. Я благодарилась судьбу за то, что попала в такие руки и в такой дом.

— Садись, крошка, — ласково сказала мадам Браун, усаживаясь в кресло, и указала мне на стул.

— А это удобно, госпожа? — скромно спросила я, продолжая стоять. — Удобно ли мне сидеть перед вами, мне, обыкновенной служанке?

Тут меня ждал первый сюрприз в доме мадам Браун.

— А ты не будешь моей прислугой.

— А кем? — спросила я с удивлением.

— Будешь моей барышней для компании, — отвечала хозяйка дома. — Я не обременю тебя обязанностями служанки. Это было бы слишком изнурительно для тебя. Ты такая нежная, такая красивая. Не пристало тебе заниматься грязной, тяжелой работой, которая испортит твою красоту. Будешь заботиться обо мне, о моей жизни в этом доме и о моих удобствах. Но ты должна быть всегда искренней, послушной, спокойной и готовой оказать любые услуги, которые мне потребуются. Ты сирота, у тебя нет матери. И если ты убедишь меня своим поведением в своей преданности, докажешь, что я могу быть тобой довольна, я тебе заменю мать, и даже не одну, а двадцать матерей. — Тут мадам Браун как-то странно засмеялась.

Я еще не знала, что может предвещать этот странный смех, и с безграничной благодарностью осыпала поцелуями пухлые руки моей благодетельницы.

Хозяйка потянула за шнур от звонка. В гостиную вошла толстая служанка.

— Марта, — строго сказала ей мадам. — Я приняла на работу барышню для компании, — она указала на меня. — Она займется всеми моими личными делами. Ты будешь к ней относиться с тем же уважением, что и ко мне, потому что я люблю ее, как родную дочь. Покажи ей комнату наверху, где она будет жить.

Марта прекрасно знала свою роль в отношении таких «дочек», как я. Она мне уважительно поклонилась, открыла передо мною дверь, показала дорогу на лестницу и пропустила вперед.

На верхнем этаже находилась маленькая чистенькая комнатка, значительную часть которой занимало огромное супружеское ложе. Я с недоумением смотрела на него, мысленно сравнивая с моей узкой девичьей кроватью в деревне.

Марта заметила, видимо, мое удивление и сразу объяснила:

— Барышня будет здесь спать вместе с молодой кузиной мадам. Это милая, красивая и хорошая девушка. Барышня сразу полюбит ее, как сестру. Она такая милая и такая хорошая и понимающая, как сама мадам. В этом доме и под такой опекой барышне не придется ни о чем беспокоиться. Будет барышне здесь хорошо, как в раю. А сейчас барышня может отдохнуть перед обедом.

Обедали мы в гостиной за столом, накрытым на три персоны. Когда я вошла, меня уже ждали мадам Браун и молодая симпатичная девушка, которую мне мадам представила так:

— Дорогая Фанни, это и есть моя кузина, которая будет делить с тобой комнату, Ее зовут Феба Айрс. Надеюсь, что вы скоро подружитесь.

Как я потом узнала, Феба Айрс исполняла роль начальницы дома мадам Браун. Одной из ее обязанностей было учить уму-разуму таких, как я, «барышень для компании», подготовить их к службе у мадам.

Проще говоря, Феба объезжала молодых диких лошадок для будущих наездников. Поэтому она и должна была поселиться со мной в одной комнате.

Глава третья

Феба Айрс начинает дрессировку

Было уже довольно поздно, когда мы отобедали. Я чувствовала себя утомленной переживаниями этого необыкновенного дня. Хозяйка сказала с заботой в голосе, что мне следует идти отдыхать.

Феба отвела меня в нашу комнатку наверху и начала раздеваться. Я застыла на месте, не зная, как быть. Феба заметила мое смущение.

— Ты меня стесняешься? — Она была удивлена.

— Немного, — ответила я, краснея.

Феба громко рассмеялась. Подошла, расстегнула мне воротничок и платье. Сняла с меня белье. Я осталась в одной сорочке. Стесняясь собственного тела, я быстро юркнула под одеяло и натянула его до подбородка.

Феба, давась со смеху, с необычной сноровкой сбросила с себя одежду и совсем голая залезла ко мне под одеяло.

— Я старше тебя, — заявила она, прислонясь своим боком к моему. — Мне двадцать четыре года, и я зрелая женщина. Не такая стрекоза, как ты! — Она засмеялась. — Ну, не стыдись, подвинься ко мне, нам будет теплей, приятней.

Видя, что я медлю, она пододвинулась сама. Подсунула голую руку мне за спину, а другой обняла за шею. Слегка приподнялась и вдруг припала губами к моим губам, страстно осыпая меня горячими поцелуями.

Меня обуревали неожиданные, странные, незнакомые чувства. Никогда девушки меня так не целовали, и я никогда никого так не целовала. Однако я посчитала, что поцелуи Фебы являются лишь проявлением симпатии ко мне и следует ей ответить тем же. Чтобы снискать любовь сестры Фебы, я стала отвечать ей такими же поцелуями.

Это сделало Фебу еще более смелой. Она убрала руку с моей шеи и начала водить ладонью вдоль моего тела и по груди, надавливая пальцами, глядя и слегка пощипывая. Потом она взяла мою руку и повела моей ладонью по своему телу, ведя ее в сторону своей мягкой и обвислой груди. При этом она не переставала надавливать, гладить и пощипывать мое тело.

Все эти старания Фебы поражали своей новизной, но не возбуждали во мне ни страха, ни отвращения. Я не имела тогда ни малейшего понятия о патологиях и даже не могла предположить, что существует на свете страсть женщины к женщине.

Напротив, мне было приятно ощущать движения рук Фебы. Тело становилось все теплее. Мои едва налившиеся соски начали твердеть и напрягаться от возбуждающих прикосновений пальцев лежащей около меня женщины.

Однако Феба на этом не остановилась. Ее руки пробирались все ниже, устремились к обычно более прикрытым, чем грудь, частям тела и задержались на шелковистом, только недавно появившемся пушке. Пальцами она начала гладить и нежно подергивать вьющиеся волосы.

Но и этого ей было мало. Ее рука скользнула ниже, ее палец коснулся самой интимной точки девичьего тела, после чего опустился еще ниже и начал ласкать спрятанную за пушком поверхность этого места.

Огонь запылал у меня в крови. Стыд исчез без следа. Жар охватил тело, и я

почувствовала, что пожар бушует в том месте, которое все сильнее возбуждали пальцы Фебы.

Пальцы давили, напирали и терли, пробираясь все дальше и все глубже.

Вдруг я вскрикнула. Ощутила легкую боль. Палец Фебы проник далеко в глубь моего тела, в закрытую и недосягаемую щель. Однако самое удивительное, что боль не была неприятной.

Находясь во власти плавных движений пальцев Фебы, я резко выпрямлялась, тихо стонала, вся содрогалась и дрожала, а охватывающий меня жар все усиливался. Горячие губы Фебы не переставали целовать мое тело. Задыхаясь, женщина шептала:

— Ох, как приятно... Ох, какая ты чудесная, любимая... Ох, как будет счастлив первый мужчина, который сделает тебя настоящей женщиной... О, как бы я хотела быть сейчас мужчиной.

Ни один мужчина потом не целовал меня так, как Феба. Я была так ошеломлена, так охвачена новыми ощущениями, что вся растворилась в огне, пылавшем в моих жилах.

Момент наивысшего наслаждения был столь сильным, что у меня на глазах выступили слезы.

Только потом я начала задумываться над страстностью Фебы. Ни одно из удовольствий, какие женщина может узнать от мужчины, не было, конечно, ей чуждо, но все они не могли уже привлечь ее своей новизной. Наверное, поэтому она находила особое наслаждение в подготовке молодых девушек к общению с мужчинами.

Она удовлетворяла при случае свое желание таким способом, каким не мог удовлетворить ее партнер-мужчина. Ей доставляла наслаждение уже сама возможность отклонения от нормальной, естественной дороги, предназначенной природой женщине и мужчине.

Это не означает, что связь с мужчиной вызывала в ней отвращение. Наоборот, она предпочитала мужчин. Просто искала разнообразия. Без каких-либо сдерживающих внутренних тормозов она вступала в половые связи как с мужчинами, так и с женщинами.

Я очнулась, чувствуя, что Феба сбрасывает с меня одеяло и склоняется надо мной. Я лежала навзничь. Феба задрала мою сорочку очень высоко, аж до подбородка. Мигающий блеск свечи, пылавшей в подсвечнике у кровати, ложился бликами на мое голое разгоряченное тело. Я еще не лишилась стыда, а посему потянулась к подолу, чтобы его опустить, но Феба поймала меня за руку.

— Нет! — страстно умоляла она ставшим хриплым голосом. — Моя сладкая, любимая малышка! Не прячь от меня чудесные грудки. Какое наслаждение на них смотреть! Разреши мне целовать эти сокровища! Ох, какая у тебя здесь нежная и розовая кожица... И эти мягкие и шелковистые волосики... Ох, дай мне заглянуть в эту крошечную, чудеснейшую твою щелочку, дай мне ею полюбоваться, насытиться ее видом... О, это уже слишком, я этого не вынесу! Я должна, должна! — вдруг прошептала она.

С несдерживаемым возбуждением она схватила мою руку и сильно притянула ее к себе, к тому самому месту, которое только что разглядывала у меня.

Я ощутила разницу между этим местом у нее и у меня. Разница была огромной. Здесь рос густой, обильный лес, говоривший о зрелости женщины, а просторное отверстие, в которое Феба впихнула мой палец, легко и мягко открылось под слабым натиском руки.

Женщина начала ритмично двигаться вперед-назад и все быстрее, а когда она несколько раз вздрогнула и замерла, я вынула палец из ее тела. Он был влажным и липким.

Феба страстно меня поцеловала и вытянулась рядом на кровати. Теперь она была спокойна.

Я не знаю, сколь сильное и какого типа наслаждение испытала со мной эта женщина. Однако ясно было одно: с первой ночи, проведенной с Фебой, начался процесс моей деморализации.

Я тогда поняла, что любовная связь между женщинами может быть не менее опасной и не менее чреватой последствиями, чем связь между мужчиной и женщиной.

Глава четвертая

Мой первый клиент

На следующее утро я проснулась поздно, около десяти, отдохнувшая и свежая. Феба уже суежилась в комнатке. Заметив, что я открыла глаза, она спросила, как я спала и как себя чувствую. Ни взглядом, ни жестом, ни словом она не напомнила о том, что было ночью между нами.

Я поблагодарила ее за заботу о моем самочувствии и спросила, с чего должна начинать службу в доме. Феба только улыбнулась.

Через минуту появилась служанка с чаем, а за ней неуклюже вкатилась в комнату мадам Браун. Я испугалась, что хозяйка дома начнет меня отчитывать за то, что я поздно встала. И была приятно удивлена тем, что она вместо нареканий в мой адрес сказала с восхищением:

— Ты свежа и прекрасна, моя дорогая. Настоящий бутон распускающейся женственности. Тебя ждет замечательная карьера... Редкий мужчина устоит перед твоей красотой. Все будут вынуждены ей поклоняться. Весь Лондон окажется у твоих маленьких ножек.

Комплименты моей благодетельницы были мне приятны. Я наивно и глупо благодарила ее. Обеих женщин радовала моя наивность. Им только того и надо было: лишь бы я пока оставалась в неведении, не понимала, какую судьбу они мне готовили.

Впрочем, совсем скоро начали вырисовываться контуры моей будущности. После завтрака служанка принесла кучу одежды, предназначенной для меня.

Я потеряла дар речи от восторга! Мое маленькое глупое сердце затрепетало, как мотылек. Шелковое ношеное платье с серебристыми цветами, шляпа из брюссельского материала, высокие ботинки со шнуровкой и другие вещи казались мне самыми великолепными драгоценностями мира.

Однако очень скоро стало ясно, что получила я все эти королевские дары только потому, что мадам уже присмотрела для меня клиента, которому не терпелось как можно скорее оценить мои прелести. Клиент, судя по всему, прекрасно понимал, что такой редкий товар, как девственность, долго не задержится в этом доме.

В задачу Фебы входило подготовить и украсить меня на продажу. Она наряжала меня медленно и вдумчиво, а я, сгорая от нетерпения, стояла перед зеркалом. Мне так хотелось поскорее надеть все эти чудесные вещи.

Я была возбуждена и счастлива. Сейчас я понимаю, что скромная деревенская одежда была во сто крат красивее искусственных блестящих тряпок, которыми Феба первый раз украшала тогда мои девичьи прелести.

— Прекрасна, как роза! — восхищалась Феба. — Просто воплощение весны!

Ее восторги были как нельзя более искренними. Я была действительно красивой высокой девушкой, но не слишком высокой. У меня были гибкие бедра и стан столь упругий, столь тонкий, что не было необходимости в поясах и корсетах.

Каштановые волосы локонами ниспадали мне на плечи, оттеняя гладкую белую кожу утонченного лица. Родинка на подбородке придавала лицу лукавое и смешливое выражение, контрастировавшее с мечтательными, то слегка затуманенными, то пылавшими огнем глазами. Грудь была высокой и маленькой, пока еще, может быть, слишком маленькой, но уже округлой и упругой, обещавшей стать великолепной с приближающейся зрелой

женственностью.

Стоя перед зеркалом, стройная и красивая, я и не думала о том, что никто просто так, без расчета, не стал бы наряжать бедную девушку, объясняла происходящее со мной только добротой благородной госпожи Браун и ее помощниц. Я не удивилась и тому, что мадам, как бы затем, чтобы обезопасить мое скромное родительское наследство, забрала — как утверждала, на сохранение — все привезенные из деревни деньги.

Меня схватили и посадили в клетку, а я и не заметила этой клетки.

Когда мой туалет был готов, я перешла в гостиную. Взглянув на меня, мадам жеманно воскликнула:

— Выглядишь в этом платье так естественно, словно от рождения ничего другого не носила. Познакомься с моим племянником.

Только после этих слов я заметила так называемого племянника, стоявшего у окна.

Он повернулся и поклонился мне. Я ответила скромным реверансом. Он подошел ближе и потянулся меня поцеловать в уста, но я подставила ему только щеку. Он что-то с упреком пробормотал и неожиданно для меня прижался горячими от желания губами к моим. Меня передернуло от отвращения. Он был так омерзителен, что у меня не хватает слов для описания его внешности.

Представьте себе, пожалуйста, мужчину лет около сорока, коротконогого, брюхатого, с выпученными глазами и болезненного оттенка сероватой кожей лица, с потрескавшимися сухими губами, дышащего со свистом и хрипом. Его кривая усмешка вызывала тошноту и придавала этому отталкивающему уродцу пугающее выражение.

Несмотря на это, он был свято убежден, что нет женщины, которая устояла бы перед ним. Он проматывал свое состояние на проституток, которые, зная его слабость, не скупились на похвалы «чарам его неотразимой мужественности».

С девочками же, которые не умели скрыть своего отвращения и страха, он был грубым и резким. Слабая половая потенция побуждала его постоянно менять женщин. Он неустанно искал новых форм возбуждения и партнерш, надеясь усилить свою исчезающую эротическую возбудимость.

Не раз случалось, что в момент наивысшего возбуждения тело этого мужчины переставало ему повиноваться, так и не достигнув полной разрядки, что вызывало у него припадки бессильного гнева, направленного на несчастных партнерш.

Я должна была стать очередной жертвой, которую придела и подготовила для этого чудовища моя мнимая благодетельница.

Мадам приказывала мне садиться и вставать, поворачиваться к нему спиной и лицом, снять с шеи шаль, чтобы он мог видеть движение поднимающейся и опускающейся при дыхании груди, давала указание прохаживаться перед ним, чтобы он полностью оценил мою прелесть и очарование. Этот всесторонний показ встретил с его стороны полное одобрение. Он ощупывал меня жадным взглядом и кивал головой. Глазами пожирал мое тело, а когда я, натолкнувшись на его скотский взгляд, отшатывалась со страхом и отвращением, он наверняка объяснял это всего лишь моей девичьей застенчивостью.

Наконец после длившихся вечно минут этого тяжелого осмотра моих прелестей мадам Браун позволила мне покинуть гостиную и удалиться с Фебой наверх, в нашу комнатку. По своей наивности я еще не понимала намерений хозяйки. Я считала, что «племянник» не должен занимать мои мысли дольше, чем того требует вежливость и благодарность хозяйке дома.

— Ты знаешь о том, что этот почтенный и благородный господин мог бы на тебе жениться? — начала Феба. — Что ты об этом думаешь, малышка?

На мгновение я потеряла дар речи. Эта мысль была просто ужасна! Овладев собой, я, однако, пытаюсь быть спокойной, возразила:

— Я не думаю о замужестве. А если когда-нибудь выйду замуж, то скорее всего за человека моего положения.

В тот момент я была обижена на всех господ, поскольку к их кругу принадлежал также и «племянничек» мадам Браун.

Между тем, как я позже узнала, мадам Браун как раз закончила торги со своим «племянничком». Сошлись на том, что хозяйка получит 50 гиней за само разрешение на его пробу со мной и еще 100 гиней, когда ему удастся удовлетворить со мной свое желание и овладеть моей девственностью.

Наградой же для меня было лишь его признание.

Когда с торгами было покончено, клиент загорелся желанием тут же получить товар. Он не хотел и слушать объяснений сводницы, что я еще не достаточно подготовлена, что не прошло и двадцати четырех часов моего пребывания в этом доме.

Желание его ослепило, нетерпение возбуждало. А самомнение мешало сообразить, что не только стыд и страх, но и, прежде всего, отвращение девушки может стать причиной его провала.

Такому напору со стороны клиента хозяйка вынуждена была уступить. Было окончательно решено, что проба состоится тем же вечером после ужина.

Во время ужина Феба и мадам Браун без усталости хвалили «племянника».

— Этот великодушный джентльмен влюбился в тебя с первого взгляда, — твердила хозяйка. — Тебе так повезло, что он заинтересовался тобой. Если будешь умницей, получишь все, что душа пожелает: состояние, наряды, кареты, тебя ждут даже путешествия в другие страны. Ничего плохого с тобой не случится. Можешь положиться на его рыцарскую честь.

И чтобы еще больше ослабить мою волю к сопротивлению, обе женщины все подливали и подливали мне вина.

Около шести я вернулась в мою комнатку. Там уже стоял столик, накрытый к чаю. Вскоре вошла мадам в сопровождении «племянника».

Он сел рядом и вперился в меня своими выпученными глазищами. Его пристальный взгляд вызывал во мне почти физическую боль.

Вскоре хозяйка заявила, что, к сожалению, очень занята и должна нас покинуть на некоторое время, но потом вернется.

— А пока, — с металлом в голосе обратилась она ко мне, — составишь компанию моему племяннику, а ты, — повернулась она к чудовищу, — будешь добр и снисходителен к этому слабому ребенку.

Сказав все это, она исчезла за дверью, оставив меня наедине с отвратительным мужчиной. Меня затрясло от страха. Я забилась в угол кровати, замерла, не зная, что делать.

К сожалению, нападения с его стороны не пришлось долго ждать. Чудовище приблизилось к постели. Упало на колени и, не проронив ни слова, зажало меня, как в тиски, в свои ужасные объятия. Прильнув ко мне всем телом, оно не обращало ни малейшего внимания на мое отчаянное сопротивление, вынуждая меня терпеть свои зловонные поцелуи. От его смердящего дыхания тошнота подступала к горлу, силы покинули меня.

Почувствовав, что я перестала сопротивляться, этот тип сорвал с моей шеи шаль, укрывавшую от его похотливых глаз и рук мою грудь. Как парализованная, я сносила все это. У меня не было сил ни защищаться, ни кричать.

Он осмелел еще больше. Налег на меня так сильно, что повалил на спину, и тотчас же начал страстно облизывать нижнюю часть моих открытых бедер.

Я сжимала их как только могла, а он пытался развести их руками. Когда же я почувствовала, что его пальцы пробираются вглубь, я наконец-то очнулась от сковывавшего меня ужаса, резко вскочила с кровати и пала к его ногам, моля о пощаде.

— Прошу вас, — меня душили рыдания, — пожалуйста, оставьте меня в покое... Не причиняйте мне зла...

— Причинить тебе зло? — возразил подлец. — Я просто не в состоянии этого сделать. Разве мадам Браун не говорила, что я влюбился в тебя и желаю тебе только добра?

— Да, говорила, — подтвердила я. — Но, святая правда, я не могу вас полюбить. Умоляю, оставьте меня. Может, позже я и смогу, но только не теперь.

Но все было напрасно. Мои переживания, мои слезы, моя разодранная одежда лишь разжигали еще больше бушевавшую в нем звериную страсть, и, уже совершенно не владея собой, он возобновил свои атаки с еще большей яростью и распластал меня на краю постели.

Здрав нижнюю юбку, он снова набросился на мои судорожно сжатые бедра и попытался их раздвинуть рукой. Когда же ему это не удалось, он начал втискивать колено мне между ног. В то же время он как в горячке расстегивал пуговицы на своей жилетке и брюках. Тяжесть его тела вдавила меня в кровать. Я отчаянно сопротивлялась.

В ту самую минуту, когда я почувствовала, что силы мои на исходе, произошло что-то странное, чего я тогда не поняла, — наглец вдруг оставил меня в покое! Встал, тяжело сопя и кашляя. Зверь пережил верх наслаждения, не успев проникнуть в мое тело. Извержение семени залило мои бедра и нижнюю юбку.

— Встань! — приказал он злым, полным разочарования голосом. — Никогда больше ты не удостоишься такой чести, — произнес он с презрением. — Эта старая проститутка, — он наверняка имел в виду госпожу Браун, — может подыскать тебе кого-нибудь более подходящего. Я не позволю больше выставлять себя посмешищем перед такой, как ты, девкой, которая наверняка где-то в кустах уже давно потеряла невинность с каким-то батраком, а теперь разыгрывает передо мной недотрогу.

Я с радостью слушала его оскорбления. Они звучали как сладкая музыка, как клятвы возлюбленного в ушах любящей женщины. Потому что, пока он это говорил, я была в безопасности.

Теперь я уже знала, чего желает от меня мадам. Сцена с чудовищем открыла мне глаза. Но у меня не хватило смелости покинуть этот дом. Я понимала, что целиком и полностью нахожусь во власти старухи. Лучше было здесь остаться, чем погибнуть от голода без денег и знакомых в чужом, враждебном городе.

Так размышляла я, сидя у камина и горько рыдая. В это время чудовище после первой попытки снова начало возбуждаться при виде разодранного белья, сквозь которое проглядывало нагое тело. Моя цветущая молодость его искушала. Он должен был во что бы то ни стало овладеть мною.

— Может, хочешь еще раз со мной попробовать, прежде чем придет старая госпожа? — Он начал спокойно и сдержанно. — Тогда все наладится. Мы бы могли подружиться. Увидишь, что не пожалеешь...

И он снова начал осыпать поцелуями мое тело и мять руками мою обнаженную грудь. Я чувствовала, что второй раз уже не вынесу всей этой мерзости!

С неожиданной силой я вырвалась из его объятий и дернула шнур от звонка.

Служанка Марта наверняка подумала, что это клиент чего-то пожелал, и вошла в комнату.

Я лежала на полу с разметавшимися волосами и кровоточащим носом, а чудовище упорно силилось довести свое черное дело до желаемого конца.

Марта, конечно же, привыкла к подобным сценам, но мои рыдания тронули, видимо, ее женское сердце. К тому же она была уверена, видя меня и клиента лежащими в этой недвусмысленной позе, что мужчина уже достиг своей цели и доброму имени дома ничего не грозит. Поэтому она попросила чудовище пройти в гостиную и оставить меня одну, чтобы я могла после всего, что произошло, отдохнуть, а позже, когда я отдохну, он снова сможет приняться за меня. Мадам и мисс Феба уж постараются, чтобы он был мною доволен. В этом он может не сомневаться. Немного терпения и снисхождения к бедной детке, нежному созданию, — она указала на меня, — наверняка благородному джентльмену не повредят. За это он потом будет вдвойне вознагражден ее любовью.

Она столь убедительно все это говорила, что чудовище встало с меня и, понимая, что сейчас ничего больше ему здесь не светит, взялось за шляпу. Кривясь и бормоча себе под нос проклятия, он вышел из комнаты.

Марта дала мне какие-то капли и велела лечь в кровать.

— Барышне нужно отдохнуть, — сказала она.

— Но он вернется, наверняка вернется! — рыдала я.

— Ночью ничего с барышней не случится, — заверила меня Марта.

Теперь я уже боялась только госпожи Браун, когда она узнает, что я не поддаюсь этому мерзавцу. Впрочем, я тогда уже осознавала, что не только девичья скромность была причиной моего яростного сопротивления, а прежде всего — его мерзкая отталкивающая внешность. С другим мужчиной, возможно, я была бы более сговорчива.

В одиннадцать обе дамы вернулись домой. Марта еще в дверях рассказала, что произошло между мной и господином Крофтсом, который ушел, не дождавшись их возвращения. Они тут же поднялись вверх.

Мои опасения не оправдались. Мадам меня не упрекала. Напротив, старалась успокоить и ободрить, а когда она ушла, Феба влезла ко мне под одеяло и уже на свой манер начала исследовать, что же было между нами, сначала вопросами, а потом — пальцем.

Она легко убедилась, что ничего плохого со мной не случилось, а я лишь натерпелась страху.

На следующий день я проснулась с температурой. Переживания предшествовавшего вечера были слишком сильными для моей впечатлительной натуры. Несколько дней я болела. Обе дамы опекали меня с трогательной заботой. Товар был слишком хорош, чтобы его лишиться. Я была благодарна мадам, что она не подпустила больше ко мне того выродка.

Впрочем, как я вскоре узнала, Крофтс, состоятельный купец, впутался в одно грязное дело, связанное с контрабандой, за что был приговорен к штрафу в сорок тысяч фунтов, которые не смог заплатить, и по приказу короля был заключен в тюрьму.

Госпожа Браун несколько не переживала за судьбу «племянничка», ведь половину суммы она получила с него заранее.

Я открылась ей по-новому. Убедившись в слабости моего характера, она поняла, что

меня без труда можно будет полностью подчинить своей воле. Она не спешила. На много дней она оставила меня в покое, чтобы я пропиталась атмосферой ее дома.

Она познакомила меня с девушками, «работающими» в ее заведении. Они часто навещали меня и проводили свободное время у меня в комнате. Они мне очень понравились. Веселые и беззаботные. Потихоньку я начала входить во вкус их жизни. Девушки делали все, чтобы мне было легче стать похожей на них.

Все, что делалось в этом доме, перестало быть для меня тайной. Моя наивность испарилась без следа. Я начала мечтать о приключениях, тех самых, которые переживали ежедневно девушки в доме мадам Браун.

В то же самое время ко мне возвращалось здоровье. Я могла свободно ходить по всему обширному дому. Весь персонал, однако, следил, чтобы я не столкнулась с мужчинами, посещающими заведение.

Ведь я была предназначена для кого-то более важного, чем обычные клиенты мадам Браун. Моя невинность должна была достаться лорду Б., который вскоре прибывал в Лондон...

Тем временем девушки поверяли мне свои самые интимные переживания с мужчинами. Они так красочно все описывали, что я чувствовала, как кровь все быстрее бежит в моих жилах. Во мне проснулось желание наслаждения, а ежедневные, систематические, неустанно проводимые Фебой занятия в постели разжигали огонь в крови.

Если бы теперь кто-то и открыл дверцы моей клетки, не знаю, была ли я способна убежать...

Глава пятая

Любовник госпожи Браун

Однажды утром я случайно оказалась в темном кабинете хозяйки дома. Там стоял диванчик, на котором мне вздумалось немного отдохнуть.

Через некоторое время из расположенной рядом с кабинетом спальни послышался какой-то шорох. Туда вели стеклянные двери, скрывавшиеся за тяжелыми портьерами.

Подозрительный шорох меня беспокоил. Я тихонечко подкралась к дверям и заглянула сквозь неплотно задернутые портьеры внутрь спальни. То, что я увидела, меня ошеломило. Представьте себе такую сцену: начальница нашего «монастыря», мадам Браун собственной персоной, наедине с рослым, мощным гусаром с телосложением Геркулеса!

Я, затаив дыхание, с удивлением наблюдала неопишимо веселую сцену. Мадам лежала как раз напротив дверей, и я могла абсолютно все видеть.

Жирное разлившееся тело хозяйки почивало в глубине ложа. Любовник расположился рядом. Он был, видимо, юнцом, который больше ценит действия, чем слова. Без лишних прелюдий, не тратя драгоценного времени, он сразу приступил к делу. Одарив свою возлюбленную несколькими смачными поцелуями, он потянулся руками к ее бюсту и высвободил грудь дамы из пут огромного лифчика. Получив свободу, грудь резко выстрелила вверх, после чего упала почти до пупка моей благодетельницы.

Никогда в жизни я не видела груди такого размера и такого вида! Она была болезненно белая, рыхлая и мягкая, колыхалась вся, напоминая чем-то потерявший форму манный пудинг!

Деятельный вояка с благоговением гладил и тискал ее. Но даже его мощные руки не могли ее охватить и удержать. От прикосновений нашего Геркулеса грудь растекалась в стороны, выскальзывала из его рук.

Так он играл с ней некоторое время, а когда решил, что дама уже готова к дальнейшему, то опрокинул ее на спину и задрал юбку, после чего начал расстегивать панталоны.

Толстые коричневые раздвинутые бедра почтенной дамы были как раз напротив меня. Перед моими глазами предстал единственный в своем роде пейзаж, вытянувшийся между раздвинутыми коленями мадам. В мою сторону были повернуты огромные, разинутые словно от голода дряблые губы, покрытые серым и густым лесом волос. Это было похоже на перелицованную, повидавшую виды суму нищего, ожидающую обильного подаяния.

В этот момент совсем иной предмет привлек все мое внимание. Бравый жеребец госпожи Браун освободился от штанов. На свет божий выскочил огромный, нагой, стоявший, налитой и посинелый член, такой мощный, что ничего подобного в жизни я никогда не видела!

Я сосредоточила все свое внимание на этом предмете. Я была так поражена, что могла только охватить взором общий вид этого мужского органа, не видя соблазнительных подробностей его строения. Меня охватило возбуждение. Инстинктивно я чувствовала, что в этом предмете скрыт источник наивысшего наслаждения.

Тем временем рыцарь не прохлаждался. Он потряс своей палицей несколько раз, от чего она еще больше набухла, и бросился на добрую госпожу Браун.

Теперь он был повернут ко мне спиной, и я не могла видеть, что там делается, но была уверена, что он не мог промахнуться, таким огромным было предназначенное для этого

место в теле моей хозяйки.

Его движения свидетельствовали, что он сразу попал и проник в глубь этого места.

Все ложе теперь дрожало и скрипело под тяжестью двух тел, я с трудом улавливала шепот и стоны, вздохи и бормотание, доносившиеся из спальни.

При виде такой сцены, соответственно озвученной, огонь запылал в моей крови. Возбуждение было столь сильным, что я задышалась. Картина, развернувшаяся перед моими глазами, нанесла последний удар по моей стыдливости и невинности. После всех усилий Фебы это было вполне понятно. В горячке, ведомая инстинктом, моя рука потянулась под платье, и я всунула горячий, как пылающее железо, палец туда, где был источник моего возбуждения.

Сердце дрожало, словно хотело выскочить из груди. Задыхаясь, я терлась бедрами одно о другое, надавливая крепко на губы, скрывающие мою девичью дырочку.

Я шла как можно точнее по следам Фебиных пальцев, которые так часто там бывали, и наконец мне удалось достичь наивысшего экстаза, приносящего облегчение после долго сдерживаемого и неуспокаивавшегося возбуждения.

Теперь я уже значительно спокойней могла наблюдать за тем, что происходит в спальне. Едва гусар слез со своей старой кобылы, как дама его тут же с неожиданной для старушеницы энергией потянула его на себя, начав обцеловывать тело своего кавалера, давить и тискать его мускулы. Однако, к ее большому разочарованию, любовник был совершенно равнодушен к ее действиям.

Видя, что ее старания напрасны, почтенная матрона прибегла к помощи проверенных союзников женщины. Маленьким ключиком она открыла ящичек, где хранила различные таинственные травки и любовные зелья.

С благоговейным выражением лица она что-то отмерила и смешала, добавила какой-то жидкости, после чего все это старательно перемешала в огромном кубке. А потом с улыбкой искусительницы подала напиток своему ослабевшему рыцарю, который выпил эротическое снадобье явно без энтузиазма. Дама же, не дождавшись, пока чудесное средство подействует, энергично взялась за дело.

Она упала перед любовником на колени, поспешно расстегнула пуговицы на его штанах, вытянула из них рубашку и вытащила на свет божий теперь сжавшийся, мягкий и коротенький член. Без сомнения, это был тот же самый предмет, но такой мизерный в сравнении с тем, что я видела перед этим!

Теперь он явно не представлял никакого интереса. Был похож на свесившийся набок гребень старого петуха.

Столь жалкий вид не смущал, по-видимому, даму, начавшую энергично его мять, и, имея богатый опыт, она быстро вернула предмету желаемый вид.

Аппарат начал явно расти, набухать и наконец достиг предыдущих размеров и привлекательности.

Теперь я уже могла подробнее, чем в первый раз, взглядеться в самое большое сокровище мужского рода. Напрягаясь головка, пылавшая полнокровной горячей краснотой, находилась на твердом набухшем столбе, основа которого исчезала в густоте курчавившихся волос.

Этот захватывающий предмет занимал все мое внимание и разжигал во мне огонь просыпающегося возбуждения.

Старая же женщина, придавшая ему такой вид, не хотела ни минуты ждать. Она

разлеглась, жадно взвалила любовника на себя и успешно закончила второй акт спектакля.

Когда они наконец встали, оба в великолепном настроении и с чувством сердечной дружбы, она оплатила его труд несколькими монетами.

Я понимала, что пылкий гусар мадам Браун относится к постоянному персоналу заведения. Если я его до сих пор не видела, то только потому, что дама старательно прятала его от меня, скорее всего опасаясь, что он подберется ко мне и постарается вкусить плод, предназначенный исключительно для лорда Б.

Когда любовники покинули спальню, я пробралась из укрытия в мою комнату. К счастью, никто не заметил, что я была свидетельницей этого зрелища.

Я упала на кровать. Была возбуждена. Жар пылал в моем сердце и членах. Все мысли и чувства были направлены на один объект. Объектом этим был мужчина! Бессознательно я искала его около себя на постели и не находила. Наконец, чтобы погасить бушевавший во мне огонь, я применила палец. Но ограниченное поле деятельности руки не дало мне получить нужного удовлетворения, а палец, с трудом входивший внутрь, вызывал боль. Этот неприятный факт встревожил меня.

Поскольку Феба возвращалась в нашу комнату поздно, то лишь на следующее утро я нашла возможность поделиться с ней терзающей меня тоской. Я призналась ей, что была свидетельницей любовной сцены старушечки с гусаром, и рассказала в подробностях все, что тогда приковало мое внимание.

Я рассказывала, видимо, с такой волнующей наивностью, что Феба не могла удержаться от громкого хохота.

— Тебе понравилось? — наконец спросила она, давась от смеха.

— Очень, — ответила я. — Но... но я страшно боюсь...

— Чего? — поинтересовалась она снисходительно.

— О, если бы ты его видела! — воскликнула я.

— Что в этом необычного? Не раз видела, — заявила Феба.

— Но не у него! Он такой длинный, по крайней мере в три ладони, и толстый, в обхват руки.

— Ну, ты несколько преувеличиваешь, — понимающе улыбнулась она. — А если даже и так, что с того?

— Если даже палец, который я пытаюсь всунуть в себя, причиняет мне боль, то такой предмет, когда войдет в меня, принесет мне смерть в адских муках.

— Но ведь мадам не умерла от этого, как ты сама видела. — Феба смеялась.

— Я видела почему. У нее это место огромное, а у меня маленькое.

— Слушай, глупышка! — начала Феба меня успокаивать. — Я никогда не слышала, чтобы этот мужской орган принес женщине смерть в адских муках, если он его не пихал куда-то еще. Нежные девушки не старше тебя не раз переживали эти болезненные операции и оставались живы и в полном здравии. И ты переживешь много таких... смертей. Ничего с тобой не случится, и мало что в тебе изменится. Если бы не роды и не растягивания врачевными инструментами, ты никогда бы не отличила этого места у замужней женщины и молоденькой девушки. Раз уж ты все равно видела, как это делается, то я тебе покажу кое-что поинтереснее, что излечит твое сердце от этого глупого страха. Это будет другого рода представление, чем то, что перед тобой разыграли старуха и ее бык.

— Что за представление? — спросила я с радостью.

— Ты знаешь Полли Филипс?

— Конечно, — ответила я. — Полли заботилась обо мне, когда я была больна. Если она говорила правду, то прибыла сюда на два месяца раньше меня.

— Да, это правда, — подтвердила Феба. — К Полли приходит один молодой купец, итальянец из Генуи. Его послал в Англию богатый дядя, как бы по делам, а в действительности для того, чтобы юнец мог удовлетворить страсть к путешествиям и приключениям. Парень случайно встретил Полли и влюбился в нее без памяти. Позаботился даже о том, чтобы старуха берегла Полли только для него. Он два-три раза в неделю навещает девушку. Полли принимает его в тихой комнате за лестницей, где итальянец может вдоволь удовлетворить с ней свой южный темперамент. Завтра как раз день его посещения. Ты увидишь то, о чем знаем только мадам и я. Хочешь?

Ясно, что в настроении, в котором я тогда пребывала, я приняла предложение Фебы с радостью и дрожа от нетерпения.

Глава шестая

Наслаждения Полли Филипс

Назавтра после обеда ровно в пять появилась верная своему обещанию Феба и велела следовать за ней.

Мы тихо спустились по лестнице в заднем крыле дома. Феба открыла мрачный чулан, в котором стояли старая мебель и ящики с вином и виски. Она бесцеремонно втощила меня внутрь и закрыла дверь. Через щель в стене можно было видеть все, что происходит в соседней комнате. Комната была освещена, а мы с Фебой сидели в темноте. Мы могли видеть комнату и находившихся там людей, которые и не подозревали, что за ними наблюдают.

Я увидела молодого человека. Он стоял ко мне спиной и равнодушно разглядывал висящую на стене картину. Полли еще не было. Вскоре она появилась. Когда юноша услышал, что дверь открывается, он обернулся. При виде девушки широко улыбнулся. Его лицо сияло радостью.

Как раз напротив щели в стене стояло низкое ложе. Полли и ее купец сразу на него сели. Юноша налил девушке бокал красного вина и подал на серебряном подносе неаполитанских пирожных. После нескольких поцелуев он ее о чем-то спросил на ломаном английском языке, а затем стал раздеваться.

Полли, словно только этого и ждавшая, тут же начала снимать платье и вынимать булавки, а поскольку она не носила корсета и пользовалась услужливой помощью любовника, то очень быстро оказалась перед ним в одной сорочке.

Юноша обнял девушку, несколько раз поцеловал и внезапно сорвал с нее рубашку.

Полли залилась румянцем, но мне кажется, что мои щеки горели еще сильнее.

Полли стояла в чем мать родила. Длинные черные волосы рассыпались по белым плечам и спине. Она была похожа на мраморную статую. Ей было не более восемнадцати лет. У нее было хорошенькое личико и прекрасная фигура!

Меня обурежала зависть при виде ее небольшой, но зрелой, округлой и налитой груди, как будто насмехающейся над ненужным лифчиком.

Под ней располагался прекрасный, покрытый внизу густым пушком животик, нижняя часть которого скрывалась в таинственной глубине между упругими бедрами.

Эти мягкие волосики украшали ее лоно, как самый прекрасный мех. Полли могла бы быть идеальной моделью для самого взыскательного художника!

Молодой итальянец стоял, ошеломленный ее наготой. Воистину, это чудесное видение поселило бы соблазн желания даже в душе исповедующего безусловную чистоту помыслов монаха.

Руки молодого человека блуждали сначала по лицу девушки и ее плечам, а потом все ниже и ниже, лаская пальцами каждый сантиметр ее прекрасного тела.

По мнению Фебы, юноше было года двадцать два. Он был высок и прекрасно сложен, с мускулистыми руками, мужественной грудью и широкими плечами. На его чуть заурядном лице выделялся римский нос, а огненные черные глаза и розовые щеки, несмотря на оливковую кожу, придавали ему особое очарование. Волосы локонами ниспадали итальянцу на шею. Волосы покрывали бедра и живот почти до пупка. Среди них торчал столь большой и здоровый член, что я при виде его размеров почувствовала страх за судьбу того скрытого

мягкого и деликатного места в теле девушки, которое должно было через минуту стать целью его грубого вторжения.

Это место было сейчас открыто моему взору, поскольку юноша подтолкнул девушку к кровати и она послушно легла, как можно шире раздвинув бедра. Между бедрами Полли ясно просматривалось таинственное место женского пола: розовая линия расщелинки с окаймлявшими ее выдвинутыми наружу губами, великолепную красноватость которых не отразили бы кисти и палитра ни одного художника.

Феба толкнула меня в бок, как бы спрашивая, не считаю ли я, что это все у меня может быть еще более тесное, чем у Полли. Но я была слишком захвачена тем, что происходило перед моими глазами, чтобы отвечать теперь на вопросы Фебы. Полли лежала, вытянувшись на постели. Ее раздвинутые ноги ждали приближения мужчины. Юноша упал на колени между бедрами Полли, напротив того места, которым ему предстояло овладеть. Набухший его член грозно торчал, как бы намереваясь пронзить беззащитную мягкую свою добычу. Но Полли лежала улыбаясь, без страха ожидая нападения с его стороны.

Молодой человек какое-то мгновение с явным удовольствием рассматривал открывшуюся ему картину, после чего взял член и ввел его в словно приглашающее его пространство. Но член вошел только наполовину, несмотря на движения помогающей ему Полли.

Он остановился на полпути. Я ясно видела, что он раздался и налился. Юноша вынул член, увлажнил его слюной и теперь без труда всунул его уже до конца.

С уст Полли сорвался глубокий вздох, ничем не напоминавший стон боли, который я предполагала услышать. Юноша начал раскачиваться, а девушка приподниматься, сначала в медленном ритме, а потом все быстрее.

Но уже через мгновение в растущем возбуждении затерялся первоначальный темп движений. Они начали двигаться слишком быстро, поцелуи становились слишком горячими, чтобы удержать этот первоначальный ритм.

Оба были в бессознательном состоянии, в их глазах сверкали молнии.

— Ох, я не могу больше выдержать! — воскликнула в экстазе Полли. — Ох, это уже слишком! О, умираю!

Вдруг голос ее сорвался, она глубоко вздохнула и в порывистом движении тело ее подалось к нему навстречу, словно желая, чтобы он вторгся в это мгновение в самые сокровенные глубины ее тела. Потом напряжение вдруг ослабло, руки ее разомкнулись и с приглушенным воплем она как-то сразу вся обмякла, будто, не вынеся наслаждения, умерла.

Она лежала обессиленная и довольная, юноша сделал последнее движение и отодвинулся от нее.

Он вытянулся рядом с Полли на кровати. Они отдыхали, раскинув бедра. Я заметила между ними как бы белую тягучую пену, вытекающую из сердцевины еще более красных, чем прежде, губ девушки.

Через секунду Полли поднялась на постели, обняла юношу и, судя по ласкам, которыми она его одаривала, по крайней мере не была недовольна тяжелым испытанием судьбы, только что ею пережитым.

Трудно описать, что со мной делалось, когда я все это наблюдала. Одно было ясно: я перестала бояться того, что парень может сделать девушке! Я почувствовала такое неудержимое желание, что была готова в ту же секунду броситься на шею любому мужчине, который захотел бы принять дар моего тела.

Феба, хотя и более опытная, чем я, и не раз наблюдавшая подобные сцены, тоже была возбуждена. Она оттащила меня от щели в стене и прижала к двери кладовой. Тут не было места, чтобы лечь или сесть. Она задрала мне юбку и ввела палец в то место, которое просто пылало от возбуждения. Одно только прикосновение к нему раскалило добела мой мозг. Так мы обе несколько успокоились.

Она почувствовала, что мне не терпится посмотреть, что дальше происходит с влюбленными, почувствовала, с каким нетерпением я томлюсь жаждою насладиться этим зрелищем. И мы возвратились на свой наблюдательный пункт.

Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что парочка готовится ко второму туру любовной игры. Юноша сидел на кровати как раз напротив нас. Полли обнимала его за шею. Безукоризненная белизна ее кожи приятно контрастировала с бронзово-оливковой кожей молодого итальянца.

Не сосчитать горячие поцелуи, которыми они одаривали друг друга. Их губы сливались в одни уста, а их языки соединялись в один язык!

Тем временем красный петушиный гребень юноши, который сжался на секунду и ослаб, начал возвращаться в прежнее боевое состояние. Чтобы ускорить желаемый процесс, девушка наклонилась, опустила голову, взяла губами его шелковистый гладкий кончик, может быть, и для собственного удовольствия, а может, для того, чтобы он потом мог легче проникнуть в ее тело.

Результат этого действия был сразу заметен. Он доставил юноше большое удовольствие, и его глаза загорелись. Он вскочил на ноги, обнял Полли, прижал к себе и, шепча ей что-то на ухо, чего я не могла слышать, начал пружинисто тыкаться ей в бедра и попку своим ставшим твердым органом, что было ей неописуемо приятно.

Представьте же мое недоумение, когда юноша лениво лег на спину, притянул Полли к себе и она села на него верхом, рукой направляя своего любимца в нужное место, а сама, садясь на его пылавший конец, всовывала его в глубь себя.

Секунду она сидела так, без движения, явно наслаждаясь, в то время как юноша играл ее грудью. Потом она наклонилась над ним, чтобы слиться с его устами в поцелуе, но чувство возрастающего наслаждения заставило ее двигаться все более и более порывисто.словно разразилась буря, и оба они начали подпрыгивать то сверху вниз, то снизу вверх. Юноша обнимал девушку, притягивал ее к себе и поднимал, а она мчалась на нем, как наездница на скакуне, испытывая, по всем приметам, наивысший экстаз.

Я больше не могла смотреть вторую часть этого представления. Я была так взволнована, так от увиденного пылала, что прижалась к Фебе, словно это движение могло мне принести успокоение. Испытывая, видимо, то же самое, что и я, Феба тихо открыла дверь, и мы понеслись в нашу комнату. Не в состоянии устоять на ногах, я упала на кровать, стыдясь чувств, овладевших мною.

Феба легла со мной рядом и спросила с иронией:

— Ну, теперь, когда ты увидела своего врага и могла его со всех сторон осмотреть, ты все еще его боишься? Или, может быть, ты бы хотела подружиться с ним, так же как и Полли?

Я не отвечала. Я стонала и тяжело дышала. Тут же Феба подняла свою юбку, взяла мою руку и ввела в пустое и просторное место своего тела. Теперь уже более опытная, я знала, чего здесь не хватает: не было в нем главного предмета моего желания!

Я дотронулась до этого места у нее без всякого стыда, но в возбуждении, мной

овладевшим, отдернула бы руку, если бы не опасалась обидеть Фебу. Таким способом мы обе достигли лишь мизерной тени удовлетворения.

Я ощущала голод настоящего успокоения и поклялась себе, что больше не буду гасить этого желания ласками с женщиной, пока мадам не предоставит мне чего-либо более существенного. И решила я не ждать приезда лорда Б., который должен был посетить наш дом через несколько дней.

И мне не пришлось ждать! Ибо неожиданно пришла ко мне любовь, захватившая всю меня без остатка.

Глава седьмая

Моя первая любовь

Через два дня после урока, раскрывшего мне самые сокровенные подробности любовного акта между мужчиной и женщиной, я проснулась в шесть утра, раньше обычного.

Было душно. Феба спала сном невинного младенца. Я встала и, чтобы подышать свежим воздухом, вышла в сад. Здесь я могла бывать, когда захочу, даже во время визитов клиентов в других помещениях нашего заведения. Конечно, в такую пору я не предполагала встретить здесь кого-нибудь из наших гостей.

Как же я была поражена, отворив дверь, ведущую из садика в гостиную, и увидев у наполовину погасшего камина... молодого мужчину! Он отдыхал в кресле мадам Браун. Удобно вытянув ноги, он спал мертвым сном. Кругом царил беспорядок, как обычно после дня, а скорее ночи «работы» нашего заведения.

На столе стоял графин с пуншем и несколько рюмок с недопитым напитком — следы вчерашней попойки. Видимо, юноша приехал к мадам Браун с приятелями и, опьянев, уснул, в то время как его дружки забавлялись с моими подругами в их тихих комнатках. Мадам испытывала к нему, наверное, особое расположение, раз не приказала его разбудить после визита господ и позволила ему переночевать в кресле.

Он спал так крепко, что не услышал отзвук моих шагов, и я, осмелев, подошла ближе, чтобы получше его разглядеть.

Никогда до самой смерти я не забуду, какое впечатление он на меня произвел! Родившееся вдруг волнение молнией пронзило мое сердце и осталось в нем навсегда.

Мой дорогой, любимый, единственный! Помню тебя спящего в этом кресле у камина, словно это было вчера. Как будто сидишь передо мной, когда я пишу эти строки. Вижу того тебя — прекрасного, как чудесное видение, с головой, свободно откинувшейся на спинку кресла, в ореоле разметавшихся волос, подчеркивающих твое еще юношеское, но уже такое мужское лицо!

Тебе тогда было не больше девятнадцати лет. Ты был молод, чудесно молод, и сияние молодости исходило от тебя, погруженного в глубокий сон. Даже чуть припухшие бледные веки и синеватые тени, говорившие о твоём живом участии в ночной оргии, придавали твоему облику сладостное ангельское очарование.

Глаза, обрамленные длинными шелковистыми ресницами, были закрыты. Дуги его бровей были столь ровными и высокими, словно не природа их создала, а изваяла рука великого мастера. За слегка приоткрытыми алыми, пухлыми и страстными, наверное, и созданными только для сладостного поцелуя, губами, мерцали ослепительно белые зубы, а под низко расстегнутым воротничком рубашки в глубоком ровном дыхании вздымалась широкая и сильная грудь!

Представшая перед моими глазами картина просто околдовала меня. Я замороженно смотрела на юношу. Неодолимая внутренняя сила подтолкнула меня к нему. Приблизившись, я дрожащей рукой дотронулась до его ладони, лежащей на резном подлокотнике кресла. Блаженная дрожь пробежала по моему телу от этого прикосновения. Моя рука сомкнулась на пальцах мужчины.

Возможно, моя дрожь передалась и ему, поскольку он вдруг очнулся, поднял тяжелые веки и, еще не совсем проснувшись, посмотрел на меня встревоженным взглядом. Через

мгновение, оглядев гостиную, он окончательно пробудился и отозвался глубоким приятным тенором, который звучал в моих ушах как прекрасная музыка:

— Ах да... Значит, я здесь... Скажи-ка, милая, который сейчас час?

— Только начало седьмого, господин, — ответила я взволнованно и заботливо добавила, видя, что он без сюртука: — Утро холодное. Господин может простудиться.

— Вряд ли. — Он махнул рукой и улыбнулся, глядя на меня. Я стояла перед ним в одной сорочке, в которой встала постели. — Я так напился, что не успел разогреться с одной из вас. Значит, холод мне не страшен.

Он не мог подумать иначе! Должен был принять меня за «одну из наших»! Ведь не мог же он здесь, в храме госпожи Браун, встретить девушку, не похожую на ту, с которой не удалось ему насладиться ночью?

Увидев меня, он, видимо, пожалел о такой утрате. Он обдал меня горячим взглядом и сказал, смеясь и нежно притягивая к себе:

— Но если ты считаешь, что холод мне может повредить, то я охотно с тобой погреюсь. Ведь и ты можешь простудиться, стоя в одной сорочке... — И видя мои колебания, добавил с иронией, но не зло: — Ну как? Жаль времени. Мы оба дрожим от холода, а ты мне очень-очень нравишься. Почему я тебя вчера не видел?

Хотя мне ужасно хотелось приблизиться к нему, я отодвинулась. Я не знала, что ответить на его вопрос. Наконец проямлила:

— Я была... занята...

— С другим гостем? — Он криво усмехнулся. — Целую ночь?

— Нет... — возразила я, покраснев как рак. — И не с другим...

— Тогда с кем?

— Ни с кем...

— А я думал, что ты устала из-за бессонной ночи.

— Я не устала. Я спала долго и хорошо.

— Почему же ты не хочешь... со мной?

— Да нет же!

— Ах, понимаю! — воскликнул он догадливо. — Это такая игра. Ты хочешь меня перед этим возбудить.

— Нет, господин, — отчаянно запротестовала я. — Это не потому. Правда...

— А может, я тебе не нравлюсь? Может, я отвратительный?

Я сложила руки как для молитвы и, глядя в его чудесные глаза, шепнула с волнением:

— Господин такой красивый... Божественно прекрасный... Наверное, нет никого в мире прекраснее, чем господин... Но я действительно, поверьте, не могу. Я не могу с господином этого делать, даже если бы этого страстно желала...

Он внимательно посмотрел на меня, и что-то похожее на волнение мелькнуло на его выразительном лице. Наверное, ни одна девушка не отказывала ему подобным образом. И уж наверняка — это было просто невозможно в доме мадам Браун.

— И даже если бы мы здесь никогда больше не встретились? — спросил он.

— Даже если бы должно было так случиться, — подтвердила я грустно и с болью; тяжелый вздох вырвался у меня из груди.

Теперь, через годы, я понимаю, что не только природный девичий страх сближения с мужчиной или боязнь, что будет сердиться мадам Браун, не позволили мне отдаться сразу этому чудесному юноше.

Это была любовь! Любовь с первого взгляда, самое редкое сокровище, которым небеса могут одарить женщину! Я не отдалась ему тогда, ибо я влюбилась в него первой, бессознательной, единственной в жизни любовью. Если бы он мне понравился только так, как многие парни могут понравиться многим девушкам, — он получил бы меня тотчас же, в гостиной мадам Браун. Но он не обладал бы тогда моим сердцем.

— А если бы мы встретились в другом месте? — шепнул он взволнованно.

Видимо, и в его душе начало пробуждаться чувство.

— Как господин это понимает? — тихо спросила я и опасно осмотрелась. — Мне нельзя отсюда уходить, даже на минуточку.

— Слушай. — Он крепко взял меня за руку и торопливо зашептал: — Ты мне безумно нравишься! Легко понять, что тебя связывает со старой мегерой и что ты делаешь в этом доме. Но мне это безразлично. Брось ее! Беги отсюда! Брось эту грязь и мерзость, пока еще не слишком поздно! Увидишь, что не пожалеешь. Я позабочусь о тебе. Сниму тебе красивую квартиру. Буду к тебе добр. Ты ни в чем не будешь нуждаться. Буду тебя любить. И ты будешь меня любить.

Радость, счастье и страх вскипели в моем сердце.

— Но что скажет на это мадам? — прошептала я горячо.

— Об этом не беспокойся, — возразил он твердо. — Я уж все сам со старухой улажу, если ты отсюда выберешься. Понимаю, что у тебя в отношении нее обязательства, понимаю, что старухе не захочется так просто отказаться от доходов, которые ты ей приносишь. Я заплачу! Выкуплю тебя из ее грязных лап! Не желаю, чтобы ты тут пропала! Но и ты должна этого хотеть. Хочешь? — Он меня просто обжег горячим взглядом.

— Хочу. Очень хочу. Больше ничего не хочу в жизни.

Неожиданное решение радостью озарило мое сердце...

Тогда он притянул меня к себе. Я наклонилась над ним. Наши уста встретились, и я в первый раз ощутила на губах ошеломляющий вкус его поцелуя. Он меня обнял. Вся дрожа, я прижалась к его груди, к вырезу расстегнутой манишки, и он погладил меня по щеке.

— Будем же рассудительны. — Он вернулся к действительности. — Мы должны сразу все спланировать. Когда ты сможешь отсюда убежать? — спросил он.

— Завтра.

— Почему только завтра?

— Потому что скоро все встанут. Служанка уже в кухне. Я выберусь отсюда украдкой завтра в семь утра через главный вход. Я знаю, где ключи... Открою ворота!

— Хорошо, — согласился он. — Я буду ждать тебя около ворот в семь. Закажу карету и велю кучеру ждать за углом.

Он потянулся ко мне, а я прильнула к нему всем телом. Через тонкую ткань ночной сорочки он почувствовал тепло моей груди. Провел по ней рукой и припал к моим губам. Вдруг раздались какие-то ворчливые заспанные голоса.

— Вставай! — ужаснулась я и оторвалась от него. — Никто не должен видеть нас вместе. Тогда все пропало! Мне надо идти!

— Помни же, до завтра! — воскликнул он.

— До завтра, — ответила я, выбегая из гостиной.

Я прокралась по лестнице наверх, в нашу комнату. К счастью, по дороге мне никто не встретился. Я медленно открыла дверь. Повезло! Феба еще спала. Лежала в той же позе, в какой я ее оставила. Бесшумно вытянулась я рядом с ней. Она ничего не заметила.

Продолжала похрапывать. Ни за что не догадается, что я уже вставала и провела целый час с клиентом в гостиной.

Голова у меня кружилась. Все мысли сосредоточились на только что узнанном мною чувстве, которое вдруг все во мне изменило. Сердце разрывалось на части от радости и страха. Удастся ли бежать? А вдруг мадам раскроет мои намерения? И тогда я стану пленницей в этом доме? Но что значит опасность в сравнении со счастьем, которое может меня уже завтра встретить? Даже если я потом должна буду умереть, все равно завтра я буду с ним! И я буду ему принадлежать, только ему одному! А если он плохо со мной обойдется? Ну что же. Я ведь ему принадлежу, я его собственность. Пусть делает со мной что хочет, пусть будет злым, несправедливым ко мне — я все равно буду его любить всем сердцем, всей душой! Одна ночь счастья с ним, а потом пусть хоть вся моя жизнь будет адом. Только быть рядом с ним!

В таких размышлениях проходил этот нескончаемый день. Я сотни раз смотрела на стрелки настенных часов. Они как будто застыли на месте.

Если бы мадам Браун пригляделась ко мне повнимательней, без сомнения, она заметила бы, что со мной что-то происходит, особенно во время обеда, когда одна из девушек, принимавших участие во вчерашней оргии, перевела тему разговора на моего возлюбленного.

— Жаль, что он так напился! — сказала она с искренним сожалением. — Я с самого начала положила на него глаз. Даже сама пыталась что-нибудь предпринять, но он совсем никуда не годился.

— Ничего удивительного, — говорила Салли. — Не умеет пить. Он ведь ужасно молод. Совсем сосунок.

— Но красивый, — сказала толстуха Мэри, похотливо глядя свои огромные ягодицы. — У меня еще такого не было. Не мальчик, а мечта! Может, к тому же девственник. С таким стоит разок хорошо переспать. — Она блаженно потянулась, и ее необъятный бюст затрясся при этом, как желе.

— Только разок? — насмешливо спросила Эльза. — Ты бы не поскупилась, если бы он захотел застрять в этой твоей горе жира. Я бы ему дала не раз и не два. Столько раз, сколько бы он захотел и смог. Легла бы под него бесплатно, за любовь.

— За такую любовь тебе мадам оторвала бы твою рыжую голову. Бесплатно ей парня захотелось! Можешь ложиться под кого хочешь и сколько в тебя влезет, но за денежки. Посмотрите-ка на нее, влюбилась!

А я была влюблена до безумия, до потери сознания, до смерти влюблена в чудеснейшего юношу на свете!

Я сидела за столом и молча прислушивалась к разговорам о нем, а пожар в моей крови полыхал все сильнее. Он нравился всем, и все его хотели, но я больше всех. В душе я горячо молилась, чтобы девочки, глядя на меня, ни о чем не догадались. Я ждала ночи как избавления. Я хотела остаться одна, наедине со своими мыслями, чувствами, мечтами и со сжигающим мое сердце огнем в груди.

Глава восьмая

Как я лишилась девственности

Ночь принесла мне успокоение. Я заснула глубоким здоровым сном и проснулась, когда часы внизу били пять.

Феба спала рядом со мной, смертельно уставшая после вчерашней «работы». У нее был капризный и требовательный клиент, которого мадам могла доверить только ей. Мадам Браун очень пеклась о добром имени своего дома! Феба же была специалисткой по «трудным случаям», с которыми более молодые и менее опытные девушки пока еще не справлялись.

Я тихонечко лежала около нее, едва дыша от страха, боясь разбудить ее неосторожным движением. Время как будто остановилось. Я прислушивалась к стуку часов, лениво отбивавших каждую четверть часа. Наконец незадолго до семи я встала и бесшумно оделась. Краем глаза я посмотрела на Фебу. Она спала как убитая.

Я осторожно открыта дверь и прислушалась. В доме стояла мертвая тишина. После добросовестно отработанной ночи барышни мадам Браун спали мертвым сном.

На цыпочках я спустилась по лестнице, стараясь, чтобы ступени ни разу не скрипнули. Ключом, висевшим около кровати Фебы, без труда открыла ворота и вышла на улицу, которая в такую раннюю пору была совершенно пуста. Но он уже меня ждал!

Я подбежала к нему. Сердце пело в моей груди. Я словно летела на крыльях любви. Ничего не говоря, он обнял меня и поцеловал в губы. Я ответила на его объятие. И так, прильнув друг к другу, мы завернули за угол, где нас ждала карета.

Кучер открыл нам дверцы и приподнял цилиндр. Карета дернулась с места. Наконец я была свободна!

Мой возлюбленный задернул занавески на окнах и в розовом полумраке нежно обнял меня. Я осыпала его поцелуями. Все, что я пережила, и все, что будет со мной уже завтра, было мне сейчас безразлично. Существовал только сегодняшний день — я была с ним. Я принадлежала ему. С этого момента я была его безраздельной собственностью. Себе самой я уже больше не принадлежала.

Не знаю, как долго мы ехали. От сладкого сна я очнулась, только когда кучер остановил лошадь у небольшого постоялого двора в Челси. Там мы позавтракали. На десерт старый корчмарь подал нам два стакана горячего, густого шоколада с пушистым сливочным кремом.

В то время как мы смаковали этот роскошный напиток, хозяин все время стоял рядом и внимательно рассматривал меня. Меня это немного смущало. Набравшись смелости, я подняла на него глаза. Он, видимо, понял, что его присутствие стесняет меня, и тотчас заговорил:

— Благородные господа простят мою бесцеремонность, если я посмею заметить, что многие знатные дамы и господа пользуются услугами моего дома, но — святая правда! — столь статная и подходящая пара до сих пор у меня не гостила. Госпожа такая красивая, молоденькая и свежая, — начал он восхищаться моей красотой. — И одета не так, как городские дамы. Просто картинка! Наверняка приехали не из города, а из деревни, из господского имения. О, счастливец же господин, — он заискивающе улыбнулся моему любимому, — что получил такую драгоценность без изъяна. Если благородный господин пожелает, могу предложить вам мою лучшую комнату, где никто не помешает вашему

счастьем. И самую удобную...

Мой возлюбленный сразу понял, что имеет в виду хозяин. Он бросил ему монету, которую тот ловко на лету схватил, и весело сказал:

— А ну-ка покажи эту свою самую удобную комнату для нашего счастья.

Я чувствовала, что приближается минута, когда мы останемся наедине. Я с нетерпением ждала ее и вместе с тем опасалась и стыдилась. Сердце мое бешено колотилось. Во мне удивительно смешивались чуждые мне до этого чувства — вожеления, физического возбуждения и сладкого страха.

Мой любимый, как бы понимая, что со мной происходит (а может быть, мне это только казалось), взял меня за руку, словно маленькую девочку, и повел по ступенькам за хозяином). И словно девочка, я послушно шла за ним. И ужасно боялась. По дороге возлюбленный вдруг рассмеялся и шепнул мне на ухо, чтобы хозяин не услышал:

— Это смешно, но я не знаю даже, как тебя зовут.

— Фанни, — ответила я. — А тебя?

— Чарльз. Тебе нравится это имя?

— Более красивого я не знаю.

— А я не слышал более прекрасного, чем твое... Фанни, Фанни! Это звучит как песня о невинной девственной лилии. — Он снова засмеялся.

Я не знала, что значит этот смех. Впрочем, у меня уже не было времени об этом думать, ибо хозяин открыл перед нами дверь в конце коридора и, не дожидаясь, пока мы войдем, улетучился, как будто его и не было.

Мы вошли. С первого взгляда я поняла, почему хозяин считал эту комнату «самой удобной». Единственное, что было из мебели в ней, это... кровать. Нет, не кровать! Огромное, невиданных размеров ложе. Такое огромное, что его нельзя было назвать даже супружеским. Оно, наверное, предназначалось для целой семьи и занимало чуть не четверть пространства этой небольшой комнаты.

Чарльз не медлил. Закрыл дверь на задвижку и сразу меня обнял. Поднял как пушинку и, тяжело дыша от возбуждения, бросил на это необычное ложе. Он не хотел сдерживаться ни секунды, даже для того чтобы меня раздеть. Только сорвал с меня блузку, освободил шнуровку корсета и спустил лифчик, чтобы открыть грудь.

Добрался до нее руками. Охватил пальцами. Ощутил, как выпукло и гибко она поднималась и опускалась. Его пальцы давили ее, прижимали. Он впился горячими губами в мой рот.

Я была почти без сознания и не могла отвечать на его поцелуи. Потолок поплыл перед глазами. Как во сне я почувствовала, что рука перемещается вдоль моего тела, срывает юбку, задирает сорочку и стягивает с бедер белье.

Я лежала пассивная и тихая, с обнаженными бедрами и открытой грудью, готовая подчиниться каждой его попытке овладеть мною.

Это отсутствие сопротивления Чарльз должен был понять как поощрение. Он не мог даже предположить, что я девица. Ведь познакомился он со мной в борделе! Если бы я ему призналась, что не спала ни с одним мужчиной, он бы меня высмеял, и только. В его понимании я должна была делать это бесчисленное число раз, а часто даже многократно в течение одной ночи и со многими партнерами.

Следовательно, не было резона сдерживаться. Он лег рядом и положил руку между моими бедрами, лаская их движениями пальцев. Я инстинктивно сжала колени, но ласки его

были столь приятными, что через секунду, как бы против моей воли, сжавшиеся бедра бессильно раздвинулись.

Дорога была открыта. Чарльз молниеносно расстегнул штаны и вынул орудие, с которым мужчина идет в любовную атаку, направив его прямо в сторону намеченной цели. И тогда я первый раз в жизни почувствовала между бедрами твердое и мощное прикосновение члена, в котором сосредоточено мужское вожделение. Орган спустился по волосам ниже и попал в самую деликатную, самую мягкую и чувствительную точку женского тела. Тотчас Чарльз с силой продвинулся раз, второй и третий! Но не достиг задуманного. Несмотря на мощный напор, он никуда не проник. Когда он приложил еще больше сил, я ощутила острую боль.

— Ох, больно! — жалобно застонала я. — Больно! Я этого не вынесу!

Но Чарльз иначе объяснил себе эту боль. Член его был столь мощный и здоровый, что не многие мужчины могли с ним соперничать. И он был уверен, что я просто никогда не имела дела с обладателем мужского органа подобной величины. Даже теперь он не догадывался, что ни один мужчина до него не сорвал цветка моей невинности.

Поэтому он позволил мне секундочку отдохнуть и возобновил свои попытки с еще большим напором. Несмотря на жуткую боль, я старалась ему помочь, но не очень знала как. Я его любила и всем сердцем желала доставить ему удовольствие, но страдания были сильнее моей воли. Я стонала при каждой его попытке, а боль нарастала с необыкновенной силой. Наконец я закричала:

— Умоляю, оставь меня! Я больше не выдержу!

Мой отчаянный крик вернул его к действительности. Он открыл глаза и увидел, что слезы струятся по моему лицу. Слез с меня и, запыхавшийся, вытянулся рядом. Я плакала навзрыд. Я была в тот момент очень, очень несчастна. И он, чудесный мой, самый любимый, почувствовал сердцем, сколь сильно я страдаю! Наклонился надо мной и начал сцеловывать слезы с моих щек, мягко и понимающе шепча:

— Что с тобой, любимая! Почему ты плачешь? Действительно так сильно болит? Но ведь с другими тоже должно было болеть? Могла бы уже привыкнуть...

Я разрыдалась пуще прежнего.

— Никогда... Я никогда этого ни с кем не делала...

— Как это? Живя у мадам Браун? — Он в недоумении поднял брови. — «Работая» в борделе?

— Я мало у нее была, всего несколько дней... Не успела начать...

— Ты девственница?

— Ты у меня первый.

Поверил! Он поверил в то, что ему должно было казаться таким невероятным! Ошалел от радости! Едва не задушил меня в объятиях! Безумными поцелуями словно благодарил за то, что сохранила для него невинность!

Мы долго отдыхали, осыпая друг друга поцелуями. Я перестала плакать. Чарльз раздел меня догола и разделся сам. Мы лежали, прижавшись друг к другу. Я была на вершине блаженства. Но Чарльз не был бы мужчиной, если бы ему этого было достаточно.

— Однако, — начал он деликатно, — раньше или позже ты должна мне отдаться...

— Я иначе и не думаю, — ответила я. — Ведь пока это не произойдет, я не буду чувствовать, что принадлежу тебе.

— Ты бы согласилась попробовать снова?

— Конечно.

— Когда?

Он подложил мне руку под спину. Я чувствовала жар его напрягшихся мускулов. Он был возбужден до предела. Дрожал всем телом. Неудовлетворенное желание заставляло его невыносимо страдать. Я не хотела, чтобы он мучился. Поэтому, хотя я и знала, что опять придется терпеть боль, тихо уступила.

— Пусть теперь...

Он встал. Поправил подушку под моей головой. Другую положил мне под ягодицы и раздвинул мои колени. Поднял мои бедра вверх в такую позу, чтобы ему было легко и удобно попасть в цель.

— Только потерпи, — сказал он. — Я буду осторожен. Постараюсь, чтобы у тебя как можно меньше болело. Ведь твоя боль — моя боль.

— Не думай обо мне. — Я была очень взволнована его заботой. — Как-нибудь выдержу. Я не первая девушка, которая должна это пережить. Думай о себе. Я хочу, чтобы тебе было приятно, очень приятно. Обещай, что тебе будет приятно? — Я ласково его погладила.

Он встал на колени между моими коленями. Раздвинул их так широко, как только можно было. Велел мне обхватить ногами верхнюю часть его бедер, а когда я это сделала, дотронулся своим набухшим членом до моей щелочки.

Но, несмотря на раскинутые бедра, моя маленькая щель была так плотно сжата, что, слепо тычась, он не мог быть уверен, что находится как раз напротив нужной точки, откуда можно начинать вторжение. Поэтому он слегка отодвинулся, чтобы посмотреть, попал ли его член в то самое место, где начинается единственная дорога в глубь моего тела.

Смотрел он долго, изучал ситуацию внимательно и вдумчиво, потом, довольный результатом наблюдения, резко и уверенно, одним-единственным движением, всей массой своего тела ринулся между коленями и — попал!

Попал так резко и с такой силой, что вдавленные вглубь кусочки плоти, образующие ту узкую расщелинку, разомкнулись и пропустили, но только кончик члена и только до того места, где губы соединяются с отверстием. Дальше войти он не мог. Несмотря на мощные усилия, большая часть его органа оставалась снаружи.

Тогда он ослабил напор, слегка отпрянул и вновь внезапно вторгся, но уже чуть глубже. И так раз за разом, сантиметр за сантиметром, возвращаясь и напирая, он постепенно пробирался все глубже и глубже в этот тесный проход, а я каждый раз, когда этот горящий, большой и твердый кусок плоти проникал быстрыми порывистыми движениями в нежные стенки моего нутра, чувствовала все возрастающую боль.

Чтобы не взвыть, я вцепилась зубами в свою рубашку и теперь только стонала, кусая полотно и вбиваясь ногтями в собственные ладони.

Но Чарльз был глух и слеп к моим страданиям. Стремительный ритм его движений нарастал, а боль становилась все более резкой. Наконец мощным завершающим рывком он прорвал все преграды и двинул свое копьё до конца, до самого дна моего тела. Брызнула кровь, которая потекла по его и моим бедрам.

Когда наконец он кончил и, немного отдохнув в глубине моего тела, выскользнул оттуда, орудие его сладкого преступления заливала кровь моей столь грубо попорченной девственности.

Я стала женщиной. Заплатила за это болью, кровью и обмороком.

Очнувшись, я лежала на постели, прикрытая платьем. Я находилась в объятиях

похитителя моей невинности. Из глаз текли слезы.

Когда Чарльз заметил, что я наконец-то очнулась от обморока, он обратился ко мне, целуя меня в лоб и как бы оправдывая свое бесчестное действие.

— Я не мог и предположить, что ты девственница.

— И по-прежнему не веришь? — Я легонько поцеловала его.

— Ну нет, — рассмеялся он. — Теперь уже верю. Трудно не поверить. — Он показал мне пятна на простыне. — Девица в борделе? Это звучит как сказочка для послушных детей. Чего только не бывает на свете!

— Мадам Браун берегла меня для клиента, который должен был приехать через несколько дней, — объяснила я.

— Хорошо, что не успел.

— Какое счастье, что ты его заменил. — Я пошевелилась и, почувствовав боль, глухо застонала.

— Болит? — заботливо спросил Чарльз.

— Очень. — Я улыбнулась сквозь слезы. — А любовь всегда столь жестока в своем проявлении? Мужчина обязательно должен быть таким грубым?

— В первый раз он не может быть другим, — парировал Чарльз. — Иначе женщины оказались бы старыми девами.

— А потом может быть по-другому? — заинтересовалась я.

— Совсем по-другому.

— А как?

— О, по-разному, — засмеялся он. — Существует тысяча разновидностей любви.

— Непохожих? — продолжала я допытываться.

— Да.

— О, это должно быть ужасно интересно! — воодушевилась я.

— Убедишься сама.

— А ты меня будешь учить?

— От А до Я. Всей азбуке любви выучишься, и даже наизусть, — уверил он и шутливо сказал: — Но сейчас ты как-то не рвешься к этому.

— Потому что больно, — пыталась я оправдаться. — Но увидишь, я буду хорошей ученицей.

— Моя самая сладкая ученица выпьет что-нибудь? — Он встал с кровати и подошел к столику в углу комнаты.

Несмотря на боль, я была счастлива. Я принадлежала мужчине, которого любила. С сегодняшнего дня он будет все решать в моей жизни и в наших отношениях. Ради него стоило все перетерпеть. Я согласилась бы, чтобы он разрезал меня на кусочки, если это доставило бы ему удовольствие, а не только поранил меня, как теперь!

Рана еще болела. Все еще сочилась кровь. Я увидела, что Чарльз возбужден, но не решается еще начать все сначала.

Поскольку я была не в состоянии пошевелиться, он оделся, велел мне натянуть рубашку и заказал обед в комнату. Я не могла есть, но, чтобы не огорчать любимого, вынуждена была отведать куриное крылышко. Он уговорил меня также выпить немного вина. Вино подкрепило меня.

Он все подавал мне в постель. Его забота была мне особенно приятна.

Когда мы покончили с едой и хозяин унес приборы, Чарльз подошел ко мне и смущенно

спросил:

— Как ты себя чувствуешь, любимая?

— Теперь уже лучше, — заявила я.

— Я немного прилягу... — Он опустил взор. — Ты позволишь?

— Естественно, мой ненаглядный, — сказала я ласково. Ведь не думал же он, что я заставлю его все время так стоять.

Он начал раздеваться. Теперь я могла более внимательно его рассмотреть. Как же приятно было разглядывать его при свете дня. Вид его тела, постепенно появляющегося из одежд, доставлял мне удовольствие. А когда он встал передо мной нагой, когда снял с меня рубашку и лег рядом, и меня охватило возбуждение. Что значат боль и страдание в сравнении с чудом быть около него!

Я прижалась к нему, а когда он меня обнял, прильнула и оплела его тело, как лиана, обвивающая мощное дерево так плотно, чтобы даже самый маленький кусочек стебля не остался без соприкосновения с поддерживающим ее деревом. И не только возбуждение двигало мною. Это была любовь, радость, что я лежу в объятиях мужчины, которого люблю всей душой, всем сердцем, каждой частичкой моего тела, — одного-единственного для меня мужчины в мире!

И даже когда я пишу эти строки, когда вихрь чувств давно уже утих и душу заполнила мгла погасших волнений — мне трудно противиться освежающему и омолаживающему, нахлынувшему на меня потоку чувств, пробуждающихся во мне при воспоминании о том первом дне счастья с Чарльзом.

Помню каждое мгновение, словно это было сегодня, а не много-много лет назад, и будто между тем днем и днем сегодняшним ничего не происходило в моей жизни.

Так мы лежали, тесно прижавшись друг к другу, сплетя свои молодые горячие тела, а страсть в нем и во мне разгоралась, как всепожирающее пламя. И когда мы почувствовали, что больше уже нет сил так лежать, мы соединили наши пылающие в огне бедра. Тогда Чарльз вторгся в меня второй раз и через поцарапанное и израненное отверстие проник до самого конца. Было больно, очень больно. И хотя опять хотелось кричать, боль уже, однако, была слабее, чем в первый раз, ее легче было переносить, спокойнее и менее терзающей и рвущей меня на части была эта боль.

Движения Чарльза становились все быстрее, менее ритмичны и менее размеренны. Он покраснелся от усилий, глаза его блестели, как в лихорадке, он напирал все сильнее, будто хотел меня всю пронзить, пока порывистая дрожь не охватила его тело, застывшее в момент наивысшего блаженства.

У меня еще слишком сильно все внутри болело, чтобы я могла разделить с ним это сладостное мгновение. Но я его уже соперничала с ним. Это было чувство все нарастающего удовольствия от мысли, что ему со мной хорошо и что я уже без крика могу давать ему наслаждение, которого он так жаждет. Сама я его пока еще не узнала.

Не знаю, сколько раз Чарльз в этот день удовлетворил свою страсть, но без моего участия. С каждым разом, правда, боль становилась все слабее, а удовольствие все сильнее. Оно все глубже проникало в меня, достигало глубин самого моего естества.

И наконец пришла эта благословенная минута, когда сквозь постоянно возвращающуюся боль я впервые в жизни почувствовала, что, сначала несмело и как бы колеблясь, наслаждение вместе с движением наших тел начало усиливаться, нарастать все сильнее и сильнее и перемещаться с места, где пробудилось, ко все более отдаленным

частям тела, пока не охватило меня всю — от кончиков пальцев ног до корней волос, обожгло все мое тело, запыхавшее огнем, взорвалось сладчайшим, приятнейшим сотрясением всех мышц и высвободилось в крике. В крике, но уже не боли, а наивысшего счастья, которое дано пережить человеку.

— О, Чарльз, любимый! — воскликнула я, бессознательно кусая его в плечо и царапая спину. — Как это чудесно! Это чудо! О, еще, умоляю тебя, еще! Быстрее, быстрее... О-о-о-х! — мои возгласы перешли в стон. Я замерла в изнеможении.

Человек, наверное, должен был постоянно умирать от блаженства, если бы мудрая природа не позволила ему каждый раз гасить это мощное сотрясение в облегчении, успокоении, расслаблении всего тела.

Не один раз, уже через годы, я задумывалась над тем, была ли когда-нибудь какая-то другая женщина более счастлива, чем я в момент первого моего экстаза, и не за то ли божественное счастье я должна была заплатить страданиями всей моей жизни...

Все оставшееся время после полудня мы потратили на неустанные поцелуи, ласки и наслаждения. Поскольку нам было жаль потерять и минуту, мы, не одеваясь, съели ужин прямо в постели. Матрас служил нам столом, а простыня — скатертью. Мы спешили, чтобы снова погрузиться в круговорот любви, пока наконец, запыхавшиеся, задыхающиеся, утомленные, с переплетенными руками и ногами, не заснули мертвым сном.

Когда я проснулась, солнце было уже высоко в небе и его лучи начали пробиваться в комнату сквозь щель между задвинутыми шторами. Чарльз еще спал. Затаив дыхание, чтобы его не разбудить, я выскользнула из объятий любимого. Комната была похожа на поле битвы. Вокруг кровати среди остатков ужина были разбросаны предметы нашего гардероба.

Я посмотрела в зеркало. Выглядела я ужасно! Растрепанные волосы, лицо красное от бесчисленных поцелуев, вспухшие губы. У моих ног лежала смятая сорочка, рядом порванные панталоны и лифчик. Я использовала момент, чтобы хоть как-то привести себя в порядок. Попудрила лицо, надела белье, все время посматривая на Чарльза и вспоминая шальные часы счастья, которые он мне подарил этой ночью.

Я не знаю, когда он надел рубашку. Сейчас она была задрана кверху, так как в комнате было жарко. Я смотрела на него с любовью. И с умилением, хотя и не без определенного страха, я перенесла взор на его бедра и отдыхающий между ними тот ужасный предмет, который так безжалостно лишил меня невинности.

Но что это?! Этот огромный и такой подвижный предмет, причинивший мне столько боли, а потом столько наслаждения, сейчас лежал спокойно и неподвижно в гуще черных курчавых волос между ногами Чарльза — какой же он был короткий и мягкий! Трудно было поверить, что такой слабый орган способен был еще совсем недавно произвести ужасное опустошение в девичьем нутре моего тела.

Теперь он выглядел так невинно, такой махонький и жалкий, что его вид вызывал только сочувствие.

А под ним висел круглый мешочек из кожи. Кто бы мог подумать, что в таком невзрачном на вид кошельке природа прячет неисчерпаемые способы наслаждения и таит в нем исток жизни человека на земле? Мешочек был, как скорлупка ореха, весь в морщинках. Это единственные морщинки на теле мужчины, которые могут возбудить женщину.

Я разглядывала его долго, с любованием и волнением, на фоне прекрасно сложенного мужского тела, которое как бы было живым изваянием из кости, мяса и жил, достойным мрамора и резца знаменитого скульптора. Это была волнующе прекрасная картина! С

восхищением я ею упивалась, но приходит конец всем удовольствиям. Чарльз, к сожалению, шевельнулся и во сне заслонил рубашкой предмет моего восхищения. Возбуждающий образ исчез с моих глаз.

С сожалением я легла рядом с моим спящим возлюбленным, вытянувшись на спине. Вспоминая, что со мной произошло, я потянулась рукой к месту моего тела, ставшему жертвой нападения Чарльза. Мне было ужасно интересно, какие же изменения произошли после всех тех страданий, которые оно пережило, прежде чем получило наслаждение. Я начала его обследовать пальцем. Мне хотелось точно знать, какая разница между нетронутой девицей и женщиной, познавшей близость мужчины.

Однако я не успела довести свои исследования до конца, потому что мой повелитель проснулся.

— Как спала, любимая? — спросил он. — Хорошо отдохнула?

И, не ожидая ответа, взял в плен мои губы. Перевернул меня на спину, задрал мою рубашку и впился глазами в мое обнаженное тело, а потом начал руками изучать крепость моей груди, плоскость живота и округлость лона. Судя по всему, он был доволен добычей. Восхищение любовника было мне приятно, а прикосновение его пальцев в чувствительных точках тела начало меня возбуждать.

Поверхностное исследование не могло удовлетворить моего возлюбленного. Он хотел со всей педантичностью выяснить то же самое, что и я минуту назад. Он жаждал проверить, какие повреждения в сердцевине моей невинности наделали его атаки. Потому он подложил мне под ягодицы подушку, из-за чего мое лоно поднялось вверх и подалось вперед, на свет, а он положил в него палец и начал им водить в разные стороны, заглядывая одновременно внутрь.

— Больно? — спросил он приглушенным, хриплым от возбуждения голосом, а глаза его запылали.

Я ощущала блаженный ток, текущий с пальцев мужчины и проникающий волнами в глубь меня с каждым движением его руки.

Застонав от удовольствия, я прошептала:

— О нет... Уже не больно...

— А приятно?

— Очень приятно... Продолжай, пожалуйста.

Но Чарльз не послушался. Он не собирался на этом останавливаться. Приостановил движение руки и вынул палец, после чего взял мою руку и положил себе между бедрами. Я уже с трудом могла обнять его быстро набухающее сокровище. Было ужасно приятно чувствовать, как этот предмет растет и пухнет между стиснутыми пальцами, хотя я немного смущалась, что Чарльз наблюдает за мной. Чарльз догадался о моем смущении по слабому сопротивлению моей руки, когда он клал ее между своими бедрами. Он отодвинулся настолько, чтобы я могла — держа его по-прежнему в руке — видеть, что обнимают мои пальцы.

Я секунду колебалась и наконец отважилась направить взор на мою стиснутую ладонь. И не пожалела: передо мной открылся великолепный вид.

Ибо что может быть прекраснее мощной, дрожащей от прикосновения пальцев колонны в голубых прожилках, увенчанной на своем конце темно-пурпурной головкой?

Разве в человеческом теле существует что-то более твердое и пружинистое, чем готовый к действию мужской орган? И сколь нежна при этом гладкая и приятная на ощупь

бархатистая кожица, образующая его поверхность!

Чарльз опустил мою руку на основание органа, туда, откуда свисает мешочек, в котором природа столь продуманно хранит свое богатство, чтобы, когда придет время, щедро одарить женщину. Сквозь мягкую и просторную оболочку из кожи я ощущала пару шаров, подвижных и ускользающих из-под пальцев, которым удастся их обнять только при самом осторожном и самом нежном прикосновении.

Эти взаимные и основательные исследования разожгли наши чувства до предела, прекрасно заменив прелюдию к любовному акту. Ждать больше мы уже не могли.

Я лежала на кровати в самой удобной позе, и Чарльз предпринял атаку, используя мое положение. Я ощутила, что твердая головка втискивается как клин между моими бедрами и уже без боли проникает в узкое, но эластичное пространство, которое постепенно впустило внутрь, крепко обняв своими скользкими стенками, весь член.

Теснота моего лона не осложняла задачу Чарльза. Наоборот, усиливала его и мое удовольствие.

Теперь, когда боль отступила, я могла целиком отдаться опьяняющим, словно крепкое вино, ласкам любовника и стремительному ритму движений его и моего тела, ощущая, как быстро нарастает в нем и во мне наслаждение и как буря полыхающих в нас чувств высвобождается в молниеносном сладостном расслаблении и успокоении.

За столь приятными занятиями прошла первая полови на дня. Прежде чем мы спохватились, что не завтракали, пришло время обеда, который — чтобы не тратить драгоценного времени — мы торопливо осилили прямо в постели, после чего быстро, чтобы наверстать упущенное, приступили к дальнейшей работе. Больших тружеников, наверное, не было в мире.

В короткие перерывы заслуженного отдыха Чарльз рассказывал мне историю своей жизни. Я слушала его с понятным интересом. Ведь ради нашего счастливого будущего я должна была все знать о его прошлом.

Глава девятая

История жизни Чарльза

Отец моего возлюбленного был чиновником Королевского министерства финансов. Несмотря на свое дворянское происхождение, он не слишком заботился о подходящем образовании для сына. Он предназначил ему военную карьеру, но у него не было ни средств, ни соответствующих связей, что, как известно, необходимо для получения офицерского звания.

Чарльз рос, как трава в поле. Ему разрешено было делать все что захочется: бездельничать, возвращаться под утро домой и вставать в полдень. Главное, чтобы он не требовал денег. Поучений отца он не воспринимал всерьез. Знал, что отцу безразличен.

Мать умерла давно. Чарльз плохо ее помнил. У отца была любовница, которая жила с ними, О Чарльзе заботилась бабушка, мать отца, которая, обладая солидным ежегодным доходом, ни в чем не отказывала единственному любимому внуку.

Это злило отца, но не потому, что старая женщина дает внуку деньги, не спрашивая, на что он их тратит, а только потому, что она не дает их сыну. Как мы скоро, к несчастью, убедимся, постоянное соперничество между отцом и сыном по поводу бабушкиных денег и ее расположения закончилось трагически, и прежде всего — для меня.

Таким образом, благодаря щедротам старой женщины, которую я не знала, Чарльз мог полностью меня обеспечить. Мне повезло, что я встретила его тогда, когда, пресыщенный гулянками и легкими романами, он решил найти девушку, которую мог бы полюбить и которая могла бы полюбить его.

У него не было выдающихся способностей. Он вряд ли стал бы гением или народным вождем. У него было доброе сердце, спокойный и уступчивый нрав, но именно поэтому, может быть, он был всеми любим.

Всеобщую симпатию он завоевал также благодаря своей мужской красоте.

Эти черты я узнала позже, и только потом уже научилась их ценить. Теперь же, на второй день нашего знакомства, я была влюблена прежде всего в его красоту, в его великолепное тело, в ту страстность, с которой он обнимал и одаривал наивысшим наслаждением.

Вернемся же в тихую комнатку в корчме, стены которой были свидетелями потери моей невинности, зарождения женской зрелости и первой ночи моего счастья.

Упоенные вихрем чувств, ошалевшие от жара наших молодых сплетенных тел, мы не заметили, как пролетело и послеобеденное время. Наступившие сумерки вернули нас к действительности.

— Зажжем свечи? — сказала я во время одного, не знаю уж какого по счету, перерыва между приступами желания.

— Зачем? — спросил Чарльз полусонным голосом.

— Я хочу тебя видеть, постоянно видеть около меня и на мне... А становится темно...

Чарльз потянулся к часам и вскочил с постели.

— Уже начало восьмого! — Он стал искать свою одежду.

— Ну и что? Мы разве спешим? — засмеялась я.

— Я должен идти.

— Куда? — испугалась я и притянула его к себе.

Чарльз засмеялся, по-отечески поцеловав меня в лоб.

— Не бойся, глупышка. Я ненадолго.

— Но я хочу знать, куда ты идешь! — повторила я настойчиво.

Мой возлюбленный лукаво посмотрел на меня и, многозначительно подмигнув, сказал:

— Я иду к очень милой даме...

— Кто она? — спросила я сурово.

— Дама доставляет мужчинам наслаждение, — заявил он.

— Боже! — воскликнула я с отчаянием. — Меня тебе не достаточно? Сколько раз тебе надо? Сто, тысячу, миллион? Дам тебе, сколько захочешь. Не отказывала ведь. Я сама хочу как можно больше.

— Видишь ли, любимая, — начал он меня поучать, — ты еще не знаешь мужчин, да и откуда? Я у тебя первый. Так вот, чтобы мужчине лучше оценить одну женщину, ему надо сравнить. Сравнить с другой. Понимаешь?

— Не позволю! — воскликнула я. — Ни за что не позволю!

— Ты такая ревнивая? Я буду с ней только один раз.

— Даже полраза! Даже четверть! Я не отдам тебя другой женщине. Да, я ревнивая! Ты только мой, только мой! — кричала я вне себя.

— Тише, малышка, ведь услышит хозяин. Может, не дай Бог, подумать, что я хочу тебя изнасиловать, лишит тебя девственности... А если бы я тебе сказал, что иду к твоей подружке, например... к Фебе, ты бы мне разрешила? Ведь она тебе нравится, ты с ней спала в одной постели.

— Нет, тем более нет! Она же отвратительная! Все время заставляла меня копаться у нее между ногами. Только это ей приятно.

— Тебе тоже, насколько я мог заметить.

— Но не тогда, когда это делает женщина.

— А кто?

— Ты!

— А если другой мужчина?

— Я бы его вообще к себе не подпустила!

— Ну, скажем, — начал он медленно, — я иду к мадам...

— К кому?.. — спросила я с недоумением.

— К твоей начальнице. К самой мадам Браун.

— Чарльз! — Я застонала от ужаса. — Ведь это старая развалюха!

— Что старая, это видно. Но это не значит, что обязательно развалюха.

— Я видела, когда она лежала с одним парнем. Страх смотреть на ее ворота, Четверка лошадей могла бы проехать!

Чарльз рассмеялся и спросил:

— А что за парень там проехал?

— Гусар гвардии его королевского величества. Огромная мохнатая горилла.

— А что он в ней находит, кроме этих ворот?

— Ничего. Она ему платит за то, что он с ней спит. Иначе он не стал бы. Ну как же ты можешь ее желать?

— Ну, я не только не возьму у нее ни гроша. А даже, наоборот, готов ей заплатить, и много.

— Ты с ума сошел! За что платить? — Я отпрянула с обидой.

Тогда мой любимый, самый дорогой, мой единственный перестал смеяться. Взял меня за плечи, поцеловал и наконец с волнением все объяснил:

— Я хочу заплатить старухе за тебя. Чтобы у нее не было ко мне претензий, что прямо из-под носа увел у нее такой товар. Ведь она, как только узнает, а она наверняка дознается, тотчас прицепится к нам. Может разразиться скандал, и мы будем у всех на языке. Я хочу этого избежать. Наша любовь принадлежит только нам. Но это хорошо, что ты ревнивая. Впервые в жизни девушка меня ревнует. Все от меня желали или денег, или чтобы я им подошел в постели. Как живу и что делаю — им было безразлично. Ты другая.

— А знаешь, почему я другая? — Я расплакалась от счастья.

— Почему?

— Потому что я тебя люблю...

Через несколько часов, когда Чарльз вернулся из борделя, он мне с подробностями рассказал о разговоре с мадам Браун.

Глава десятая

Адвокат в публичном доме

Я покатывалась со смеху, когда, со свойственным ему юмором, он повторил, а скорее разыграл в лицах единственную в своем роде сценку встречи с моей «благодетельницей». А дело было так.

Сперва он разыскал в городе знакомого старого адвоката, который, в чем он не сомневался, будет держать язык за зубами и никому не проговорится, а особенно отцу Чарльза, что его сын-гуляка живет с девочкой из публичного дома и содержит ее.

Поскольку было уже поздно, он не застал защитника в конторе. Нашел же его дома, где простуженный адвокат сидел в толстенном халате в кухне на табурете и парил ноги в лохани с кипятком и ромашкой, что — как известно — лучшее лекарство от всех страданий. Прямо там, в кухне, в пахучих парах ромашки выработали план наступления на начальницу нашего борделя. Детали нападения зависели уже от того, как будут развиваться события, когда они окажутся в стане врага.

Старому, худому, как трость, шестидесятилетнему законоведу не очень-то по вкусу пришла миссия, которую ему подготовил Чарльз: как из-за жалкого состояния его здоровья и позднего времени, так и — и это важнее всего — из-за ревнивой жены. Жена была старше его на целых двадцать лет и по этой причине считала мужа незрелым юнцом, ищущим только случая согрешить с молодыми и легкомысленными посетительницами его канцелярии. Поэтому она и днем и ночью стерегла его супружескую верность от подлых поползновений распущенных клиенток и не один раз — неожиданно вваливаясь в бюро в служебное время — в присутствии персонала и клиентки хваталась за метлу, когда ее слишком уж донимала подозрительность.

По правде говоря, адвокат, конечно же, был невинен, как богобоязненная девица, не столько из-за того, что не хотел, сколько из-за того, что, к сожалению, давно уже не мог.

Однако, соблазненный гонораром, и не маленьким, за труды в столь скабресном деле, он в конце концов согласился на предложение Чарльза, хотя в этом случае грозила ему не только метла, но и настоящая палка в руках ревнивой жены. И поэтому сговор Чарльза со стражем закона происходил на кухне и при запертых на задвижку дверях. Совещались шепотом, адвокат парил ноги в ромашке, а Чарльз ежеминутно по его просьбе подкрадывался к дверям и засовывал прутик в замочную скважину, чтобы проверить, не подставила ли к ней терзаемая подозрениями адвоката жена свое ухо.

Старому, опытнейшему правоведа не понравилась идея Чарльза заплатить хозяйке борделя за украденную постоялицу. Совершенно правильно он заметил, сморкаясь в полотенце, которым еще к тому же вытирал ноги:

— Заплатить — это не проблема. Для этого я вам не нужен. Купить за деньги сможет любой. Но не каждый может купить бесплатно. И еще так купить, чтобы продавец думал, что он отдал товар с колоссальной выгодой... Апчхи! — чихнул он мощно. — Этот ужасный насморк, вы уж извините...

— Как вы это понимаете, уважаемый господин адвокат? — удивился Чарльз.

— А что из того, что я понимаю, если вы не понимаете, молодой человек? — таинственно засмеялся старый лис и начал одеваться. — Можете на меня положиться. Мы получим девушку без денег, еще и сами заработаем. Зря, что ли, я адвокат? Это значит, — он

быстро поправился, — не заработаем, а заработаю. Я это заработаю, конечно же, сверх гонорара, который вы мне тут же из рук в руки и выплатите. А он составляет два фунта стерлингов. Так ведь? — Адвокат протянул открытую ладонь.

— Согласен, — подтвердил Чарльз, ударив ладонью по ладони правоведа, и положил на нее деньги, которые тот, подозрительно изучив, спрятал за подкладку сюртука.

Адвокат набросил пелерину на плечи, надел цилиндр, открыл дверь и выглянул в коридор. На скрип задвижки из соседней комнаты вышла жена. Она была еще худосочнее, чем муж. Нос ее украшала большая бородавка, на которой росли три длинных волоса.

— Ты куда собираешься, Гораций? — грозно спросила она, преграждая ему дорогу.

— У меня срочное дело, дорогая... — начал адвокат сладким голосом. — Поддай мне папку...

— Дело? В это время? Я знаю твои срочные дела! Какое может быть ночью дело? Суды закрыты.

— Но публичные дома открыты, — возразил адвокат со всей искренностью, ошарашив Чарльза и, что важнее, свою супругу. Именно произведенным эффектом он и хотел сразу воспользоваться.

— А, значит... у тебя дело... в публичном доме? — с трудом выговорила удивленная жена адвоката. — Идешь... в публичный дом?

— Да, дорогая, — признался страж всеобщей нравственности. — Я должен туда идти, и сейчас же.

— И что ты там хочешь... делать? — простонала женщина.

— К сожалению, не то, в чем ты меня постоянно подозреваешь, — произнес он трагично и с иронией, понизив простуженный голос. — Сейчас там это невозможно. И не знаю, возможно ли будет когда-нибудь. В связи с чем я, собственно, туда и иду...

— Что случилось? — спросила старуха уже более миролюбиво.

Первый лед подозрений был как будто бы сломлен. Соответственно плану адвоката наступил решающий момент. Он должен был получить согласие на выход в город в столь позднюю пору. Он ответил твердо, грозным и солидным голосом, выговаривая четко каждое слово:

— Убийство! Понимаешь? В публичном доме убили девушку.

— Как... убили? — воскликнула она со страхом.

— Разрезали на кусочки! Голова отдельно, бюст отдельно, ноги отдельно и, представь, грешное место отдельно!.. Понимаешь?

— По... ни... маю, — охнула жена защитника. — Но...

— Никаких «но»! — остановил он ее резко. — Я должен спасти невинного человека, — он говорил быстро и как в горячке. — Это моя святая обязанность! Я рискую здоровьем, а может быть, и жизнью, выходя из дому в такой туман и дождь и в таком состоянии. Я опасно простужен. Но я должен. Ибо я до конца дней не знал бы покоя, и ты бы мне никогда этого не простила, если бы его повесили из-за моего отказа. Может, он уже висит! — воскликнул он.

— Кто висит?.. — вскрикнула женщина.

— Брат этого молодого человека из благородного рода, который пришел молить меня о помощи, — здесь адвокат показал на Чарльза. — Его арестовали, когда произошло это ужасное убийство. Он был тогда с другой девушкой, но подозрение пало на него. А он невинный. Он хотел только немного согрешить. Но что поделать — таковы последствия

любого греха. Он сидит там под стражей. Я бы добился, чтобы его не повесили без согласования со мной. Разве ты не понимаешь, дорогая, что я иду туда с огромным омерзением, но что делать? — он тяжело вздохнул. — Надо его спасти от виселицы, а я один во всем Лондоне сумею это сделать. Ну, разрешаешь?

Слезы потекли из глаз женщины. Она поцеловала его с благоговением в лоб и сказала дрожащим голосом, укутывая шарфом его худую шею.

— Иди, мой муж, исполняй свой долг. Да поможет тебе Бог в твоём благородном деле.

Чарльз отвернулся, чтобы не расхохотаться, и выбежал с адвокатом на улицу. Они остановили проезжавшую мимо карету и велели кучеру везти их к мадам Браун.

— Это была тяжкая работа, — вздохнул с облегчением адвокат и вытер пот со лба. — Значительно тяжелее, чем вопрос с вашей мадам. План был в совершенстве обдуман, не правда ли?

— Но вы сделали одну ошибку, дорогой защитник, — засмеялся Чарльз.

— Какую?

— Вы сказали, что рискуете жизнью, выходя в такой туман и дождь. А посмотрите-ка, пожалуйста, какой прекрасный звездный вечер. За эту ошибку вы здорово заплатите по возвращении домой.

— Вы ошибаетесь, молодой человек, — еще громче засмеялся старый лис. — За эту ошибку заплатите вы, а не я. Неприятности с моей старухой я приплюсую к гонорару. Иначе выхожу из игры и возвращаюсь домой. Это может мне слишком дорого стоить. Вы мне добавьте, и тотчас же, еще один фунт.

Чарльз закусил губу и снова потянулся за кошельком. Смех замер на его устах, но заплатил он с удовольствием. Старый вымогатель стоил еще одного фунта. Не зря он хвалился своими профессиональными способностями. Ясно было, что он может быть опасен. Чарльз видел, что мадам предстоит разгрызть крепкий орешек.

Глава одиннадцатая

Пять девушек и два клиента

На тихой улочке над воротами в храм платных наслаждений, бывший моей первой жизненной школой, горел романтический красный фонарь, а освещенные окна были завешены хранящими чужие тайны розовыми занавесками. У входа было пусто. Не было ни одной кареты. Для Чарльза, знакомого с порядками этого дома, все говорило о том, что заведение готово к работе, но пока там нет еще ни одного клиента.

Все в этом мире относительно: до неприличия позднее время в понимании невинной жены защитника было по-детски ранней порой для мадам Браун. Поток посетителей приходился приблизительно на полночь. Тогда улица была загромождена экипажами, ржание коней смешивалось со смачной бранью кучеров, бранящихся из-за лучших мест в ожидании своих развлекающихся господ.

Здание располагалось чуть в глубине двора. Адвокат и его клиент вошли в открытые ворота. Чарльз постучал дверным молоточком, и, когда прозвучали четыре условных удара, окошечко в двери отворилось и показалось лицо достопочтенной Марты. Конечно же, служанка узнала одного из лучших гостей дома. Она широко открыла двери и глубоким поклоном приветствовала входящих, забрав у них пелерины и цилиндры:

— Добрый вечер благородным господам. Прошу в гостиную.

И несколько удивленная столь ранним визитом, она прокричала в глубину дома, хлопая в ладоши, словно привратница в школе для девочек:

— Барышни, барышни, поспешите-ка. Господа уже пришли!

После этого она обратилась к гостям, указывая на кресла:

— Господа желают отдохнуть? Барышни как раз готовятся к вечеру и тотчас спустятся к господам. Сегодня господа первые.

— А где мадам? — спросил юрист равнодушным голосом.

— Она не возвращалась еще из города. Но я могу попросить мисс Фебу.

Адвокат сел и вопросительно посмотрел на Чарльза. Он не знал, кем здесь является мисс Феба. Он что-то хотел сказать, но Чарльз движением руки его остановил и ответил служанке, сделав ей какой-то знак:

— В мисс Фебе нет нужды, Марта. Мы подождем барышень. Они значительно моложе мисс Фебы.

Прежде чем смущенный адвокат успел отреагировать, прислуга исчезла за дверьми.

— Что вы задумали, молодой человек? — сказал он недовольным тоном.

— Я не собираюсь переполошить весь дом. Зачем? Это может нам только повредить, — ответил Чарльз, злорадно улыбаясь. — Дом должен работать нормально, хотя мы и пришли по другому делу. По крайней мере, девочки не должны ничего заподозрить. Впрочем, пока мы осмотримся, как раз и мадам вернется. Она должна быть здесь каждый вечер.

— Она тоже... работает? — спросил адвокат.

— Нет. Она уже на пенсии. Если работает, то как бы частным образом, по собственной нужде и для своего же собственного удовольствия.

— Почему же она должна здесь быть? — поинтересовался недоверчивый старый лис.

— Тут она хранит кассу. Девочкам не позволено брать у клиентов ни пенса. Кроме того, чего же стоит оркестр без дирижера? Мадам поддерживает здесь порядок.

Защитник тяжело вздохнул. Вопрос начал неожиданно осложняться. В этой области Чарльз имел значительные преимущества.

— Может, вы и правы, — согласился старик. — В любом случае, нам ничего не остается, как ждать эту бабу.

Однако хозяйка с возвращением не спешила. Девочки ждать себя не заставили. Не прошло и пяти минут, как в гостиную вошли поочередно: толстая Мэри, блондиночка Салли со вздернутым носиком, лукавая, рыжая, маленькая Эльза, черноволосая гордая испанка Хуанита и совсем молоденькая Дебби с невинным личиком и с роскошными ямочками на щечках.

Барышни были одеты в сильно декольтированные короткие и облегающие платья, подчеркивающие все их прелести. От них исходил сильный запах духов. Они прошлись перед Чарльзом и адвокатом, зазывающе улыбаясь и строя глазки.

— Парад... — охнул старый правовед. — Почему их вышло сразу пять?

— Дом показывает, что у него есть выбор, — ответил с улыбкой юноша. — Но это далеко не весь товар. Хотите посмотреть? Я могу позвать еще трех.

— Нет, нет, не надо! — поспешно отказался адвокат. — Я не хочу ни одной.

Однако Мэри, видя, что гости тянут с выбором, первой покинула строй и обратилась к Чарльзу, ласково беря его за подбородок и заглядывая в глаза.

— Мальчик пришел с папочкой?

— Да, — рассмеялся Чарльз. — Папочка тоже имеет право развлечься. Покажи ему, Мэри, свое умение.

— Золотые слова, куколка, — сказала толстая деваха и, не дожидаясь приглашения, с размаху плюхнулась на колени старика, да так, что заскрипели пружины старого кресла.

— Обожди-ка, обожди, — простонал защитник. — Я не... не за тем к вам пришел...

— А зачем? — засмеялась деваха, после чего, усаживаясь на нем удобнее, обняла толстой рукой высушенную шею и смачно поцеловала адвоката. — Папочка, как видно, очень стеснительный. Ничего, не страшно. Папочка стар, но еще крепкий, совсем крепкий. — Она задвигала крепкими ягодицами по бедрам несчастного законника и спросила, засовывая ему руку под сюртук: — Приятно? Папочка тут же разогреется, очень даже разогреется. Я это умею делать с папочками. Папочка сразу перестанет быть папочкой...

— А чем он станет? — спросил Чарльз, давась со смеху.

— Станет сыночком, как ты, птенчик, — ответила Мэри, просовывая ладонь значительно ниже, куда-то между своими ягодицами и стиснутыми бедрами адвоката. — Станет сладким поросеночком...

Тем временем малышка Эльза подбиралась к Чарльзу, но не столь смело, как Мэри к адвокату. Юноша ей ужасно нравился, и это ее сдерживало.

— Почему вы такой грустный? — спросила она с сожалением в голосе. — Господин такой милый и красивый. Не стоит грустить, право же. У меня комнатка наверху. Вы могли бы поговорить с мадам. Я была бы только для господина, ни с кем другим не шла бы.

Она низко наклонилась над ним, чтобы показать грудь в глубоком вырезе декольте, и, подтянув юбку вверх, продемонстрировала стройную ногу в черном чулке, украшенную подвязкой, над которой поблескивала полоска розового крепкого тела.

Ей казалось, что она видит зарождающийся интерес в глазах Чарльза, и она спросила с надеждой в голосе:

— Подтянуть повыше? Я могу показать все, если это интересует господина. Но, наверное, не здесь, на людях, так ведь? Гораздо приятней нам будет вдвоем, — шепнула она со страстным вздохом. — Вы не пожалеете, вы будете так мной довольны, что никогда уже не пожелаете другой девушки. Ну так идем?

Но Чарльз сразу остудил ее пыл, сказав кратко и жестко:

— Захочу или нет, там видно будет. Сейчас же ничего мне не показывай и никуда не пойдем.

— Может, сеньор пойдет с я, — заговорила на ломаном английском испанка Хуанита. Она приблизилась к Чарльзу, оттолкнула Эльзу, раскрыла веер и крутанулась перед ним, словно танцую свое испанское болеро.

— Я научу сеньора что-то новое, ужасно, очень ужасно приятное, что делается с мужчиной у нас, в Испании, и что абсолютно не знают в эта холодная Англия, что сеньор будет просить мне еще, много еще, много раз за целую ночь, а я буду делать, и мне будет тоже страшно приятно. Ну? Что? Делаем?

— Подожди, огненная сеньорита, — Чарльз остановил танцевальные па испанки легким шлепком по упругой попке. — Ничего не делаем. Я еще не знаю «вся холодная Англия». А есть здесь, кроме того, две подружки, — показал он на Дебби и Салли. — Обожди своей очереди. Подойдите-ка, девочки, поближе, — он поманил их пальцем. А что нового вы умеете?

Две барышни взяли за руки и как по приказу хором отчеканили тоненькими голосами:

— Мы умеем — полюбить — вас — вместе.

— Как это вместе? — искренне удивился Чарльз.

— Господин ложится между нами посередке, — объяснила Салли, опуская стыдливо глаза.

— Об этом я еще не слышал, — заявил Чарльз с большим интересом. — Предположим, что я уже лег между вами. И что дальше? Одновременно с двумя?

— Именно это мы и хотим господину показать, — произнесла таинственно Дебби. — За двойную цену, но это стоит и все три цены.

— Стоит и четыре цены, — вздохнул с сожалением Чарльз, — но не для моего кармана. Пусть папочка с вами попробует, а потом мне расскажет, как это делается, — предложил он адвокату, изнемогавшему под прелестями сидящей на нем и беспрерывно его целовавшей Мэри.

— Ошалел, сынок, — раздался стонущий и придушенный голос защитника из-под жирного тела девахи. — Ты мне говоришь — с двумя, а я с одной не могу. Ох, воздуха... Немножечко воздуха... Я задыхаюсь...

Мэри отодвинула от своей жертвы пышный бюст, которым придавила его впалую грудь, и, вставая с колен адвоката, решительно сказала:

— Можешь, папочка, можешь! Я знаю, я чувствую, что можешь. Ты готов. А пока можешь, иди-ка быстро ко мне наверх, — стала она тянуть его к дверям.

— Не могу, — умолял несчастный юрист. — Клянусь честью, что не могу. Я уже десять лет не могу, пожалуйста, сама посмотри...

— Можешь, — настойчиво твердила Мэри. — Я тебе покажу, что можешь! И что будешь мочь еще следующие десять лет! Незачем смотреть, если я чувствую!

Неизвестно, какой трагедией завершилось бы это ночное приключение защитника, если бы его не спасла... мадам Браун, вернувшаяся как раз в этот момент из города.

Глава двенадцатая

Чарльз рассчитывается со «старухой»

Еще у ворот мадам услышала женский хохот и голоса мужчин. Один из клиентов покатывался со смеху, другой жалобно стонал. Ворвавшись вслед за служанкой в гостиную, мадам одним взглядом оценила разыгрывающуюся сцену.

Толстуха Мэри волокла к дверям солидного пожилого мужчину с неприлично расстегнутыми брюками. На бледных впалых щеках клиента остались алые следы ее поцелуев. Страдалец сопротивлялся изо всех сил, цепляясь за все, что попадало под руку. Но перевес в силе был явно не в его пользу.

Хриплым голосом Мэри фальшиво горланила веселую, непристойную, но очень поучительную песенку.

*Когда ты юн, ты — мягкий шелк,
Но тверд, как камень, член.
Ты воешь в старости, как волк:
Все, от макушки до колен,
Как камень, мягок только член.
Но не печалься, старичок,
Потверже станет твой стручок.
На эту немочь и беду
Лекарство я тебе найду!..*

И чтоб показать, где находится это прекрасное средство «от всех» мужских недугов, толстуха широко расставила ноги и в такт песенке зазывающе покачивала могучими бедрами.

В глубине гостиной в кресле удобно устроился Чарльз. К нему с двух сторон прильнули «любовные близнецы» Дебби и Салли. Примостившись на подлокотниках кресла, они сладострастно лобызали его в щечки. На коленях кавалера, целуя его в губы, верхом уселась рыжая Эльза. Перед всей этой публикой самозабвенно плясала болеро Хуанита. Из-под высоко поднятой юбки ярким пламенем вспыхивали красные кружевные панталоны. Чарльз хохотал до упаду, увертывался от поцелуев и кричал:

— А где остальные девицы? Какого черта они прячутся? Тащите всех сюда, папаша требует еще! Папаша может, клянусь честью, может! Справится с каждой по очереди и со всеми сразу. Ур-ра! Да здравствует папаша! Да здравствует клиника мадам Браун и ее очаровательные медсестрички!..

Мадам трижды хлопнула в ладони и грозно гаркнула:

— Барышни, сейчас же прекратите!.. Что здесь происходит? На кого вы все похожи?

Шум утих в одно мгновение. Наступила мертвая тишина. Барышни послушно оставили в покое клиентов. Кинулись поправлять платья и прически. Адвокат с облегчением рухнул в кресло и огромным клетчатым платком начал вытирать пот со лба.

— Где барышня Феба? — обратилась госпожа Браун к служанке. — Почему не следит за порядком? Как они смеют так вести себя в гостиной?

Марта шепнула на ухо мадам:

— К барышне Фебе пришел клиент. Я провела его прямо к ней в комнату, потому что он не захотел ждать в холле, а салон был занят.

— Какой клиент? — шепотом спросила мадам.

— Тот, кто был с ней позавчера. Помните, госпожа, такой капризный? У него ничего не получилось с Эльзой... Госпожа тогда приказала барышне Фебе заняться им. Позвать ее?

— Нет! — решительно ответила хозяйка. — Не беспокойте ее, пока она не обслужит гостя и сама не спустится вниз. Можно все испортить. Это очень трудный клиент...

Мгновение спустя она уже обратилась к Чарльзу и адвокату с проникновенной речью:

— Господа, надеюсь, простят нас за то, что здесь случилось. У меня солидное предприятие первой категории. Здесь девушкам не позволено так набрасываться на уважаемых гостей. Клиенты сами выбирают себе подруг и удаляются в их уютные гнездышки. Разве что они заказывают, если можно так выразиться, групповую игру. Но это требует моего особого разрешения, определенной подготовки и, — она многозначительно улыбнулась, — соответствующих расходов. Рада вас видеть, — вежливо обратилась она к Чарльзу и вопросительно посмотрела на адвоката: — А этот джентльмен? Вы привели его к нам, да? Посетителей с улицы мы не принимаем, — произнесла она с гордостью. — Мое заведение не для простолюдинов.

— Он не с улицы! — завопила толстуха Мэри. — Это папаша! Мой сладкий, долгожданный папочка!

— Милая! Помолчи, когда тебя не спрашивают, — сурово оборвала ее мадам. — Что за воспитание! Мне стыдно за тебя! У нас нет «папаш» и «папочек». У нас любой гость, независимо от возраста, — мужчина или благодаря нам становится мужчиной. Это наша обязанность! Даже больше — это наша миссия. Понятно?

— Да, госпожа, — вежливо поклонилась Мэри и виновато опустила покрасневшие глаза. — Я хотела выполнить... нашу обязанность.

— Видела, — строго сказала госпожа Браун. — Вопреки желанию этого джентльмена. Можно подумать, что ты у нас одна. Так ведут себя уличные девки, а не воспитанные барышни.

— Этот господин — знаменитый адвокат, — пояснил Чарльз. — У него в Лондоне всему городу известная контора. Он — один из самых выдающихся юридических умов в нашем Королевстве. Кавалер орденов Подвязки, Большой Бани, Спальни и Матраса, а также множества других, которые я не стану называть, чтобы ненароком не смущать благородных барышень, — добавил он таинственно.

После такого перечисления немислимых достоинств и почетных званий нового клиента мадам Браун ослепительно улыбнулась и низко поклонилась столь достопочтенному юристу, который в это время поспешно застегивал ширинку.

— Очень рада принять уважаемого адвоката в нашей скромной обители, — воскликнула она с энтузиазмом. — Смею заметить, что моими постоянными клиентами давно уже стали многие судьи и прокуроры его королевского величества. Конечно, я не называю имен: умение хранить тайны — железное правило этого дома. Но уверяю вас, дорогой господин адвокат, что нередко в этих стенах могла бы состояться сессия Верховного суда Великобритании...

— А также заседание, а вернее, возлежание генерального штаба вооруженных сил его королевского величества, — с поклоном добавил Чарльз.

— Да, — с довольным видом подтвердила его слова мадам. — Пожалуйста, господин адвокат. — Она обернулась к пятерке девушек, которые уже замерли в шеренге, как солдаты. — Не хотите ли вы оказать честь одной из моих воспитанниц? Все они молоды, свежи, здоровы. Из хороших семей, даже из дворянских. Старательно их отбираю и основательно обучаю. Это, конечно, стоит больших трудов и немалых денег. Но удовольствие моих гостей для меня превыше прочих благ. Зная вкусы нашей утонченной молодежи, я бы посоветовала господину Чарльзу уединиться с Дебби и Салли. Они освоили последнюю французскую новинку, которую я привезла прямо из Парижа. Это козырная карта моего заведения. Для господина адвоката в его возрасте это было бы не по силам.

Поскольку адвокат с выбором не торопился, госпожа Браун поспешила на помощь:

— Не настаиваю. Если господину адвокату не понравилась ни одна, у меня в резерве еще две девушки для клиентов с особыми вкусами. Одной пятнадцать лет, а другой все пятьдесят.

— А пятилетней нет? — язвительно заметил адвокат. — Я пришел сюда только ради вас.

— Как это понять? — удивилась мадам Браун.

— Просто я много слышал о вас. И меня все это ужасно заинтриговало.

— Вы хотели бы... меня? — соблазнительно улыбнулась польщенная хозяйка заведения и, слегка смутившись, спросила — Прямо здесь? Сейчас?..

— Именно так. Немедленно. Здесь, — иронически подтвердил юрист, но дама не заметила насмешки.

— О, вы меня застали врасплох. Это так неожиданно, — защебетала госпожа Браун детским голоском, и ее мощная грудь заколыхалась возбужденно. — В принципе я сама клиентов не обслуживаю. Но для господина адвоката я согласна сделать исключение. Марта! — обратилась она к служанке. — Приготовь мою спальню. И побыстрее! Господин адвокат хочет со мной...

Адвокат встал, взял со стола свой портфель и сухо объявил:

— Я действительно хочу с вами... но только поговорить. Именно с этой целью я и пришел сюда. Не как любитель девиц от пяти до пятидесяти лет, не как претендент на любовные утехи с вами. Несмотря на это, я был подвергнут совершенно неприличному нападению, а вы сами бесцеремонно и навязчиво мне предлагаете разврат. Что же, я сделаю из этого соответствующие юридические выводы.

Лицо госпожи Браун под толстым слоем пудры заметно побледнело, а радостное возбуждение в глазах померкло.

— Извините, господин адвокат, — произнесла она с выражением оскорбленной добродетели. — Это заведение служит определенным целям, которых я ни от кого не скрываю. Девушки имели право подумать, что в такой час господа могли прийти сюда по известному делу, а не с какой-то другой целью. К тому же они знакомы с господином Чарльзом и знают, что его сюда влечет. Естественно, они решили, что та же цель и у господина, который с ним пришел. Прошу вас, господа, пройти со мной в кабинет. А вы все марш в свои комнаты! — крикнула она испуганным девушкам. — И никому ничего не разбалтывать. С тобой, Мэри, — добавила она грозно, — поговорим потом с глазу на глаз. Все из-за тебя!

Жестом указав необычным посетителям дорогу, она величественно двинулась в свой кабинет. На некотором отдалении за ней следовали Чарльз и адвокат.

— Начало весьма удачное, — шепнул юрист своему спутнику. — Теперь совершенно ясно, что мадам даже не подозревает, где находится сбежавшая девушка. В противном случае она встретила бы вас совсем по-другому. Кроме того, я нашел надежную зацепку. Ну, как я это все устроил?

— Не вы, а я, — ехидно прервал его Чарльз. — Именно я нашел отменную зацепку. Толстуху Мэри. — И он со смехом указал адвокату на его разорванную ширинку. — Но не спорю. Начало нам удалось. Продолжайте в том же духе!

Как только они оказались в кабинете хозяйки заведения, адвокат сразу ринулся в атаку. Открыл портфель, порывлся в бумагах, вытащил какой-то документ со множеством печатей, который, конечно, не имел никакого отношения к делу, нацепил на нос очки в металлической оправе, откашлялся и, сурово глядя на мадам, произнес официальным тоном:

— Мое имя Гораций Уильям Филби. Как адвокат я имею право выступать в уголовных делах, что, в сущности, меня сюда и привело. Ваше имя и фамилия?

— Флоренция Браун, — не слишком уверенно ответила мадам, которую очень взволновало упоминание об «уголовных делах».

— Возраст? — продолжал допрашивать адвокат.

— ...десять два, — пробормотала она едва слышно.

— Сколько? Говорите внятно! — потребовал юрист.

— Пятьдесят два... — сконфуженно призналась она. — Исполнилось... в марте...

— И в таком возрасте, — рявкнул адвокат, — вы пытались склонить степенных людей к гнусному разврату? Прекрасно! Запомним это в интересах дела. Ваша профессия?

— Разве непонятно? — неуверенно проямлила мадам.

— Что нам понятно, мы еще увидим! — буркнул адвокат. — Прошу четко ответить, чем вы занимаетесь? Каким способом добываете деньги?

— Я хозяйка публичного дома.

— У вас есть разрешение?

— Да...

— Покажите!

Мадам вынула из ящика письменного стола бумагу и протянула ее адвокату. Тот несколько минут изучал документ, после чего, испытующе глядя на мадам поверх очков, спросил строго:

— Не привлекались ли вы к уголовной ответственности?

— Никогда.

— Сожалею, но это вас ожидает. В ближайшее время.

— Почему? — испуганно спросила госпожа Браун. — У меня солидное заведение. Первой категории!.. Я соблюдаю закон.

— Посмотрим, «солидное» ли. И заодно уточним, как вы соблюдаете закон, — иронически улыбнулся обвинитель. Выждав для большего эффекта долгую паузу, он проронил зловеще: — Знаете ли вы девушку по имени Френсис, или Фанни, Хилл?

Мадам Браун медлила с ответом.

— А может, знаете, но уже... забыли, — зловеще ухмыльнулся адвокат Филби. — Постарайтесь все же припомнить эту Фанни Хилл.

— Не знаю, — угрюмо буркнула мадам.

— Прекрасно! — обрадовался адвокат. — Предположим, что мадам ее действительно не знает. Но вам, очевидно, известно бюро по найму, которое, направляя наивных деревенских

девушек будто бы на службу, на самом деле толкает их в дома терпимости?

— Нет... — Лицо мадам стало белее мела.

— И вы никогда не пользовались услугами такого бюро?

— Никогда.

— Как же случилось, — зашипел, как змея, адвокат, — что присутствующий здесь свидетель, этот молодой человек, видел в вашем доме и разговаривал с упомянутой Фанни Хилл, которая якобы вам неизвестна.

— Это невозможно, — сдавленным голосом пробормотала несчастная женщина и с ужасом посмотрела на Чарльза. — Вы с ней встречались в моем доме? Когда?

— Я случайно встретил ее позавчера около семи утра, — пояснил юноша. — Девушка застала меня спящим в кресле гостиной. Ее плач разбудил меня. Девушка была в отчаянии. Я представился. И она вымолила, чтобы я дал ей свой адрес.

— Зачем ей ваш адрес? — пролепетала госпожа Браун.

— Не имею представления. Она не сказала.

— А я знаю! — воскликнул адвокат. — Ей нужен свидетель в деле против вас. Это говорят факты. Они куда серьезнее, чем ваши лживые увертки. Кроме того, вопросы буду задавать я, а не вы... Итак, приступим к делу. — Он торжественно выпрямился, как судья, которому предстоит огласить обвинительное заключение. — В соответствии с законом Великобритании ставлю вас в известность, Флоренция Браун, что несовершеннолетняя девушка по имени Фанни Хилл, рекомендованная вам бюро по найму, которую заманили в публичный дом, пообещав место служанки, обвиняет вас, при моем, разумеется, посредничестве, в том, что ее силой удерживали в вашем заведении и заставляли заниматься проституцией с мужчинами, которых вы ей указывали. Вы обвиняетесь в следующих преступлениях. — Адвокат делал вид, что читает документ, который лежал перед ним на столе: — Во-первых, похищение, во-вторых, насильное задержание, в-третьих, принуждение к проституции несовершеннолетней. В соответствии с законом эти преступления караются клеймением раскаленным железом, тюремным заключением и каторжными работами сроком до четырех лет с конфискацией имущества публичного дома, где были совершены эти преступления.

— Ложь! — с отчаянием закричала госпожа Браун. — Она врет! Ее не держали в заключении. Могла уйти в любую минуту. Сама захотела остаться здесь. Я ее не принуждала! Она ни разу не работала. Ни разу не выходила к клиентам. Я берегла ее для избранного клиента. Она девственница. Могу поклясться.

— Откуда вам это известно? — недоверчиво усмехнулся ужасный адвокат. — Вы заглядывали в ее... как бы это сказать...

— Моя помощница, Феба Айрс, исследовала ее.

— «Исследовала»?.. Как?

— Пальцем! Феба хорошо разбирается в этом. У нее есть опыт.

— И что обнаружила ваша опытная помощница? — с издевкой спросил адвокат.

— Что девушка никогда не спала с мужчиной!

Адвокат украдкой посмотрел на Чарльза. Тот незаметно кивнул головой. Тем не менее адвокат произнес строго:

— Странно! Очень странно. Вопреки профессиональному мнению Фебы Айрс, полицейский врач дал заключение, что Фанни Хилл утратила девственность. Причем совсем недавно. Не более двух дней назад.

Дрожащим от страха голосом госпожа Браун спросила Чарльза:

— Позавчера в гостиной вы с ней... что-то... делали?.. Только этим можно объяснить...

— И в мыслях не было, — нахально расхохотался молодой человек. — Девушка не в моем вкусе. Слишком молода... и этот глупый плач... Мужчины моего возраста предпочитают более опытных женщин. Им ничего не надо объяснять, и они знают такие забавные штучки... По ней было сразу видно, что она еще только приобретает профессию. А я не собирался быть учителем. По мне, такое удовольствие гроша ломаного не стоит. Но у меня доброе сердце. Я дал ей свой адрес и ушел. Больше мне не пришлось с ней встречаться до того момента, когда господин адвокат обратился ко мне.

— Однако факт остается фактом, — сказал Филби. — Фанни, вопреки заверениям госпожи Браун, не является девицей. Может, она утратила невинность при побеге, наткнувшись на колья ограды? Только таким образом, госпожа Браун, вы могли бы защитить себя в суде. Другого объяснения нет. — Он многозначительно подмигнул Чарльзу.

— Что... дело уже в суде?.. — зарыдала мадам.

— Да. Сегодня утром принято к производству. Сюда меня привела необходимость изучить все обстоятельства случившегося. Показаний девушки недостаточно. Необходимо установить истину.

— Клянусь Богом, я не виновата! — расплакалась госпожа Браун. — Пощадите меня! Может быть, еще не поздно что-то сделать? Вы не можете меня уничтожить ни за что, за преступление, которого я не совершала. Пожалейте моих бедных девушек! Без меня они окажутся на улице, на углу под фонарем. Они любят меня, как родную мать.

Адвокат внимательно посмотрел на нее. И, казалось, заколебался. Несколько минут размышлял о чем-то, потом сказал немного мягче:

— Не надо плакать. Не терплю женских слез... Конечно, дело паршивое. Но существуют определенные обстоятельства... хотя бы будущее этих девиц, особенно веселой Мэри. Она ведь столько мне наобещала! С другой стороны, шумный скандал никому пользы не принесет: ни высокопоставленным клиентам, ни самой Фанни Хилл. Вряд ли такая «слава» помогла бы ей найти мужа. Кроме того, даже самый суровый приговор не вернет ей невинность... Тут надо еще подумать.

— Дорогой господин адвокат! — завопила мадам. В ее глазах мелькнула надежда. — Нельзя ли забрать дело из суда? Не сомневаюсь, вам это удалось бы, если б вы только захотели.

— Можно, конечно, попытаться, — в раздумье начал старый лис. — Но это очень трудно... К тому же связано с большими затратами...

— Что касается затрат, — быстро заговорила мадам, — я все оплачу с радостью и благодарностью. Только скажите сколько?

— Для начала около пяти фунтов стерлингов, — считал Филби. — Кроме того, гонорар, который обещала мне Фанни Хилл, — еще три фунта. Да еще гонорар за то, что придется убедить девушку, чтобы она не поднимала шум. Пожалуй, этак фунта четыре...

— Всего двенадцать, — суммировала мадам Браун. Она достала из ящика стола пачку банкнот, отсчитала необходимую сумму и положила на стол. — Прошу, дорогой господин адвокат.

— Не торопитесь, — остановил ее Филби. — Это еще не все...

— Сколько нужно еще? Я с удовольствием заплачу, — быстро сказала она, опасаясь, как бы адвокат не раздумал.

— Что касается денег, то на этом можно остановиться. Но вы должны, кроме того, подписать заявление, что не имеете никаких финансовых претензий к Фанни Хилл. После прекращения процесса вы могли бы из чувства мести обвинить ее, например, в том, что она совершила кражу и потому сбежала, или потребовать оплаты содержания и туалетов, которые вы ей купили. Кроме того, девушка отдала вам свои сбережения. Вы вернете мне их. И наконец, я должен забрать все вещи, которые она привезла из деревни.

— Конечно, дорогой господин адвокат! Сейчас же прикажу Марте упаковать все ее вещи. И в доказательство того, что не держу на нее зла, пошлю ей в подарок несколько платьев ее размера. Только бы все было тихо! Только бы я могла и дальше спокойно работать...

Адвокат подготовил соответствующий документ, который мадам торопливо подписала. В ознаменование удачного завершения дела распили бутылочку лучшего виски. После третьей рюмки довольная мадам Браун предложила:

— Хотела бы кое-что подарить вам.

— Не принимаю подношений от клиентов, — заявил страж закона. — Мои принципы не позволяют мне... Я на службе. Меня нельзя подкупить.

— Я имела в виду особый подарок: моих барышень. Вы могли бы в течение года без оплаты услуг развлекаться с ними... Господин адвокат вспоминал веселую Мэри. Должна сказать, это очень способная, трудолюбивая девушка. Она многое умеет, хотя относится к работе как к забавному приключению. Можете попробовать хоть сейчас. Уж Мэри постарается, чтобы вы остались довольны! Если не получится с Мэри, то послужит вам Феба. Она, наверное, уже свободна. Вот где настоящий профессионал!

— Спасибо, — ответил адвокат. — Я не слишком хорошо себя чувствую. Приду, как только избавлюсь от этого проклятого насморка. Апчхи! — чихнул он и громогласно высморкался. — Мэри понравилась мне. Девушка что надо, и такая пухленькая! В былые времена я таких просто обожал! По крайней мере, есть за что подержаться. Когда она сидела на мне, почему-то даже показалось, что во мне как будто бы что-то проклюнулось, Хотя это могло только показаться. Но почему бы и нет?.. Охотно попытаюсь снова... Тем более бесплатно... Вдруг случится чудо?..

Обо всем этом мне рассказывал потом Чарльз, лежа в постели, после возвращения в нашу комнатку в Челси, Я умирала со смеху, который прерывали только его жадные поцелуи и пылкие ласки. Чарльз, едва появившись на пороге, набросился на меня с такой страстью, как будто долгие годы не видел женщин. А ведь прошло всего три часа с той минуты, когда он наслаждался моим телом. Его мощный вулкан без устали извергал горячую лаву... Только в третьем антракте, когда Чарльз слегка утолил свою ненасытную жажду, он сумел беспрепятственно довести до конца рассказ о хитроумной вылазке в крепость мадам Браун.

— Успех превысил все ожидания. Старуха счастлива, что избежала пыток у позорного столба, тюрьмы, принудительных работ и конфискации имущества борделя. Ты в свою очередь получила гарантию, что фурия тебя не тронет. К тому же ты вернула свои сбережения. Да и несколько платьев наверняка пригодятся. Пройдоха адвокат заработал двенадцать фунтов, которые ловко выудил у старухи. И еще два фунта нагло выманил у меня в виде компенсации за те неприятности, которые его ожидают дома после визита в бордель.

— Ты же говорил, что, когда вы ехали к мадам, он потребовал только один фунт, — заметила я, давась от смеха.

— На обратном пути он потребовал еще один.

— За что?

— За старые штаны, которые растерзала на нем Мэри. Правда, они гроша ломаного не стоили.

— И ты заплатил?

— С большим удовольствием! — рассмеялся Чарльз. — Месть стоила гораздо большего. Что брюки порваны, это он заметил. А вот о том, что на лице у него остались багровые следы от поцелуев распутницы Мэри, даже не догадывался. Я, конечно, промолчал. Так что, когда ревнивая супруга обнаружит эти следы ужасного греха, бедняге адвокату придется испытать наказание уже не метлой, а железной кочергой. Кроме того, допускаю, что...

Но я не дала ему закончить мысль, закрыв рот поцелуем. Ну как было не вознаградить его за такой беспокойный способ мести сквалыге адвокату. К тому же перерыв длился намного дольше, чем прежние, что меня даже начинало немного беспокоить.

За эту ночь он мною был представлен к награде многократно. И, к счастью, оказалось, что никакого повода для беспокойства нет.

Глава тринадцатая

Миссис Джонс и ее «апартаменты»

На постоялом дворе в Челси мы провели десяток дней. Десять дней счастья, бесконечного наслаждения, упоения страстью. Пресвятой Боже! Как я его любила!.. Наши тела сливались в одно, наши сердца пели от счастья.

Чарльз придумал какой-то предлог (уже не припомню какой, да и разве это важно?), чтобы объяснить отцу, где он проводит все эти дни и ночи. Регулярно посещал он только свою щедрую бабушку. Впрочем, доил ее теперь гораздо экономнее, чем раньше. Не тратил больше денег на оргии с проститутками. А ведь на это прежде шла большая часть доходов доброй бабули.

С постоялого двора мы переехали в район Сент-Джеймс. Чарльз снял меблированную квартиру на втором этаже — две комнаты и небольшую кухоньку. Квартира оказалась не слишком дорогой, да еще в хорошем районе. Впрочем, мне тогда было абсолютно безразлично, как и где я живу. Главное, что я живу с Чарльзом. Если бы меня поместили даже в темную тюремную камеру, моя любовь не померкла бы ничуть.

Чарльз представил меня хозяйке миссис Джонс как тайную жену, о существовании которой родителям пока что неизвестно. Так, впрочем, все холостяки представляют своих содержанок хозяйкам меблированных комнат. И госпожа Джонс, опытная, хорошо знающая Лондон, его нравы и своих многочисленных постояльцев, конечно, все прекрасно поняла.

Она делала вид, что верит Чарльзу, и даже называла меня благородной леди, что абсолютно не соответствовало тайной сущности нашего союза. Но, признаюсь, тешило мое самолюбие. Хотя я и не была благородной леди, но во всяком случае тогда я еще верила, что благодаря Чарльзу стану ею.

Все это ничуть не волновало миссис Джонс. Главное — сдать квартиру, а кому — неважно. Правда, как вскоре выяснилось, у нее были и другие, скрытые цели...

В связи с той ролью, которую миссис Джонс предстоит сыграть в моей дальнейшей жизни, познакомимся ближе с этой малосимпатичной особой. Ей было лет сорок пять. Высокая, худая, с невыразительным лицом, она бесследно затерялась бы в толпе.

В молодости миссис Джонс была любовницей дворянина, который помог ей произвести на свет дочь. На содержание дочери он завещал ей сорок фунтов ежегодной пожизненной ренты. Но когда дочери исполнилось семнадцать, миссис Джонс решила от нее избавиться и тайком продала ее высокопоставленному чиновнику, который увез девушку за границу, к месту своей новой службы.

С тех пор преступная мать никогда не видела дочери. По слухам, чиновник тайком женился на девушке, но запретил ей встречаться с матерью, которой ничего не стоило дочь продать, как неодушевленный предмет.

Миссис Джонс была лишена всяких чувств. Ее не волновали ни радости жизни, ни печали, ей были неведомы никакие человеческие чувства. У нее был один бог — деньги.

Чтобы побольше нагрести, она и стала сводней. При этом всячески скрывала свою доходную профессию, притворяясь, что из лучших побуждений, бескорыстно сводит влюбленные парочки. Сдавая потом им на ночь комнаты в своем доме и предлагая кое-какие подозрительные услуги, она ловко тянула из них денежки. Вдобавок она еще занималась скупкой краденого, ростовщицеством, бралась за любые мерзкие дела, лишь бы побольше

заработать. Жила как нищенка, хотя сообщники оценивали ее состояние не менее чем в четыре тысячи фунтов стерлингов.

Неудивительно, что, когда под крышу ее дома попала пара таких молодых, наивных, неопытных влюбленных, как мы с Чарльзом, миссис Джонс сразу учуяла, что напала на золотую жилу. Под разными предлогами она выманивала деньги из щедрого и легкомысленного Чарльза.

Таким в общих чертах было наше любовное гнездышко и его страж. Но какое мне до всего этого было дело? Под «крылышком» свирепой ведьмы мы с Чарльзом провели лучшие дни нашей жизни. Любовник был поглощен мной полностью, исполняя все мои прихоти. Но какие там прихоти могут быть у деревенской девчонки, которая внезапно оказалась в большом незнакомом городе? Меня в Лондоне восхищало все: развлечения золотой молодежи, веселые балы-маскарады, театр, опера, балет, танцы.

Чарльз познакомил меня со своими друзьями, приятными, веселыми и красивыми юношами. Некоторые из них пробовали флиртовать со мной и даже пытались завязать более близкие отношения. Но что значили они по сравнению с моим любимым? Я попросту не замечала их заигрываний. Чарльз был самым милым, самым веселым и красивым в мире! Другие мужчины тогда не существовали для меня. Даже сама мысль о том, что другой мог бы меня обнимать, целовать, ласкать, овладеть моим телом, была мне отвратительна.

Если потом все так нелепо изменилось, в том не было вины Чарльза. И не моя вина, что я утратила его.

Но пока еще небо нашей любви было безмятежно и безоблачно. Дни были заполнены не только любовью и развлечениями. Чарльз ревностно заботился о моем воспитании и обучении. Делился со мной знаниями, полученными в школе, учил меня правильно говорить по-английски, достойно вести себя в обществе, объяснял, как девушка из хорошего дома должна одеваться, вести беседу, обращаться с прислугой, общаться с людьми разного положения и достатка.

Я была смышленной ученицей. Очень скоро бесследно испарились мои сельские привычки, деревенский акцент, простая внешность, тяжелая походка девушки, не привыкшей к городской обуви. После немногих уроков Чарльза я уже могла легко сойти за «благородную леди», как авансом меня назвала госпожа Джонс. Эти знания мне потом оченьгодились. Но, к сожалению, совсем не для того, к чему стремился Чарльз...

Его забота и внимание наполняли меня счастьем. Но в то же время я не могла не понимать, что нам нельзя рассчитывать только на щедрость бабушки. Я старалась убедить Чарльза поменьше тратить. Ему приходилось долго уговаривать меня, чтобы я согласилась принять от него в подарок очередное платье, шляпу, туфли или белье. Отчаяние охватывало меня при мысли, что, когда бабушка умрет, я могу стать обузой для него. Я дала себе слово, что начну работать, буду трудиться до изнеможения — только бы сохранить наш союз. Как же я была тогда еще наивна!

Чарльз никуда не отпускал меня одну. Когда он должен был куда-то отлучиться, я оставалась одна в нашей квартире и с нетерпением ожидала его возвращения. В такие часы меня всегда навещала миссис Джонс.

Из разговоров со мной она очень быстро сделала вывод, что я не жена Чарльза, о чем, конечно, подозревала и раньше, несмотря на то что Чарльз упрямо это отрицал.

Тогда я еще не научилась врать. Только потом этим искусством я овладела в совершенстве.

Судя по всему, уже тогда миссис Джонс начала строить свои мерзкие планы. Пока ей следовало сохранять осторожность. Она понимала, что любая интрига с ее стороны, любая попытка разорвать наш союз окончится для нее только тем, что она потеряет очень выгодных постояльцев.

Она была терпелива. Умела ждать. Знала, что такой союз долго не продержится.

И действительно, наступил момент, когда эта мерзкая мегера смогла без труда осуществить свои коварные планы. В этом ей помогло несчастье, которое обрушилось на меня как снег на голову.

Глава четырнадцатая

Я беременна и теряю Чарльза

Прошло одиннадцать месяцев нашей счастливой жизни с Чарльзом. Я была на третьем месяце беременности. В наших отношениях ничего не изменилось. Наоборот, Чарльз стал еще более нежным и внимательным, его любовь ко мне становилась все сильнее. Счастью моему не было границ — Чарльз мечтал о ребенке, а я знала, что ребенок свяжет нас навсегда.

Но жизнь распорядилась по-своему. Однажды пополудни Чарльз получил письмо от отца с требованием немедленно приехать домой. Письмо застало Чарльза врасплох. Он второпях оделся и ушел, пообещав вернуться к вечеру.

Однако прошел вечер, минула бессонная ночь, наступило утро, а Чарльза все не было. Прошел день, полный тревог. Чарльз не возвращался. И опять наступила тревожная ночь, вторая ночь без любимого. Еще один день. Никаких известий.

На третий день от страха и всего пережитого я заболела. Я не допускала и мысли, что любимый мог бросить меня. Это было невозможно.

Пришлось позвать на помощь миссис Джонс. Я не выносила эту отвратительную бабу, но уже не могла больше оставаться одна. Чувствовала я себя ужасно. Кто-то должен был заняться мной, успокоить, утешить добрым словом, помочь. Я все еще надеялась, что Чарльз вернется. Не верила, что с ним могло случиться неладное. Постоянно придумывала все новые причины, по которым он непременно должен был задержаться в городе. И все-таки я должна была узнать, что же его задержало.

Хозяйка вошла в спальню с приветливой улыбкой. Непривычно было видеть ее такой веселой. Обычно она шныряла по дому, не скрывая раздражения и злобы.

— Здравствуйте, моя милая, — любезно поздоровалась она. — Еще в постельке? Что за лентяйка! А все-таки недурно, когда делать нечего и можно понежиться до полудня.

То ли она не замечала, то ли притворялась, что не замечает, в каком состоянии я нахожусь.

— Миссис Джонс, — заговорила я дрожащим голосом. — Вы не обратили внимания, что уже три дня моего мужа нет дома?

— Да?.. А я и не заметила! — проворковала она с фальшивой, пакостной улыбочкой. — Я не шпиону за своими постояльцами... Он уехал по делам?

— Нет. Чарльз позавчера ушел и не вернулся, — сказала я, глотая слезы.

— О, не о чем беспокоиться! — рассмеялась она. — Муж как муж. Уходит ненадолго или надолго. По делам или без дела. Но рано или поздно плутишка возвращается к жене. И, разумеется, с раскаянием! — Слова «жена» и «муж» она произнесла с особым акцентом. — Беспокоиться можно за любовника, но не за мужа. Мужу его грешки положено прощать. Любовнику — никогда. Любовник должен сохранять верность. Только верность!..

— Миссис Джонс, — еле слышно сказала я. — Вы шутите, а я очень плохо себя чувствую. Я заболела.

— Что вас беспокоит, дорогая моя? — спросила с притворной заботой.

— Признаюсь, я беременна...

— О, иногда это довольно неприятно! Однако беременность — не болезнь. Многие женщины отдали бы состояние за такую «хворь». Замужнюю женщину это не должно

тревожить. На каком вы месяце, милочка?

— На третьем. Вы должны мне помочь.

Тень удовлетворения промелькнула на лице старой сводни.

— Конечно, помогу, — понизив голос, сказала она доверительно. — В связи... с временным отсутствием... мужа вы хотели бы избавиться от обузы? Это стоит недорого. Немножко поболит, но через три дня все будет в порядке и можно любить и дальше напропалую. У меня есть знакомая акушерка. Живет недалеко. Я часто рекомендую ее молодым женщинам и девушкам.

— Нет! — крикнула я. — Хочу родить ребенка! Нашего с Чарльзом ребенка!

— Материнство — долг каждой женщины, — поджав губы, сухо продекламировала баба. — Но если так, чем я собственно, могу помочь? Принести лекарств от тошноты?

— Миссис Джонс, — решительно сказала я. — Вы должны узнать, что случилось с Чарльзом. Если бы не болезнь, я не обращалась бы к вам. Занялась бы поисками сама.

— Успокойтесь, дорогое дитя, — ответила хозяйка. — Если бы даже вы были здоровы, я бы вам все равно помогла. Отдыхайте, не волнуйтесь. Это может вам повредить. Я поищу вашего мужа. Вот не знаю только, с чего начать.

— Позавчера Чарльз поехал к отцу.

— А где живет его отец?

— Точного адреса не знаю. Где-то поблизости. Это Ковент-Гарден. На улице, ведущей к парку.

— Прекрасно! — обрадовалась хозяйка. — Это совсем недалеко. Я знаю там небольшой трактир. Трактирщик — пройдоха. Он-то все разнюхает. Бегу! И скоро вернусь. Надеюсь, с новостями!

Слово мегера сдержала. Вернулась она раньше, чем можно было предположить. С хорошей вестью так бы не спешила. Трактирщик был знаком со служанкой отца Чарльза. Он послал за ней. И девушка рассказала моей хозяйке все, что ей удалось подслушать.

Правда была ужасной.

Преступный отец не мог уже стерпеть того, что бабка так щедро одаривает внука, а сыну не дает ни гроша. Поэтому решил убрать его подальше, чтобы наконец добраться до материнского кошелька.

Сговорившись с капитаном одного из кораблей, он под каким-то предлогом отправил сына на это судно. Только когда корабль вышел в открытое море, из письма, которое вручил ему капитан, бедный Чарльз узнал, что отец отправляет его в Восточную Индию. Умер его брат, владелец чайных плантаций, и Чарльзу предстояло отныне управлять заморским имуществом семьи.

Фактически это была ссылка. Отец приказал следить, чтобы Чарльз не удрал в Англию. Все его письма в Лондон следовало уничтожать.

— Бедный господин! — вздохнула с притворным сочувствием хозяйка, закончив свой рассказ. — Не смог даже прислать вам письмецо. А хуже всего вам, бедное дитя. Да еще в таком положении!.. Нужно решаться, пока еще не поздно. Можно сделать все тихонько. Прямо здесь, в комнате. Никто и не узнает. Через неделю поправитесь. А пройдет месяца два, начнете новую жизнь.

— Нет! — рыдала я. — Он вернется ко мне! Он убежит оттуда! И месяца не пройдет!

— Дорогая моя, — с притворным вздохом прервала меня мегера. — Служанка подслушала кое-что еще. Отец вашего... мужа говорил своей приятельнице, что пока сын

сориентируется в этой глухой провинции и попытается бежать через пустыни и джунгли, пройдет много времени. Значительно больше месяца!

— Сколько же это может продлиться? — допытывалась я, плача. — Насколько больше?

— К сожалению, я должна тебя огорчить, хоть и мое сердце разрывается на части, — ответила старуха. В ее глазах уже не было и следа сочувствия. — Отец господина Чарльза говорил о трех или четырех годах. Так долго ты вряд ли сможешь его ждать. Умрешь с голоду, пока он вернется. Если вообще вернется...

Все поплыло у меня перед глазами. Я почувствовала резкую, мучительную боль внизу живота. Все новые волны невыносимой боли накатывались на меня. Я потеряла сознание. Акушерка уже была не нужна.

От безнадежной тоски и отчаяния, что у меня так жестоко украли моего дорогого Чарльза, на третьем месяце беременности я потеряла плод своей единственной в жизни любви.

Глава пятнадцатая

Я стала содержанкой мистера Н.

Я проболела шесть недель Молодость и желание выжить оказались сильнее недуга. Медленно-медленно ко мне возвращались силы и душевное равновесие. В течение всех этих страшных дней миссис Джонс всячески заботилась обо мне: кормила, приносила лекарства, дни напролет сидела у моей постели.

Но как только она поняла, что я выздоравливаю, ее поистине материнское отношение ко мне резко изменилось. Однажды, когда мы пили с ней чай, она перевела разговор в деловое русло.

— Считаю, что пора сказать тебе все как есть. Я не хотела говорить об этом, пока ты была больна, чтобы не расстраивать тебя. Но сейчас, когда ты чувствуешь себя лучше, я должна поделиться с тобой своими заботами. Мое материальное положение сейчас хуже некуда. Поэтому, как это ни печально, я должна попросить тебя вернуть мне долг.

— Долг? — удивилась я. — Какой?..

— Дорогая моя, — ехидно произнесла миссис Джонс. — Ты, конечно, очень молода и неопытна, но, надеюсь, не думаешь, что лечение и питание для тебя принесла мне добрая фея. За все заплатила я. К тому же твой... муж оплатил за квартиру только до того дня, когда бросил тебя. Два месяца занимаешь апартаменты, которые ничего не стоит сдать за кругленькую сумму.

— Но, дорогая миссис Джонс! — воскликнула я. — Почему вы раньше меня не предупредили? Сколько я вам должна?

Мегера вытащила из кармана какую-то бумажонку и объявила:

— За лечение, питание, квартиру и уход всего двадцать фунтов три шиллинга и пять пенсов. Для тебя это мелочь, для меня — целое состояние.

В глазах у меня помутилось. Такой суммы я никогда в жизни не видела.

— Миссис Джонс, — пролепетала я дрожащим голосом. — У меня всего три фунта. Остальные деньги забрал Чарльз.

— В таком случае, — поинтересовалась она, — как ты собираешься отдать долг? Деньги нужны мне в течение двух дней.

— Не знаю... Право же, не знаю... Никогда бы не подумала, что у меня такой долг...

— Жаль, что не подумала. Но еще есть время хорошенько все обдумать, — зловеще прошипела хозяйка. — Тебе, конечно, известно, что за долги можно угодить в тюрьму...

— В тюрьму? — Я в ужасе схватилась за голову. — Боже! Что угодно, только не это! Лучше умереть! Убью себя, покончу жизнь самоубийством! — Я почувствовала, что при слове «тюрьма» начинаю терять сознание.

Мегера, которая хотела меня напугать, но уж никак не довести до самоубийства, поскольку моя смерть не входила в ее планы, произнесла немного мягче:

— Ну, не смотри на жизнь так трагически. Успокойся. И хорошенько подумай. Наверно, найдешь какой-нибудь выход. А я пока пришлю тебе обед.

После обеда миссис Джонс, как всегда, принесла чай и, не садясь к столу, вернулась к разговору о деньгах:

— Ты была бы сама виновата, если бы мне пришлось привлечь тебя к ответу. Думаю, ты не догадаешься, что нужно делать. Поэтому хочу тебе помочь. Я пригласила одного

серьезного, уважаемого джентльмена. Он выпьет с тобой чаю и посоветует, как надо поступить в этой ситуации.

Она вышла из комнаты и очень скоро вернулась в сопровождении «уважаемого джентльмена», который, конечно, не однажды прибегал к ее услугам. Джентльмен выглядел внушительно. Лет сорока, Одет скромно, но со вкусом. На руке перстень с бриллиантом. Мужчина производил впечатление состоятельного человека из высшего общества.

Джентльмен поклонился мне изысканно, а миссис Джонс, пододвигая ему кресло, представила:

— Дорогая Фанни, познакомься. Это мистер Н. (По понятным причинам я не привожу в дневнике фамилии мужчин, с которыми мне довелось завести близкое знакомство. Большинство из них живы и занимают высокое положение.) Выше голову, Фанни! Не позволяй слезам портить твоё личико. Если твоя прелестная мордашка всегда будет свежей и улыбочивой, особенно в обществе этого благородного джентльмена, тебя ждет поистине королевская награда!

— Миссис Джонс, — мужчина был явно недоволен, — мне кажется неподходящим такой тон в отношении юной леди. Мисс Фанни, — обратился он ко мне, — прошу вас не считать, что, добиваясь знакомства с вами, я руководствовался какими-то иными причинами, кроме глубокой симпатии, которую давно питаю к вам. Должен признаться, я очарован вами. Знаю, какие испытания выпали на вашу долю. Я не осмеливался прежде просить миссис Джонс, чтобы она представила меня, поскольку знал, что вы любите другого. Узнав о вашей болезни, я попросил миссис Джонс, чтобы она позаботилась о вас. Я занялся бы этим сам, если бы не срочное дело, которое вынудило меня выехать в Гаагу... Скажу честно, миссис Джонс обманула мое доверие и потребовала с вас денег. Поверьте, что я не собираюсь воспользоваться вашим положением. Вы окажете мне честь, если позволите немедленно оплатить сумму, которую требует миссис Джонс. Это просто дружеская услуга, за которую я, естественно, ничего от вас не потребую. Позвольте мне сделать это тотчас.

Слова благородного джентльмена растрогали меня до слез. Сдавленным голосом я с трудом проговорила:

— Не знаю... В самом деле не знаю... Вы так добры ко мне...

Господин Н. улыбнулся снисходительно и велел мегере принести чернильницу, гусиное перо и бумагу. Небрежным жестом бросил на стол деньги, написал расписку на сумму, которую потребовала миссис Джонс, и предложил ей расписаться. Потом высушил песком чернила, сложил бумажку и вложил в мою руку. Заметив, что я не решаюсь принять этот подарок, сунул мою руку вместе с распиской в карман платья.

Мне тогда и в голову бы не пришло, что благородный джентльмен уже расплатился с хозяйкой за то, что она устроила ему эту встречу.

Миссис Джонс с алчным блеском в глазах сгребла деньги и мгновенно испарилась. Оставшись наедине с незнакомым мужчиной, я не испытывала никакого страха. Мне было совершенно безразлично, что происходит со мной и вокруг меня.

Как только мегера вышла из комнаты, благородный джентльмен изменился вдруг до неузнаваемости. В таких делах он явно не был новичком. Усевшись рядом со мной, он стал платком вытирать слезы, которые все еще катились из моих глаз. При этом как бы случайно коснулся губами моей щеки. Не почувствовав сопротивления, поцеловал. Когда и этому я не воспротивилась, начал деликатно гладить и обнимать меня. Я будто окаменела.

Тогда сначала осторожно, потом все смелее стал ласкать мою грудь. Не получив отпора

и на этот раз, понял, что я соглашусь и на большее. Поднял меня и положил на кровать. Я лежала, будто парализованная. До моего сознания не доходило, что этот мужчина делает со мной. Когда я наконец очнулась, он был уже глубоко в моем теле.

Его резкие движения не находили никакого отклика с моей стороны. Даже труп не мог быть более холоден, чем я. Когда же, утолив свою страсть, он начал быстро одеваться, я осознала наконец, что произошло. Меня охватило отчаяние. Я сгорала от стыда и унижения.

— Успокойся, малышка. Не плачь, — мой новый властелин ласково обнимал меня. — Ничего страшного не случилось. Разве не правда?

— Не трогайте меня, — рыдала я. — Умоляю вас, уйдите. Мне нужно побыть одной.

— Нет, дорогая, — решительно возразил он. — Как бы ты не наделала глупостей. Я останусь с тобой.

Если бы всего десять минут назад кто-нибудь сказал мне, что я отдамся какому-то незнакомому мужчине, я не раздумывая плюнула бы ему в лицо. Если бы меня искушали состоянием, тысячекратно превышающим сумму, которую заплатил за меня миссис Джонс этот человек, я не позволила бы ему даже пальцем коснуться моего тела. Но наши поступки, особенно если речь идет о женщинах, часто зависят от случая и настроения. Больная, погруженная в свое горе, до смерти испуганная перспективой оказаться в тюрьме, беспомощная, как малый ребенок, — такой была я в тот день, когда жизнь свела меня с мистером Н. Только в этом ищу я оправдания себе. Он овладел моим телом — но не сердцем. Сердце было далеко. Оно навсегда было отдано Чарльзу.

Так или иначе, я уже не принадлежала себе. Мое тело обрело нового хозяина. Несмотря на внутреннее сопротивление, полное равнодушие к его ласкам, я позволяла ему обнимать и целовать себя. В душе моей была даже благодарность, что он не повторяет недавнюю атаку.

— Прости меня, — ласково шептал он. — Не могу понять, как я мог так вести себя с женщиной, у которой нет сил сопротивляться. Я искренне сожалею о том, что случилось. Страсть взяла верх над рассудком. Когда миссис Джонс издала показала мне тебя, я был так восхищен, что заплатил ей столько, сколько она потребовала за обещание познакомить нас. Долго мечтал я об этом мгновении... Не бойся, малышка, тебе будет хорошо со мной. Я дам тебе все, чего ты только пожелаешь...

Ни тогда, ни после не простила я ему жестокости, с которой он овладел мной. Но, сидя рядом с ним и слушая его ласковые речи, я была благодарна этому человеку, что он испытывает ко мне какие-то чувства, не ушел, не бросил меня, когда удовлетворил свою первую страсть.

Наступил вечер. Служанка принесла ужин. По количеству приборов я, к своей радости, поняла, что мне не придется делить трапезу с миссис Джонс, которую я возненавидела всей душой. По ее вине я сидела с незнакомым мужчиной у того же камина, в той же комнате, где пережила часы наивысшего счастья в жизни с любимым.

Я не была голодна. С трудом проглотила кусочек мяса и по настоянию мистера Н. выпила две рюмки вина.

То ли вино ударило мне в голову, то ли мистер Н. насыпал в него какого-то зелья, но, когда он опять приблизился ко мне, его прикосновения уже не казались мне такими отвратительными. При этом я не чувствовала к нему и тени симпатии. Точно так я восприняла бы любого мужчину.

Мистер Н. внимательно следил за мной. Уловив изменения в моем настроении, он медленно и осторожно начал готовить меня к новым атакам. Поцелуи его становились все

более страстными, ласки более смелыми, и, наконец, его руки добрались до моей груди. Его старания не были напрасны. Под настойчивыми мужскими руками, ласкавшими меня, грудь моя напряглась, я вся задрожала от возбуждения.

Почувствовав, что я дрожу как в лихорадке, мистер Н. наклонился и засунул руку мне под юбку. Минуту она лежала у меня на коленях, потом стала медленно передвигаться вверх по бедру, горячие пальцы приближались к интимной щели. Совсем недавно он овладел мной без всякого сопротивления.

Но сейчас я плотно сжала ноги и не пустила его. Когда он надавил сильнее, я взмолилась:

— Перестаньте! Не могу, в самом деле не могу. Поверьте мне! Я себя ужасно чувствую. У меня совсем нет сил. Вы должны понять меня.

Видя, что я не притворяюсь, мистер Н. отодвинулся и сказал, уже направляясь к двери:

— Поспи немного, дорогая. Это тебе поможет. Я вернусь через час и прошу тебя, не будь такой равнодушной, такой холодной. Ты скоро убедишься, что я не заслуживаю этого.

Вскоре после ухода мистера Н. служанка принесла теплую кашу в серебряной мисочке, пообещав, что это меня заметно подкрепит. Я не успела еще проглотить и несколько ложек каши, приготовленной по рецепту старой сводни миссис Джонс, как удивительное тепло разлилось ко всему моему телу. В крови загорелся огонь возбуждения, какого я давно уже не чувствовала. Я страстно хотела мужчину.

Служанка погасила свет и удалилась, пожелав мне доброй ночи. Не успели еще затихнуть ее шаги, как в комнату вошел мистер Н. В халате и ночном колпаке. Он нес две зажженные свечи. Притворив дверь, приблизился к кровати.

— Не волнуйся, милая, — сказал он. — Я буду очень осторожен. Не причиню тебе зла.

Говоря это, мистер Н. снимал халат. Оказалось, что у него хорошая фигура и сильная волосатая грудь.

Кровать прогнулась под его тяжестью, когда он лег рядом со мной. Свечи горели на ночном столике. Он хотел не только чувствовать, но и видеть мое тело. После первого поцелуя он откинул одеяло и долго восхищался моей наготой, потом стал покрывать меня горячими поцелуями. Но вот он решил изменить позицию. Стал на колени между моими согнутыми в коленях ногами и задрал рубашку.

Открылись мускулистые бедра и напряженный красный член, который торчал из-под живота, покрытого густой щетиной волос. Вся нижняя часть тела казалась черной от их буйных зарослей.

Наконец он вогнал в меня свой мощный штырь так глубоко, как только мог. Он работал изо всех сил и своими стремительными движениями возбуждал мою чувствительность. Инстинктивно я начала помогать ему, двигаться в такт его движений. Животная страсть сначала медленно, потом все быстрее и сильнее начала концентрироваться в соответствующей точке моего тела.

Все барьеры рухнули. Это была уже не я. Это была самка, охваченная неуправляемым половым инстинктом. Я не контролировала ритмичных — вверх-вниз — движений своих напряженных бедер, движений, которые многократно усиливали растущее наслаждение. Потом оно достигло высшей точки и мучительной волной разлилось по всему телу.

Все это время я знала и чувствовала, какая огромная пропасть лежит между этим животным совокуплением самки и самца и тем неповторимым слиянием тел и сердец, которое венчает истинную любовь — ту, которая соединяла меня и Чарльза.

Мистер Н. оставил мне не слишком много времени на воспоминания, размышления и сравнения. Буквально через несколько минут после сношения он был уже готов к следующему, как будто доказывая, что звериная мощь его тела соответствовала в полной мере его неукротимому вожделению. Он успел только осыпать меня поцелуями и снова вогнал свой член в глубину моего тела.

Так прошла эта ночь: любовные акты следовали почти без перерыва — один за другим. Только заглянувший в окна рассвет немного охладил поразительную страсть моего нового партнера. Мы провалились в глубокий сон. Но уже в десять часов, когда я открыла глаза, он был готов снова показать свою мужскую силу. Не хотел терять ни минуты. Я и охнуть не успела, как он опять влез на меня.

В одиннадцать миссис Джонс принесла две миски дымящегося ароматного супа.

— После бурной ночи не мешало бы подкрепиться, — захихикала она. — О, какая прелестная любовница и какой прекрасный любовник! Приятно посмотреть! — Она бесстыдно разглядывала измятую, скомканную постель и нас, уставших после бессонной ночи.

Кровь бросилась мне в голову. Я с трудом удержалась от того, чтобы не крикнуть ей прямо в лицо, как я ее презираю и ненавижу. Я демонстративно отвернулась к стене.

— По-моему, ты не очень-то любишь миссис Джонс, — сказал мистер Н., когда ведьма наконец убралась из комнаты.

— Ненавижу! — крикнула я. — Всею душой ненавижу! Даже ее вид вызывает омерзение.

— Что может быть проще! — мягко улыбнулся он. — Сделаем так, чтобы ты никогда ее больше не видела. Ты стала мне очень близка и дорога. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы ты была спокойна и счастлива. После всего, что случилось, ты не можешь оставаться в этом доме. Уже сегодня переедешь. Я найду другую, лучшую квартиру. Оставляю тебе немного денег на всякий случай. — Он положил на одеяло кошелек, в котором было двадцать две гинеи. — Это все, что у меня при себе. Потом дам еще. — Он стал одеваться. — Я вернусь вечером. А пока постарайся не вступать с ней в разговоры.

Когда мистер Н. ушел, я посмотрела на кошелек. Первые деньги, полученные от мужчины, плата за любовь. Да, это был первый шаг к моему падению. Беспомощная, одинокая, я поддалась течению грешной, беспутной жизни. С Чарльзом все было совсем по-другому!

Если бы мистер Н. был моим первым мужчиной, возможно, я сумела бы полюбить его. Но в моем сердце не было места новому чувству. Желание не могло заменить утраченной любви. Мистер Н. не мог заменить Чарльза.

Глава шестнадцатая

Верность мистера Н.

Мой новый любовник сдержал слово. Он вернулся за мной в шесть часов, и я покинула дом, в котором пережила единственную в своей жизни любовь, а потом столько выстрадала.

Новая квартира находилась в доме купца, у которого были какие-то финансовые обязательства перед мистером Н. Хозяин согласился сдать нам за две гинеи в неделю весь первый этаж и предоставил в мое распоряжение служанку.

Первый вечер в новом доме мистер Н. посвятил только мне. Заказал в ближайшем трактире ужин. Мы пили хорошее вино. Потом моя новая служанка помогла мне раздеться и приготовиться ко сну. К этому «сну» очень скоро присоединился мистер Н. и, несмотря на бурно проведенную прошлую ночь, так и не дал мне ни минуты покоя. Только ближе к полудню сумели мы наспех позавтракать.

Наши отношения стали понемногу налаживаться. Полюбить я уже не могла. Но относилась к нему с искренней симпатией. Его неподдельное восхищение тешило мое женское тщеславие, тем более что доказывал он свою любовь дорогими подарками — бриллиантовыми серьгами, жемчужными ожерельями, золотыми часами, шелками и бархатом. Эти доказательства любви очень нравились мне. Все это в сочетании с невиданной мужской силой мистера Н. и стало причиной того, что хоть я и не любила его, но чувство, которое пробуждалось во мне, начинало постепенно походить на любовь.

Он был необычайно добр. Исполнял любые мои желания. Но меня угнетало это постоянное «одинокство вдвоем». Мне хотелось встречаться с людьми. Я уже тосковала по шумным, веселым компаниям. Не могла же я постоянно общаться только с ним! По интеллекту он значительно превосходил меня, но не умел или просто не хотел поднять меня до своего уровня. Кроме разговоров на убогие бытовые темы, нам просто не о чем было говорить. Между нами была пропасть. И мостом через эту бездонную пропасть могла быть только кровать.

Мистер Н., через руки которого прошло множество женщин, понял, как я одинока, и хоть не слишком охотно, но все-таки ввел меня в круг своих близких друзей и их развеселых подружек.

В этой компании я очень быстро избавилась от остатков стыда и девичьей скромности. Познакомилась я с особой кастой молодых красивых женщин, которые дни и ночи безумно тратили на любовные утехи, пустые развлечения, пирушки, нисколько не задумываясь о том, как бессмысленна, скучна и однообразна эта жизнь наложниц, существующих по милости и для удовольствий бездельников с тугими кошельками. Наблюдая за этими женщинами, за их беспутной жизнью, я все больше убеждалась в том, что если они еще способны на какие-то чувства, то должны люто ненавидеть своих богатых покровителей, а не ломать перед ними комедию, изображая пылкую любовь и преданность. И очень быстро я смогла заметить — ведь их столько промелькнуло у меня перед глазами, — что не было среди них ни одной, которая не испытывала бы те же чувства, хотя бы тайно, в глубине души.

Как часто эта тайная ненависть выливалась в измены, вызывая бурю пустых страстей, шумных скандалов. Но я и не думала изменять мистеру Н. Как мужчина он меня вполне удовлетворял, к тому же был добр, деликатен, потакал моим прихотливым настроениям, капризам. Он был так щедр, что даже собирался завещать мне пожизненную ренту.

Несомненно, он так бы и поступил, если бы в один прекрасный день не произошло событие, которое перечеркнуло все его планы и в конечном счете привело к нашему разрыву.

В этот день (шел уже седьмой месяц нашей связи) я с утра отправилась за покупками и вернулась домой значительно раньше, чем собиралась. Внизу я застала кухарку, которая, как всегда в это время, сплетничала с соседками.

— Хорошо, что вы уже вернулись, — сказала она. — Мистер Н. ждет вас. Я сказала ему, что вы вернетесь к вечеру. Ваш приход будет для него сюрпризом.

Я поднялась наверх. В гостиной его не было. Я направилась было в спальню, когда услышала голоса в столовой. Удивленная, я на цыпочках подошла к двери, заглянула в щелочку к остолбенела.

Мой господин и повелитель, многоуважаемый мистер Н., брат лорда Л., тащил к кушетке вульгарнейшую нашу приходящую прислугу. Она лениво сопротивлялась, хихикая и даже подтрунивая:

— О Боже, что господин делает? Я не барышня, я простая девушка... Пустите меня! Так нельзя. Это грех! В любую минуту может вернуться госпожа. И что тогда будет? Ради Бога, уберите руки, а то закричу. Подниму на ноги весь дом... Не трогайте меня, я же могу не выдержать!..

Но мистер Н. ее не слушал. Швырнул девку на подушки и по локоть засунул руку ей под юбку.

— Ой, ой! — пронзительно заверещала девка. — Тут нельзя! Я ужасно боюсь щекотки.

Однако все эти протесты ничуть не помешали ей задрать юбку и бесстыдно обнажить белые толстые бедра. Девица широко раздвинула мясистые колени, а мой аристократический любовник, положив ее толстые ноги себе на бедра, вытащил на свет божий свою всегда готовую к действию дубину и без всяких препятствий погрузил ее в заросшую, топкую, как болото, расщелину между грязными ногами.

Какое-то время он с громким хлюпаньем копался в этой отвратительной дыре, а девка животом и бедрами подбрасывала его вверх, демонстрируя при этом немалую сноровку (у нее уже был прижитой от кого-то ублюдок), пока по хорошо мне знакомой дрожи я не поняла, что мой благородный покровитель сделал свое черное дело.

Мистер Н. слез с нее, натянул брюки, а девка подняла свой могучий зад, одернула платье и пригладила растрепанные патлы. Мистер Н. с постной миной вынул из кармана несколько монет и бросил их девице.

— Возьми! И ни слова никому. Понимаешь? — сказал он строго.

— Чего тут не понять? — захихикала девица. — Не такая я дурочка. Ох и началась бы заваруха, если бы я хозяйке рассказала, как мы тут играли в папу-маму.

— Это хорошо, что ты не дурочка. Возможно, я загляну завтра, когда твоей хозяйки не будет дома. Тогда получишь еще... А сейчас принимайся за работу!

Девица взяла тряпку, ведро и продолжила уборку.

— А вы мужик что надо! — Ее лицо расплылось в глупой ухмылке. — Редко какой мужчина может так угодить бабе... У меня аж в глазах потемнело, когда господин засунул до самого горла!

Не испытывая ничего, кроме омерзения, я отошла от двери, направилась в спальню и заперлась там. Нужно было подумать, как реагировать на все увиденное мною. Первым порывом было броситься в столовую и устроить грандиозный скандал. Именно так бы я и поступила, если бы любила, если бы на месте этого мистера Н. оказался Чарльз. Но сердце

мое уже давно молчало — задето было только самолюбие.

Разумнее всего было не выдавать себя и посмотреть, как дальше будут развиваться наши отношения. Не хотелось мне терять обещанную ренту.

Однако я не собиралась оставлять безнаказанным оскорбление, которое он мне нанес. Спал с грязной девкой, а ночью ляжет со мной! Выброшу ее на улицу в течение сорока восьми часов. Повод, конечно, найти нетрудно. Деваха ленива, неопрятна. Я давно уже собиралась подыскать другую служанку... Но это далеко не все... Я ему покажу, как умеет мстить Фанни Хилл! Нужно только дождаться подходящего случая.

На цыпочках вышла я из спальни и вернулась в гостиную. С треском открыла входную дверь и ворвалась в столовую, обвешанная покупками. Мой прекрасный джентльмен прогуливался по комнате, заложив руки за спину и насвистывая расхожую мелодию. Деваха разжигала огонь в камине. Мистер Н. радостно улыбнулся:

— Ты уже пришла? Как я рад! А то уж начал волноваться...

Я положила свертки на стол, обняла моего неверного любовника и замурлыкала, заглядывая ему в глаза:

— Мой господин и повелитель скучал по мне? Я ведь вернулась раньше, чем обещала...

Тогда я еще не понимала, что джентльменам из высшего общества, которые не испытывают недостатка в изысканных деликатесах, время от времени хочется сырого говяжьего мяса...

Глава семнадцатая

Как я изменила любовнику...

Возможность отомстить долго ждать себя не заставила. Мистер Н. принял на службу сына крестьянина, который арендовал землю в его владениях. Привез его в Лондон, облачил в ливрею и использовал пока в качестве посыльного. Основной обязанностью нового работника была роль связного между мной и мистером Н. Посыльный приносил мне его письма. Если требовался ответ, малый терпеливо ждал, пока я напишу. Приходил он почти каждый день.

Это был румяный, свежий, прекрасно сложенный парень. Он, конечно, догадывался, какого рода отношения связывают меня с его господином. Не раз я видела, как он разглядывал меня украдкой, пока я писала ответ. В его взгляде было не только любопытство. Женщины на редкость чутки ко всяким, даже самым скрытным, проявлениям мужского восхищения.

Глаза юноши просто пылали восторгом. Я чувствовала, как его тянет ко мне, понимала, что он страстно влюблен в меня, хотя сам этого еще не осознал. Впрочем, если бы он даже понимал, что творится в его сердце, то скорее всего даже не посмел бы об этом подумать. Такая женщина, как я, изысканная лондонская леди, любовница его всемогущего господина, для деревенского паренка была недостижима, как далекая звезда.

Когда посыльный, как всегда, явился с письмом (это было на следующий день после того, как я застала его хозяина со служанкой) и уставился на меня восхищенным взглядом, я поняла, что завоевала, а вернее, могу завоевать самое лучшее оружие мести и к тому же получить кое-что для собственного удовольствия.

Следовало действовать обдуманно, не торопясь. Без умелой подготовки парня можно было попросту спугнуть, и тогда рухнул бы весь план.

Я постаралась устроить так, чтобы юноша приходил за моими письмами только по утрам, когда я еще нежилась в постели или одевалась. Я выходила иногда к нему в ночной сорочке, он как бы случайно мог видеть мою обнаженную грудь. Или вдруг с ноги сползал чулок и мне приходилось тотчас поправлять его, поднимая юбку и обнажив бедро.

— Отвернись, — приказывала я с притворным смущением в тот момент, когда он уже все, что надо, увидел. — Это нехорошо, очень нехорошо — так бесстыдно смотреть на раздетую женщину. Отвернись, а то я рассержусь...

Когда я брала или давала ему послание, наши руки как бы невзначай соприкасались и, естественно, случалось, что моя рука на какой-то миг задерживалась вдруг на его ладони. И чтобы еще усилить впечатление, я спрашивала с неподдельным интересом:

— Так сколько тебе лет? Ты говорил, но я уже забыла...

— Девятнадцать, госпожа, — отвечал он мне дрожащим голосом.

— У тебя, конечно, уже есть девушка? Скажи правду: она красивее меня?

— У меня никого нет, — признавался он, краснея.

— Не может быть, — удивлялась я. — Такой красавец и один? Нет девушки, которая не влюбилась бы в тебя. Но если у тебя и в самом деле никого нет, скажи, ты бы мог влюбиться в девушку, похожую на меня?

Глупыш что-то невнятно бормотал и опускал глаза, в которых полыхал живой огонь.

Изо дня в день я усиливала атаки, и настал момент, когда я поняла, что дело сделано.

Теперь можно было только протянуть руку, и прирученный зверек слизнет с ладони лакомый кусочек и выполнит любой фокус.

В тот день я не велела ему, как обычно, подождать в гостиной, а позвала его в столовую. Я лежала полуодетая на кушетке, той самой, на которой мой господин изменил мне с той замызганной девахой.

Юноша робко топтался на пороге и мял в руках фуражку. Решившись наконец, он издали протянул письмо.

— Подойди поближе, Уильям, — приказала я. — Надеюсь, ты не думаешь, что я должна встать и подойти к тебе? И закрой дверь на ключ, а то она все время открывается.

Сделав два робких шага, он остановился. Похоже, все еще, не решался подойти поближе.

— Что с тобой, Билл? — недовольно спросила я. — Ноги у тебя отнялись, что ли? Вот пожалуюсь твоему господину, и он отошлет тебя к отцу!

Эта ужасная угроза не на шутку испугала его, парень подошел к кушетке. Он стоял передо мной навытяжку, здоровый, сильный. У него были длинные черные волосы, ниспадавшие на плечи, широкое открытое лицо, красные пухлые губы. Его румяных щек еще не касалась бритва. Узкие панталоны подчеркивали стройные бедра, мускулистые длинные ноги.

Многие дамы в возрасте отдали бы состояние за одну только ночь с этим молодым бычком. И хотя мне было еще далеко до возраста этих дам, я чувствовала, что и меня притягивает свежесть его расцветающей мужественности. Как не похож он был на увядающего, рафинированного, пережившего великое множество пылких романов мистера Н. Этот юноша не знал женщин, что еще больше возбуждало мое влечение к нему. Я буду его первой женщиной!

— Дай мне наконец письмо, — бросила я.

Когда он протянул его, я уронила как будто случайно книгу, которую до этого читала.

Кушетка была низкая. Но, чтобы поднять книгу, я наклонилась почти до пола. Уильям, желая помочь мне, тоже низко наклонился. Наши головы нечаянно столкнулись. Мои груди вынырнули из декольте и коснулись лица юноши. Что-то похожее на судорогу пробежало по его губам. Я почувствовала это грудью. Тогда я поднялась и приняла прежнее положение.

— Какой ты неуклюжий! — застонала я и схватилась за голову. — Здорово же ты стукнул меня, черт тебя возьми!

— Болит? — испугался он.

— А как ты думаешь? Башка у тебя тверже камня. Ну, ничего, пройдет. Боль проходит, если положить на голову руку, — сказала я ласково.

Мой явный намек, однако, не был принят. Билл никак не решался начать эту простую лечебную процедуру.

— Чего ждешь? — рявкнула я. — Не хочешь помочь госпоже? Дай руку скорее. Если я серьезно заболею и умру — это будет твоя вина!

Перед лицом такой трагической развязки Билл наконец решился. Я почувствовала, что его твердая шершавая ладонь коснулась моего лба. Он уже дрожал как в лихорадке.

— Хорошо, о, как хорошо! — вздохнула я с облегчением. — Боль стихает. Но этого недостаточно. Теперь ниже!

— Где, уважаемая госпожа? — Он наклонился надо мной.

— Тут. — Я крепко ухватила за его руку и засунула в декольте.

Под его дрожащими пальцами соски напряглись и затвердели. Большая ладонь юноши

раскрылась и обхватила грудь.

Дрожь пробежала по моему телу. Юноша наклонился еще ниже. В его глазах разгорелся огонь, яркий румянец разливался по лицу. Горячее учащенное дыхание юноши коснулось меня. Подняв голову, я подставила губы для поцелуя. Но он не понял, чего от него ждут.

Хотя я собиралась действовать по заранее намеченному плану и постепенно усиливать его возбуждение, саму меня охватило страстное желание. Первоначально я собиралась ограничиться поцелуями, дать ему возможность ласкать мое тело и ждать, когда он созреет для атаки. Мне было ужасно интересно, как молодой человек, который никогда не имел женщины, додумается, где у меня находится то тайное местечко, которое и является конечной целью мужчины, как найдет его и овладеет.

Но терпеть я больше не могла и решила ускорить дело. Чего ждать?..

Билл все еще стоял низко склонившись ко мне. Все еще не догадывался, что ему следует лечь возле меня, а лучше — на меня. «Может, он еще не готов», — подумала я. И чтобы проверить степень готовности, я положила руку ему на бедро. Осторожно передвинула ее выше и наткнулась на то, что искала. Заключенный в тесную штанину, этот предмет был твердым, как камень, и таким длинным и толстым, что его невозможно было охватить пальцами или найти конец, хотя я растопырила пальцы, как только могла. Под таким напором штанина, казалось, вот-вот лопнет.

Я была ужасно заинтригована. Следовало провести более серьезное исследование. Расстегнув пуговицы, я запустила руку в ширинку и вытащила наконец желанный предмет на свет божий. Вытащить-то я вытащила, но удержать не смогла. Из моей руки вырвался на волю не мужской член, а какой-то мощный столб, непропорциональный даже в сравнении с другими частями большого тела этого здоровенного парня.

При виде этого сверхчеловеческого предмета я в изумлении вскочила с кушетки. Страх и восхищение — вот чувства, которые охватили меня одновременно. Я увидела огромный кусок твердой живой плоти, обтянутой гладкой шелковистой кожицей, на фоне черных кудряшек.

Глядя на это чудо природы, можно было потерять сознание от восторга. И самое странное, что обладатель такого сокровища, которому должен был позавидовать любой мужчина, не знал, что делать. Наклонился надо мной и налитыми кровью глазами следил, как я ласкаю, поглаживаю и с любовью обнимаю его бесценное сокровище. И только дрожь члена под моими пальцами, его произвольные движения и распирающее кожу напряжение говорили о возбуждении, которое охватило юношу.

Возможно, если бы я сама не была так возбуждена, не рискнула бы сосватать этот громадный орган с моим маленьким и тесным, еще не разработанным вместилищем. Но величие этого сокровища и мысль, что молодой человек до сих пор не испытал его в действии, сделали свое дело. Я не смогла справиться со своим желанием.

Струсить в такой момент?! Да я никогда не простила бы себе этого! Надо попробовать, ведь такой случай мог уже никогда в жизни не повториться. Ждать, пока «кавалер» проявит инициативу, было бессмысленно. В этом деле, судя по всему, он глуп как пробка. Не долго думая, я задрала юбку и буквально заволокла Билла на себя. Раздвинула колени, высоко подняла их, нежно взяла кончик бесценного члена, направила его в нужную цель и сильно притянула юношу к себе. А он лежал дурак дураком!

— Суй! — закричала я нетерпеливо. — Чего ждешь?

Наконец-то сообразил! Атака была мгновенной и сильной. Нестерпимая боль охватила

меня, а член совсем немножко продвинулся в меня.

— О, Билл, ты разрываешь меня на части, — неосторожно простонала я.

Билл испугался. С явным сожалением вытащил он свое чудо природы из моей изболевшейся расщелинки. Он горел как в огне от возбуждения и уже догадался, наверное, где его можно утолить и успокоить.

— Простите меня, госпожа, — пробормотал он с раскаянием. Голос его дрожал. — Я не хотел причинить вам боль. Госпожа сама приказала. Если госпожа больше не хочет, я пойду...

— Идиот! — заорала я в ярости. — Откуда ты взял, что я не хочу?

— Что мне делать? — совсем растерялся он.

— Я все-таки живая женщина, а ты рубишь меня как полено, скотина! Работай дальше! Но медленно и не с такой силой.

— Спасибо, госпожа, спасибо! Буду очень осторожно, — воскликнул он обрадованно и мгновенно улегся на меня. Боялся, наверное, что могу раздумать.

— Подожди! — приказала я. — Не сразу!.. Я не корова. Сейчас поймешь, с чего начинается каждый джентльмен с настоящей дамой.

Я крепко обняла его мощную шею и осторожно поцеловала его. Он ответил. Сначала только прикоснулся губами к моим губам, а потом, распробовав, впился губами в мой рот.

— Хорошо, — прошептала я, горя от возбуждения. — А теперь пойдём дальше.

Языком я раздвинула его губы, наши рты и языки соединились. Мы просто впились друг в друга.

— О, как хорошо... — шептал он.

— Видишь? — обрадовалась я. — Целуй еще! Еще!..

Одновременно я подложила кулаки под свои бедра и высоко подняла ноги, выше его головы.

— А сейчас возьми меня.

На этот раз он не колебался ни минуты, старался действовать как можно деликатней. Я снова почувствовала приятное прикосновение его горячего твердого члена к моим бедрам. На этот раз он вошел в меня гораздо легче, но неглубоко.

Мне было больно, но я старалась сдержать стон. Не дай Бог опять испугается! Нет, надо довести дело до конца! Я уже не могла терпеть! Я жаждала наслаждения, пусть даже с болью. И жаждала его наслаждения. Ведь он так хочет, мой бедный ученик...

Тем временем мой тесный вход расширился, смягчился, что позволило Биллу ввести туда половину длины своего члена. Этого было ему достаточно. Вопль восторга вырвался из его груди. Ускорившийся ритм движений свидетельствовал о том, что Билл приближается к пику наслаждения, я же чувствовала не столько растущее удовольствие, сколько боль. Но не хотела ему мешать и дала возможность кончить, сама удовлетворения так и не испытав.

Теперь, как любой самец, Билл должен был бы, утолив свою страсть, оставить меня. Этого я ожидала, но была приятно удивлена. Билл лежал неподвижно, а его драгоценное орудие все еще было во мне. Легкая дрожь пробежала по его телу. Глаза были закрыты. Он переживал только что испытанное впервые в жизни наслаждение.

После короткого (такого короткого!) перерыва, не открывая глаз и дрожа от просыпающегося желания, он все начал заново. Я чувствовала, что первозданная твердость его члена ни на мгновение не ослабевала, как будто у нас с ним ничего еще и не было. Наоборот, буйствовал с еще большим пылом.

До сих пор эталоном мужской силы я считала мистера Н. Мне казалось, что ни один мужчина не сравнится с ним. Своей неутомимой, кипучей эротической энергией он превосходил даже моего ненаглядного Чарльза, а тот у меня тоже был парень не промах.

Но немощь, как и совершенство, не имеет границ. Мой опыт общения с мужчинами был, очевидно, еще слишком мал. Мужская сила мистера Н. не шла ни в какое сравнение с сексуальной мощью его юного слуги. Как любовник Билл был на голову выше своего господина.

И без того невообразимо твердый член Билла еще больше разбухал и раздвигал и так уже до предела растянутые стенки моей укромной пещерки. Со сладким страхом я подумала о том, что будет со мной, когда Билл превзойдет и этот почти невыносимый предел.

И в самом деле, на этот раз Биллу показалась недостаточной глубина, которой прежде он достиг. Не заботясь ничуть об осторожности, о которой я так его умоляла, он рванул резко, одним неожиданным движением. Я помогала ему, как могла, — мне и самой хотелось, чтобы он проник поглубже. Впрочем, похвальное намерение облегчила и скользкая теперь щель, обильно увлажненная его первым фонтаном.

— Ты пробьешь меня насквозь, — стонала я и в то же время, подчиняясь какой-то необъяснимой силе, подбрасывала его вверх каждый раз, когда он вдавливал меня вниз.

Не пробил! Случилось то, о чем я не могла и мечтать. Когда Билл достиг уже дна, а часть его члена оставалась по-прежнему снаружи, напряженные стенки влагалища не лопнули, а поддались еще больше. Член вошел в меня весь, и наши животы наконец соединились.

И только теперь я пережила настоящий экстаз. Никогда еще я ничего подобного не чувствовала: ни с Чарльзом, ни с мистером Н. А ведь и они умели распалять меня до белого каления. Восторг, переполнявший меня, был так сладок и силен, что я впилась ногтями в тело любовника и искусала его до крови.

Сладкий мой мальчик не чувствовал боли. Мы оба тонули в бурном море восторга, пока одновременно, в одну и ту же секунду, наши сплетенные тела не потряс мощный удар, словно взрыв подхватил нас с постели и унес в заоблачные выси.

Уже теряя сознание от восторга, я снова почувствовала горячие удары его струи. Они следовали один за другим с невероятной силой, как летний ливень. И каждая волна в экстазе сотрясала мое тело. Как будто я пережила не один, а семь оргазмов одновременно.

Описать пережитое я не в состоянии. Понять меня может только женщина, которой хоть раз в жизни довелось почувствовать то же, что и мне.

Не одну минуту пролежали мы без движения и почти без сознания. А когда пришли в себя, Билл сполз с моего изможденного тела. У меня было такое чувство, что меня вторично лишили невинности.

Но сейчас боль была другой — она была невыносимо приятной. Я была согласна так «страдать» всю жизнь.

Шатаясь как пьяная, я встала с кушетки и взяла полотенце, которое висело на подлокотнике кресла. Хотя мои бедра уже были совершенно мокрыми, из меня все еще вытекали густые и липкие соки нашего наслаждения. Когда я вытиралась, Билл с интересом наблюдал за мной.

— Чего глазеешь, жеребец? — прикрикнула я на него с притворной злостью. Я готова была целовать пальцы его ног. — Видишь, что ты наделал? — Я помахала мокрым полотенцем перед его глазами. — Полотенце — хоть выжимай. Откуда в тебе столько?

Бьешь, как фонтан!

— Это все мое, госпожа? — спросил он с искренним удивлением.

— Немного и моего, — улыбнулась я. — Твоего кварта, а моих несколько капелек...

Я подошла, забросила руки ему на шею и стала нежно покусывать его ухо...

— И не называй меня «госпожа», дурачок, — добавила я ласково. — Разрешаю тебе обращаться ко мне «любимая, милая, дорогая Фанни», понимаешь?

— Не смею, госпожа, — промямлил он. — Что сказал бы господин, если бы услышал?

— Кретин! Если бы твоя башка работала хоть на сотую долю того, как этот твой кошмарный кол, ты бы сам сообразил, что в присутствии господина должен по-прежнему называть меня госпожой, а когда его нет, обращаться ко мне «моя сладкая Фанни». Ясно?

— Да.

— Тогда повтори.

— Моя сладкая Фанни, — как на сцене, продекламировал Билл.

— Уже лучше. — Я вытянулась на кушетке и бросила ему полотенце. — Повесь на стул, пусть сохнет.

Билл внимательно изучал полотенце. Потом, по-прежнему сомневаясь, посмотрел на мои бедра и спросил:

— И все это оттуда?

— А откуда? Не из носа же! — засмеялась я.

Минуту Билл молчал, а потом попросил:

— Разрешите туда заглянуть, госпожа.

Я отказалась от безуспешных попыток научить его, как ко мне обращаться. Подогнув колени, я широко раздвинула ноги. Хотя интерес Билла очень понравился мне, я притворилась равнодушной.

— Загляни, если хочешь! Может быть, немножко поумнеешь.

Билл склонился к моим бедрам. Пальцами он пытался расширить таинственную щель и рассмотреть, что скрывается в ее загадочной тьме. Когда это ему удалось, он засунул палец в середину.

— Осторожно! Это тебе не миска с кашей!

Я напрягла мышцы. Его палец проник до дна влагалища и коснулся выпуклости, которая после нашего соединения была мягкой и податливой. Сейчас эта выпуклость снова начала наполняться кровью и набухать. Я застонала от удовольствия, а он, видя мое возбуждение и чувствуя дрожь влагалища, усилил и ускорил движения пальца, что еще больше распалило меня.

— Что ты там копаешься? Можно подумать, что это все, что ты умеешь!

И все началось сначала...

Когда мы кончили, я велела Биллу одеваться. Было уже слишком поздно. Я быстренько набросала несколько слов мистеру Н. и, вручив это послание Биллу, положила в его руку гинею. Такую скромную сумму я дала не от скупости, а чтобы не баловать юношу.

Не успел Билл выйти из столовой, как появился мистер Н. с огромным букетом алых роз.

— Что ты копаешься? — резко бросил он Биллу. — Я не могу тебя дождаться, а ты все еще здесь болтаешься!

— Уильям не виноват, — поспешила я на помощь парню. Яркий румянец уже заливал его лицо. — Ты ведь знаешь, дорогой, — улыбнулась я многозначительно, — что ночью я

почти не спала, и тебе хорошо известна причина этого. Я велела кухарке сказать Уильяму, чтобы он подождал, пока я проснусь... Эти прелестные цветы мне?

— А кому же? — нежно проворковал мой неверный любовник. — Разве существуют для меня другие женщины? — нагло спросил он.

Перед глазами у меня все еще стояла игривая сцена с грязной служанкой, подсмотренная недавно.

Я сорвалась с кушетки, подбежала к мистери Н. и, не стесняясь Билла, крепко обняла его.

— Как хорошо чувствовать, что ты принадлежишь только мне! — радостно воскликнула я.

— Уильям, иди в контору и жди там, — бросил мистер Н. бедняге Биллу. — Я скоро вернусь. — И шепнул мне на ухо: — Слуга смущается, видя нас так близко. Он еще не пробовал женщину.

Когда посыльный вышел, мистер Н. поднял меня и положил на кушетку. Самец проклятый! Я прекрасно знала, что последует за этим. В любое время дня и ночи без всяких церемоний он делал только одно — брал меня. К этому я уже привыкла. Но сейчас боялась, как бы он не догадался о том, что произошло перед его приходом.

Стоило ему снять с меня халат, увидеть красные, как огонь, опухшие губы, мокрые и склеенные волосы над ними, почувствовать скользкую густую влагу внутри — и ему все стало бы ясно. И потом, боль еще не прошла.

Поэтому я поплотнее запахнула халат и, слегка оттолкнув мистера Н., жалобно вздохнула:

— Ох, нет, любимый, прошу тебя, не трогай меня. Ужасно болит... голова. И, по-моему, поднялась температура. Ты ведь не хочешь, чтобы вместо удовольствия, которое ты мне даешь, я почувствовала неудобство. Но ты же придешь вечером, правда? Тогда я не дам тебе покоя. Ты ведь меня знаешь...

Мистер Н. был джентльменом с головы до ног. Он всегда уступал женщине. Так было и на этот раз. Когда он наконец убрался, я приказала приготовить горячую ванну с отваром трав. После ванны усталость как рукой сняло. Я погрузилась в глубокий, спокойный сон, а проснувшись, занялась тщательным исследованием моей бедной щелочки. Она столько вынесла от кошмарного «орудия» Билла. Должна признать, что я была немного обеспокоена: в результате действий этой ужасающих размеров дубины у меня внутри могло что-то измениться, растянуться и остаться так навсегда. Что бы я тогда делала? Кто бы меня такую захотел? И чем бы я кормилась?

Мое волнение было напрасным. Волосики, окружавшие отверстие, снова стали мягкими и шелковистыми и завились в кудряшки. Опухоль спала. А так жестоко растянутая Биллом дырочка вернулась к прежней форме. Сунув туда палец, я ощутила ее естественную влажность. Как обычно, она сжалась вокруг пальца. Итак, в этой самой важной части тела женщины ничего не изменилось.

Моя сладенькая норка опять приобрела ту же упругость и мягкость, которая переходит в восхитительную узость, когда она принимает на время своего беспокойного и такого дорогого гостя.

Я могла гордиться ею и не беспокоиться за свое будущее. Никто не сможет причинить ей зла. Ведь ни один мужчина с Биллом не сравнится.

Теперь, успокоившись, я предалась воспоминаниям о бурных наслаждениях, пережитых

сегодня утром. Да, это нужно будет повторять почаще. Никаких угрызений совести я не испытывала. Однако... Когда мистер Н. пришел, я с ним была нежнее, чем раньше, а ведь он теперь казался лишь слабым подобием моего чудесного юноши.

Мой необычный запал приятно удивил мистера Н.

— Должно быть, ты очень хотела меня, — сказал он с удовлетворением. — Я в этом разбираюсь. Почувствовал это внутри у тебя.

Я жадно поцеловала его и прошептала страстно:

— Ты заставил себя слишком долго ждать, любимый. Теперь придется возратить с процентами все, что я потеряла за такой долгий день одиночества...

И он начал возвращать мне то, что мне совсем не требовалось, но что я всю ночь заставляла его делать. Ни минуты отдыха не получил он и под утро был похож на труп. А я все требовала и требовала. И так его измучила, что, казалось, он вот-вот испустит дух. А ведь ему надо было вовремя встать и заняться своими неотложными делами. Зато я была уверена, что по крайней мере на двое суток он оставит меня в покое. Когда после сегодняшнего урока он опять захочет женщину, я снова преподам ему свой урок. Для себя я решила, что впредь он получит от меня одной то, что любил тайком получать от двух женщин.

Именно в этом заключалась моя коварная месть за ту грязную деваху, с которой он изменил мне, и — кто знает? — возможно, и за других, о которых я не знала. Кто с мечом к нам приходит, от меча, как известно, и гибнет.

Правда, сейчас это была всего лишь жалкая кишка, мало напоминающая меч.

Глава восемнадцатая

Я обучаю Билла новому спорту

В полдень пришел Билл с письмом: мистер Н. заботливо интересовался моим здоровьем. Я расхохоталась. Скорее, как я полагала, следовало волноваться о его здоровье. Я же чувствовала себя превосходно.

Конечно, я ждала Билла и отослала слуг. И, конечно, ждала его в кровати. Входную дверь не запирала — в это время никто не мог прийти.

Глядя на юношу, который стоял на пороге спальни и смущенно мял в руках шапку, как будто между нами ничего не было, я подумала, что простая деревенская пища часто бывает вкусней, чем самые изысканные блюда. В конце концов, я ведь тоже была деревенской девушкой.

Мы с Биллом были одного корня. И мне это деревенское блюдо очень понравилось.

— Подойди поближе! — приказала я. — Что стоишь как истукан? Все еще смущаешься? А может, не хочешь меня?

Этот вопрос, должно быть, прозвучал для него так, как будто умирающего с голоду человека спросили, хочет ли он съесть кусок прекрасного мяса. Опустив глаза, Билл подошел к кровати, взял протянутую мной руку и, опустившись на колени, припал к ней губами.

— По дороге, — сказал он, — я думал, что, может, госпожа больше не хочет меня. Тогда я скажу, что...

— Не болтай столько, дурачок, — оборвала я его нетерпеливо. — Все только бормочешь «госпожа» и «госпожа», вместо того чтобы приступить к делу. Мигом раздевайся и залезай ко мне — я ужасно замерзла. — Пришлось даже пощелкать зубами. — Слышишь, как я замерзла?

Несмотря на то что я «ужасно замерзла», я быстренько сбросила с себя фланелевую ночную сорочку, а когда юноша молниеносно разделся, я подняла одеяло и показала ему голое тело. Билл прыгнул в кровать, как пловец в воду. Опустив одеяло, я потеснее прижалась к нему. Я чувствовала возбуждающее тепло его молодого сильного тела. Некоторое время, как мне показалось, слишком долго, он лежал неподвижно. У меня не было ни желания, ни терпения возобновлять вчерашний урок азбуки любви.

— Лежишь, как покойник, — разозлилась я, — а мне приходится мерзнуть. Делай что-нибудь, погрей меня! Для чего ты здесь, жеребец противный?

Этот вопрос, должно быть, убедил его. По собственной инициативе он взялся старательно и точно в той же последовательности повторять упражнения, которым я его вчера научила.

Начал со рта — сначала нежно поцеловал меня, потом засунул мне язык в рот, да так глубоко, что я чуть не подавилась. Потом взялся за мою грудь. Когда от его поцелуев соски напряглись и задрожали, начал гладить живот. Двинулся ниже. Минуту его рука задержалась на моей «шубке», потом пошла дальше. Мои бедра раздвинулись, открывая дорогу внутрь.

Тогда и я приступила к действию. С восхищением взяла в руки этот чудесный, единственный в истории человечества орган, который так поднял одеяло, что оно образовало в этом месте довольно большой шатер. Потом в гуще волос я выловила мешочек с двумя юркими шариками, осторожно обхватила их рукой, чтобы — не дай Бог — не ускользнули, и стала заботливо гладить его, двигать кожицу, покрывающую это необыкновенное сокровище.

Оно обжигало жаром, и я чувствовала пальцами уже не человеческий орган, а какую-то каменную колонну.

Билл не стал дожидаться новых приказов. Хриплый стон вырвался из его груди, и он изменил положение. До сих пор он лежал рядом со мной, а сейчас поднялся, собираясь, как обычно, устроиться на мне, но я задержала его.

— Целуй! — простонала я задышающим от страсти голосом.

Он впился в мой рот. Но я оттолкнула его.

— Целуй... не в губы, — шептала я.

— А куда? — растерянно пробормотал он.

Не тратя слов, я ухватила за его длинные кудри и всеми силами стала толкать его голову вниз. Когда он оказался там, где ему следовало быть, я втокнула его голову между моими раздвинутыми ногами.

— Целуй здесь, — приказала я.

Первое легкое прикосновение его губ вызвало дрожь во всем моем существе, а второе разожгло пожар в крови.

— Целуй... меня! — стонала я, не отпуская его головы, буквально вдавливая ее. — Еще! Умоляю, еще, еще! — Меня словно в конвульсиях бросало вверх все быстрее и быстрее, пока безумное наслаждение не разлилось по всему моему телу.

Не знаю, как долго пробыла я в этом сладком беспомыслии с бессильно раскинутыми руками и ногами. Когда я очнулась и подняла тяжелые, будто налитые свинцом веки, Билл стоял на коленях, наклонившись надо мной, и с тревогой вглядывался в мое лицо. Терпеливо ждал, когда я приду в себя.

— Любимый, единственный, — с трудом прошептала я. — Дай мне воды... А то я умру от жажды... Что ты сделал со мной? Я вознеслась на небо...

Билл встал и налил в стакан воды. Я подняла голову и стала жадно пить, а Билл поддерживал мою голову, как будто я была тяжело больна. Действительно, от такого наслаждения можно не только заболеть. Можно умереть...

Вода немного подкрепила меня. Я лежала, не двигаясь, и прислушивалась к тому, как во мне медленно-медленно угасает огонь безумного экстаза.

Я была счастлива, удовлетворение и покой овладели всем моим существом. Теперь я наконец посмотрела на Билла. Он был похож на собаку, оберегающую покой своей хозяйки.

Жалость сдавила мне горло. Как же он, бедняжка, наверное, страдает от своего неудовольственного желания. Его напряженный член аж посинел от наполнявшей его крови. Торчал непоколебимо, угрожающе.

Я встала с кровати, легкая и невесомая, как птица. От радости я готова была петь, танцевать, шалить, как ребенок.

Эпохальные открытия рождаются под влиянием мгновенного озарения. Великий Исаак Ньютон в гостях у моей приятельницы по имени Рыжая Дебби, случайно взглянув на яблоко, которое падало с кровати, создал науку о всемирном тяготении женских и мужских тел друг к другу.

Я случайно глянула на кресло, стоявшее у кровати.

И вот — как у сэра Исаака в похожей ситуации — родилась у меня гениальная научная идея, которая вскоре завоевала Англию, распространилась по всей Европе и прославила меня.

О, почтенные и прекрасные дамы! Те, кто через несколько столетий будет читать мои

скромные дневники. Не сомневаюсь, что всем вам знаком «олений прыжок». Если вы не сознаетесь в этом, то только из-за врожденной стеснительности. Вряд ли среди вас найдется хоть одна, кто бы в минуту легкомысленного веселья не захотел испробовать со своим милым этот поучительный и сладостный способ. Так вот, уважаемые дамы, этим изобретением вы обязаны мне, Фанни Хилл. Эта гениальная идея родилась в моей голове. Собственно, не только в голове...

— Билл, — окликнула я своего пылкого дружка, внезапно озаренная этой идеей. — Сейчас мы попробуем кое-что новенькое и очень забавное. Стань поближе ко мне и не двигайся.

Я уселась в кресло таким образом, чтобы мои бедра и все, что между ними, как бы висели в воздухе. Раздвинув ноги как можно шире, я высоко подняла колени и перекинула ноги через подлокотники. Теперь бедра были намного выше головы.

После того как я приняла такую головокружительную позу, моя щель раскрылась сама собой. Своим единственным глазом она смотрела на направленный в ее сторону опухший от злости член и весело подмигивала ему ресницами.

Сиденье кресла было расположено ниже бедер юноши. Я обхватила пятками плечи Билла и притянула его к себе.

— Согни колени и наноси удар! — приказала я. — Прямо в цель! Не помогай себе рукой. — Я ослабила хватку, чтобы для большего размаха он мог немножко отодвинуться. — Предупреди, когда будешь готов.

Билл внимательно изучал щель. Прищурился, как бы оценивая расстояние, и выпалил:

— Готов!

— Удар! — закричала я, притягивая его к себе ногами.

Клянусь, он попал с первого раза! У него был верный глаз. Наверное, у него был шанс стать лучшим фехтовальщиком Англии, если бы поединки проходили с использованием этого (правда, немного туповатого) оружия...

— Еще раз! — с восхищением вскричала я. — Теперь давай глубже! — И я повторила маневр пятками и бедрами.

И в этот раз Билл не промазал. К тому же вошел в меня до самого донца. Я веселилась не на шутку. Мое изобретение выдержало испытание. Можно было предсказать ему большое будущее.

— А сейчас быстрее, еще быстрее! — кричала я, смеясь, и ускорила движения ног, притягивая и отталкивая Билла.

Я была так увлечена этой веселой любовной игрой, что не заметила, как приоткрылась дверь. Только скрип петель заставил меня взглянуть в ту сторону.

Отгадайте, кого я увидела!

В дверях неподвижно стоял мистер Н. Очевидно, он стоял так довольно долго и видел разыгрывающуюся сцену.

Представляю, какое неизгладимое впечатление произвел на него этот совершенно новый способ любви, да еще испытанный с его собственным лакеем. Мои раздвинутые ноги были направлены в сторону мистера Н., и он мог видеть все! Правда, в таком соблазнительном положении он видывал меня, и не однажды, но в первый раз ему случилось наблюдать, как некто посторонний берет свирепо на прицел его личную, собственную цель.

Наши взгляды встретились, но я и не думала прерывать свою «работу». Мистер Н., джентльмен до кончиков ногтей, молча вышел из комнаты, старательно затворив за собой

дверь.

Билл ничего не видел и не слышал: он так был увлечен нашим спортом. Я по-прежнему работала ногами, но никакого удовольствия уже не испытывала. Просто не хотелось мешать бедному юноше. На этот раз он должен кончить. «Итак, все потеряно, — подумала я, смирившись с тем, что меня ожидает. — Пусть мальчик получит по крайней мере это единственное удовлетворение...»

Я позволила довести дело до конца, а когда, как обычно, бурное извержение показало мне, что он с успехом кончил свое дело, спокойно сказала:

— Одевайся и слушай внимательно. Минуту назад здесь был твой хозяин. Он все видел. Но не бойся. Он не из тех, кто способен на убийство. Да ты и не позволил бы убить себя. Ты сильнее его, а оружия у него нет. Так что считай себя в безопасности. Я, конечно, дам тебе денег, потому что он выгонит тебя. Потом посмотрим, что делать дальше.

Я надела халат. Подойдя к двери, услышала шаги. Это мистер Н. нервно прохаживался по салону в ожидании меня и Билла. Очевидно, раздумывал, как нас похлеще наказать.

Когда мы вошли в комнату, мистер Н. прервал свою прогулку и уселся в кресло. Мы стояли перед ним, как двое нашаливших школьников. Посмотрев на меня ледяным взглядом, он совершенно равнодушно произнес:

— Жду объяснений, моя дорогая. Мне хотелось бы знать, почему ты так жестоко обманула мое доверие. К тому же с моим слугой.

Я криво улыбнулась.

— Извини, если я задела тебя. Но я наблюдала, как ты делал то же самое с моей служанкой. Единственная разница в том, что я не вошла тогда в комнату. Не хотела мешать вашим удовольствиям. Ты повел себя иначе, но это уже тонкости воспитания. Что касается Уильяма, то он тут ни при чем. Я сознательно использовала его как орудие мести. Это был хороший выбор, не так ли, дорогой? Уильям, во всяком случае, не должен пострадать. Я принудила его. У меня есть свои методы. Надеюсь, ты еще помнишь их, дорогой? — спросила я с иронией.

Мистер Н. слушал меня, опустив голову. Я, конечно, ошаршила его описанием сцены со служанкой, и вообще он не ожидал от меня такого тона. Наверное, он думал, что я зальюсь слезами, упаду к его ногам и буду молить о прощении.

Но я уже не была той Фанни Хилл, которую совсем недавно продала ему миссис Джонс, как какую-то вещь. Я поумнела, узнала себе цену. Если уж продавать себя, то на своих условиях и очень дорого. Намного дороже, чем купил меня мистер Н.

— Послушай, моя дорогая. — Он очень быстро пришел в себя. — С девицей твоего пошиба я, разумеется, не стану вдаваться в дискуссии о том, какая разница между тем, что сделал я и как поступила ты. Ты была у меня на содержании, жила за мой счет и потому обязана была хранить верность. Я был свободен. Доводы, которые ты привела в свое оправдание, к слову, справедливые, заставляют меня отказаться от наказания, которое я придумал. Должен тебе сказать, что в твою пользу говорит попытка защитить беднягу, — он указал на Билла, — с которым ты изменяла мне. Это свидетельствует о твоей порядочности.

Несмотря на это, тебе должно быть ясно, что между нами все кончено. Это слишком вульгарно. Так что прими к сведению, что в течение недели ты должна покинуть квартиру. А поскольку больше видеться с тобой не собираюсь, я поручу хозяйке дома выплатить тебе пятьдесят гиней. Этим исчерпаны все наши счета и мои обязательства в отношении тебя. Мне кажется, что я не бросаю тебя в худшем положении, чем ты была, когда мы встретились.

Наоборот, даже в лучшем, чем ты того заслуживаешь. Если ты не получила от меня больше, — вини себя сама, — закончил он, после чего обратился к Биллу: — Что касается тебя, негодяй, то можешь благодарить своего отца, из уважения к которому я не выбросил тебя на улицу. Лондон не для таких дураков, как ты. Завтра один из моих людей отвезет тебя к отцу в деревню. А сейчас пойдешь со мной, чтобы тебя здесь еще больше не испортили.

Мистер Н. надменно поклонился мне и со словами: «Прощайте, желаю успехов» — вышел из комнаты вместе с Биллом. Даже не хлопнул дверью, как обычно происходит в подобных ситуациях. И на этот раз мистер Н. остался истинным джентльменом.

Он, похоже, и не сомневался, что, вышвырнув меня с пятьюдесятью гинейми, обрек на верную смерть.

Глава девятнадцатая

Мораль мадам Коль

Итак, через неделю я окажусь на улице с пятьюдесятью гинеями в кармане. При том образе жизни, к которому я привыкла, этого, увы, хватит ненадолго. Нужно немедленно решить, что следует мне предпринять.

Содержанка одного из друзей мистера Н. представила меня недавно мадам Коль, благодаря которой и сама она познакомилась со своим нынешним любовником. Нужно непременно связаться с этой особой.

Мадам Коль была пожилой, очень элегантной дамой. Она производила впечатление доброй и отзывчивой женщины. В аристократическом обществе был хорошо известен принадлежащий ей изысканный дом свиданий. По сравнению с ним заведение старухи Браун могло показаться заваливающим портовым борделем.

Госпожа Коль выбирала клиентов на редкость взыскательно. Необходимо было высокое покровительство, чтобы добиться права посещать этот закрытый для обычных смертных «клуб». Но даже принятым в клуб, чтобы получить доступ к его особым, тщательно скрываемым услугам, требовалось завоевать полное доверие осторожной хозяйки.

Титул лорда и звание полковника — это самое меньшее, что требовалось от посетителей дома мадам Коль. Чаще там можно было встретить генералов, адмиралов и маршалов, а также маркизов и графов. Посещали «клуб» даже герцоги, а в придворных кругах ходили слухи, что сам наследник престола в погоне за острыми ощущениями посещает этот прославленный на всю империю храм изысканных наслаждений.

Понятно, что для такой клиентуры требовался исключительно одаренный персонал. Все ее девушки были красивы, молоды, здоровы, свежи. Каждая отличалась прекрасной фигурой. Причем были представлены разные типы женской красоты, чтобы у привередливых клиентов была возможность широкого выбора в соответствии с их вкусами и склонностями.

Но одной только красивой внешности было еще недостаточно, чтобы попасть в «клуб» мадам Коль. Требовались и другие достоинства: девушка, работающая в доме мадам Коль, должна была отличаться спокойным, уравновешенным характером, врожденной элегантностью, деликатностью, способностью поддерживать светскую беседу с благородными клиентами. Важно было также правильно вести себя в самых щекотливых ситуациях, которые довольно часто случаются в подобных заведениях.

Ничего удивительного, что постоянное место в доме мадам Коль было заветной мечтой девушек, подобных мне, и что мало кому удавалось добиться этого.

Сама мадам Коль тоже была исключением в своей профессии. В отличие от подавляющего большинства владелиц подобных заведений, она происходила из знатного дворянского рода. Получила хорошее воспитание и образование. Это было видно по каждому ее слову, движению, жесту. Что привело ее в это гнездо разврата, было ее сокровенной тайной. Никогда она не рассказывала о своем прошлом и не любила разговоров на эту тему. Если кто-то касался неосторожно этой темы, искусно направляла интерес собеседника совсем в другую сторону.

К девушкам, которые работали на нее, относилась почти как мать, заботилась о них, даже когда они покидали ее дом.

Благодаря мадам Коль не одна из ее воспитанниц нашла себе постоянного богатого

покровителя. Случалось, что девушки с ее помощью удачно выходили замуж, а любимицы даже получали приданое.

Мадам Коль была щедрой и великодушной. Конечно, дом свиданий, как любое торговое предприятие, существует для того, чтобы приносить прибыль, и мадам Коль не могла давать девушкам больше, чем от них получала. Но она не поступала с девушками, как старуха Браун, не заставляла их ничего делать против воли и, уж конечно, не наживалась на их наивности, как первая моя «опекунша».

Заманить глупую деревенскую девушку, отдать ее на поругание клиентам и сделать из нее проститутку — это было не в духе мадам Коль. Ее дом никто бы не посмел назвать тюрмой, как злачный дом неисправимой сводни Браун. Девушки работали только по доброй воле и в любую минуту могли уйти. Кроме того, мадам Коль никого из них не грабила, ограничиваясь умеренной прибылью.

В моем нынешнем положении при моем характере и привычках не было худшего и в то же время лучшего выхода, чем обращение к этой почтенной даме. Худшего — потому что ее дом был гнездом самого изощренного разврата, оргий и сексуальных извращений, лучшего — поскольку, если бы не такая возможность, я могла скатиться на самое дно нищеты...

На следующий день после разрыва с мистером Н. я послала мадам Коль записку с просьбой встретиться по срочному делу. В ответ она прислала с посыльным приглашение на чашку чая.

Мадам Коль приняла меня в своей прекрасно обставленной квартире недалеко от Букингемского дворца. Наливая мне чашку душистого шоколада, она объясняла:

— Конечно, удобнее было бы жить поближе к своему делу, чем каждый день добираться на другой конец Лондона, даже в собственной карете. Но тогда у меня не было бы ни минуты покоя. Знаешь, моя дорогая, как это бывает — если ты на месте, то должна непременно заниматься лично, а уж если живешь не слишком близко, то со всем этим может справиться управляющий, и, поверь мне, не хуже. Естественно, вечерами, когда приходят гости, я должна присутствовать в клубе и часто оставаться до утра.

— Работа, — вздохнула она, — мне уже не по силам. Я часто задумываюсь над тем, не продать ли заведение кому-нибудь помоложе. Мечтаю купить небольшое имение в деревне и провести там остаток жизни. Жаль только бросать дело, которое сама создала и подняла до такого уровня. Еще кусочек торта?

— Нет, спасибо. Боюсь растолстеть.

— В твоем возрасте и с твоей фигурой тебе это пока не грозит. Но такая осторожность заслуживает одобрения. Я всегда объясняю моим девушкам, что болеют не от еды, а от переедания, а в нашей трудной профессии умеренность в еде — первое условие карьеры.

Я решила без лишних слов перейти к делу, которое меня сюда привело.

— Сегодня я могла бы позволить себе съесть не кусочек, а целый торт. Опасаюсь, что в ближайшее время мне не угрожает опасность заболеть от переедания. Скорее, от недоедания, а еще точнее — от хронического недоедания.

— Восхищаюсь твоим прекрасным английским... Вероятно, ты много читаешь, — внимательно посмотрела на меня мадам Коль. — Насколько я осведомлена, ты приехала из деревни совсем недавно. А это значит, что ты заботишься о своем духовном совершенствовании, чего я всегда добиваюсь от моих девушек, но часто безуспешно. У тебя внешность и манеры девушки из благородной семьи. Никто не догадается, что ты крестьянка... Как понять твои слова о «хроническом недоедании»? Тебе не позволяет есть

досыта состояние твоего здоровья?

— Состояние моего кошелька, — рассмеялась я. — Если сбросить со счетов тяжелую болезнь кошелька, я могла бы похвалиться отменным здоровьем.

— Ах да, — мадам Коль сочувственно кивнула. — Не хочу быть нескромной, но из искреннего расположения к тебе должна сказать, что мистер Н. ищет новую содержанку. Во всяком случае, так мне говорили.

— Дня не может прожить без женщины, — весело констатировала я. — Но это меня не волнует. Мы решили разойтись.

— Лондон, в сущности, маленький городок, в котором все всё знают. Я слыхала и о том, что вы разошлись, — сказала мадам Коль.

— О причинах вам тоже известно?

— Разумеется. Говорят, что мистер Н. поймал тебя на месте преступления. Это правда, ты изменяла ему? Естественно, я спрашиваю из чистого любопытства. Ты не обязана ни перед кем отчитываться. Можем поговорить о чем-нибудь другом.

— Да, это правда, — подтвердила я. Хозяйка квартиры, наверное, подслушала наш прощальный разговор и разболтала на весь город. — Я изменила мистеру Н. с его слугой, потому что он изменил мне. С моей служанкой! Я расплатилась с ним его монетой. Вас это возмущает?

— У тебя есть характер, и это мне нравится, — добродушно проговорила мадам Коль. — Вернее всего, в твоём возрасте я поступила бы так же. Мы, пожилые люди, знаем, однако, что платить «той же монетой» имеет право мужчина женщине, но никогда женщина мужчине. Это, конечно же, несправедливо, но что поделать! Так было и так будет. Измена была и останется неоспоримой привилегией рода мужского. Неважно, кто изменил — мужчина женщине или женщина мужчине — виноватой в людской молве всегда остается женщина. Насколько все-таки честнее мы, женщины, отдающиеся всем. Изменяя каждому с каждым из них, мы, в сущности, не изменяем никому... Но вернемся к твоим делам. Ты, я полагаю, пришла сюда не за тем, чтобы выслушивать философские разглагольствования старой сводни. Оставил ли тебе мистер Н. денег в утешение?

— Пятьдесят гиней, — ответила я с иронической улыбкой. — Как вы оцениваете его щедрость?

— Не хватит даже на «хроническое недоедание», — констатировала мадам Коль. — Если ты согласна, я с удовольствием тебе помогу. Не возьмешь ли в долг, скажем, двести пятьдесят гиней. Ты девушка честная. Вернешь, когда сможешь.

— Благодарю от всей души, мадам, я не могу принять вашу помощь, — решительно ответила я. — Мало надежды, что сумею найти нового приятеля после скандала, о котором говорит весь Лондон. Я скомпрометирована не потому, что изменила мистеру Н., а потому, что сделала это со слугой. Если бы я изменила с принцем Уэльским, мужчины бы из-за меня дрались. Я никогда не заработаю такой суммы. Даже если пойду на панель.

— Это было бы ужасно! — воскликнула мадам Коль. — Ты, такая красивая, молодая, интеллигентная, стала бы уличной девкой? И не думай об этом — ты не выдержала бы одной недели!

— Но я должна об этом думать, — парировала я спокойно. — Поэтому и обратилась к вам. Если вы хотите мне помочь, можно сделать это иначе.

— Как? Скажи. Я охотно тебя выслушаю.

— Думаю, что вы могли бы взять меня к себе.

Мадам Коль помолчала, а потом сказала деловым тоном:

— Я раздумывала об этом с той минуты, когда получила твое письмо. Но не в моих привычках уговаривать кого бы то ни было работать у меня. К тому же это не так легко, как может показаться. Ты, должно быть, слышала, что у меня очень строгие требования...

Она отпила глоток шоколада, вытерла губы салфеткой и продолжила:

— Связи со многими мужчинами отличаются от сожительства с одним, особенно когда работаешь у меня. Одного можно любить, ненавидеть или быть равнодушной. У меня нужно любить, действительно любить, каждого. Не за то, что он красивый или веселый, знаменитый или умный, а за то, что это мужчина, который желает женщину. И потому что ты женщина, которой нравится удовлетворять мужчину. Именно поэтому каждый клиент в моем доме считает, что девушка, которую он выбрал, влюбилась в него с первого взгляда. На самом деле девушка влюблена только в свою работу. В этом секрет моего успеха. Думаю, ты все поняла, не так ли?

— Да, мадам.

— Уж и не знаю, что нам делать... Ты сама не можешь знать, подходишь ли мне. Впрочем, я тоже не знаю, подхожу ли я тебе. Ты мне сразу понравилась, и я думаю, что могу тебя полюбить. Но в делах не руководствуются чувствами. Поэтому я могу сделать для тебя исключение и обещать, что возьму тебя на постоянную работу. Пройдешь испытание, как все мои девушки. Тебе повезло, что я даю тебе шанс. Я вообще не собиралась увеличивать персонал. Начнешь, пожалуй, завтра... — Мадам Коль добродушно улыбнулась: — Теперь можешь без опаски съесть кусочек торта.

Глава двадцатая

Как я вторично потеряла невинность

На следующий день к вечеру мадам Коль прислала за мной карету. Я без сожаления рассталась с квартирой, которую нанял для меня когда-то мистер Н. Это была уже четвертая квартира, из которой изгонял меня злой рок. Долго ли останусь в пятой? Или тоже вынуждена буду покинуть ее?

Собственно, пока я одинока, мне это безразлично. Одинокой я чувствовала себя с мистером Н., одинокой буду с мужчинами, с которыми сведет меня мадам Коль и со всеми, с кем в будущем сведет меня судьба. Все равно, сколько их еще пройдет через мою постель, сколько будет ласкать, целовать меня, владеть мною, возможно, даже любить, если я не полюблю никого. Мое тело будут брать все, многие будут дарить мне наслаждение, но никто не завоюет мое сердце и никто не даст мне счастья. Сердце свое я потеряла вместе с Чарльзом.

Никто никогда не заменит его, не заполнит пустоты, в которой я оказалась после того, как он ушел. Теперь, когда его нет, я понимаю, как я его любила и как буду любить даже воспоминание о нем — последнее сокровище, которого у меня нельзя отнять.

Хотя я по уши погрузилась в разврат и даже находила в этом удовольствие, для Чарльза, для воспоминаний о нем, я была так же чиста, как в тот день, когда отдалась ему впервые.

Меня не привезли, как можно было ожидать, в «клуб» мадам Коль. По соседству с заведением мадам снимала маленькую, прекрасно обставленную квартирку. В ней новые «воспитанницы» жили до той поры, когда им разрешалось поселиться в главном здании. Это было что-то вроде филиала, где проверялись способности кандидаток.

Мадам Коль, как любой опытный предприниматель, не любила рисковать. В заведении работали девушки, в которых хозяйка была уверена — никогда не уронят они чести этого изысканного дома.

Мне не пришлось долго ждать первого экзамена. Не успела я устроиться в новой квартире, распаковать и разложить свои вещи, как появилась мадам Коль в сопровождении горничной, которая несла большой пакет.

— Здравствуй, дорогая. — Она по-матерински поцеловала меня в лоб. — Как тебе понравилась квартирка? Правда, прелестная и, если можно так выразиться, девичья?

— Да, — согласилась я. — Она такая тихая, укромная...

— Меня это очень радует, — сказала она. — Атмосфера в квартире оказывает огромное влияние на характер женщины. О, вижу, ты уже устроилась! Наверное, устала? А я пришла со служанкой, чтобы помочь тебе. Ты голодна? Прислать еды?

— Нет, спасибо. Подожду до ужина.

— Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно.

— А там, внутри? — Мадам Коль бросила взгляд на низ моего живота.

— Как всегда, — рассмеялась я. — До конца месяца я буду здорова. Ведь это вас интересует?

— Ты сегодня купалась? — продолжала исследовать состояние моих женских дел мадам Коль.

— Да. Перед отъездом.

— Чувствую, что ты не душилась. Это хорошо, очень хорошо. А пудру и румяна смой. И сними, пожалуйста, серьги и кольца.

— Зачем? — Я с удивлением посмотрела на нее.

Вместо ответа мадам Коль велела горничной развернуть сверток, который она принесла. Я увидела аккуратно сложенное, накрахмаленное и выглаженное скромное девичье платье, простую нижнюю юбку без кружев, длинные панталоны, которые носят юные девушки, и широкую розовую ленту.

— Сейчас мы переоденем тебя, — пояснила мадам. — У меня нельзя бездельничать. Есть уже первый клиент. Послушай, в чем состоит твое задание. Тебе предстоит трудный экзамен, но я верю в твою ловкость и сообразительность. Клиент этот — очень влиятельный человек из аристократического общества. Зовут его лорд М. На вид ему лет сорок. Женат. Живет в своей усадьбе под Лондоном.

Какое-то время лорд М. был нашим постоянным посетителем. Потом перестал приезжать, говоря, что уже сыт опытными девицами, и поручил мне найти для него девственницу. Каждый раз, приезжая в Лондон, он навещает меня и интересуется, не нашла ли я что-нибудь подходящее. Я не хотела ему отказывать, несмотря на то что в принципе не занимаюсь такими делами. Не собираюсь зарабатывать на несчастьях девушек. К тому же это подсудное дело. Впрочем, полагаю, что лорд М. ищет девственницу не только у меня и, наверное, находит их в других заведениях. Если он интересуется только нетронутыми девушками, то ему требуются все время новые. Ясно, что это ему дорого обходится.

Сегодня в полдень он появился опять. Я сообщила ему, что наконец нашла ему то, что он искал: шестнадцатилетнюю девушку, воспитанную в религиозной голландской семье. Она осиротела во время последней эпидемии тифа. Помня о его поручении, я приютила ее и устроила в отдельной квартире. У него даже глаза заблестели. Я потребовала двести гиней: сто сразу, а остальные, когда дело будет сделано. Конечно, я имела в виду тебя, моя дорогая. Никто из моих клиентов тебя не знает.

Если сумеешь его убедить, что он твой первый мужчина, получишь сто пятьдесят гиней. Пятьдесят я оставляю себе. Полагаю, что, хотя мы его сознательно обманываем, что не очень порядочно с нашей стороны, он этого заслуживает как растлитель многих невинных девушек.

Успех в этой комедии зависит от твоей изобретательности и находчивости. Ты должна быть очень тесной внутри, чтобы он это ясно почувствовал, умирать от боли, когда он будет тебя разрывать, а потом млеть от восторга, когда он будет кончать. В конце концов, — усмехнулась мадам Коль, — с нашей, профессиональной, точки зрения, разница между выдавшей виды женщиной и нетронутой девственницей заключена только в этой слабой тонкой пленке. Ты должна помнить об этом, когда он вторгнется в тебя. Все зависит от одной минуты.

— Вы правы, мадам, — согласилась я, внимательно выслушав ее лекцию. — Мне не надо напрягаться, чтобы быть тесной — я по природе такая. Мужчинам это особенно нравится.

— Ты должна быть невообразимо тесной. У лорда М. огромный опыт сношения с девственницами. С этим надо считаться. Я тебе дам кое-что. — Она открыла сумочку, вынула из нее какой-то белый камень и вручила мне.

— Что это? — Я была заинтригована.

— Квасцы, — пояснила мадам. — Смочишь свое отверстие водой и потрешь этим

камнем. Квасцы так стянут кожу вокруг входа, что даже палец не засунешь. Через минуту все само увлажнится и расслабится. Тебе это хорошо известно, правда?

— Да, мадам, — расхохоталась я и иронически добавила: — Вы очень предусмотрительны. Но остается еще одна маленькая безделица.

— Какая же?

— Именно эта слабая тоненькая пленочка. Насколько я помню, плева должна разорваться. Должна пролиться кровь. Откуда я ее возьму?

— Я тебе ее дам, — совершенно спокойно ответила мадам Коль.

— Плеву?.. — Глаза у меня полезли на лоб.

— Нет. Плева, к сожалению, уже никогда не вырастет, — тяжело вздохнула мадам. — Я дам тебе кровь.

На этот раз она извлекла из сумки и протянула мне маленький пузырь с какой-то красной жидкостью. Чтобы жидкость не пролилась, пузырь был завязан ниткой.

— Что это? — удивилась я.

— Остатки ужина, который нам подадут вечером. Будут жареные цыплята и отварная рыба. Пузырь рыбий, а твою девичью кровь пожертвовала нам курица. Я разбавила ее водой, чтобы не загустела.

От хохота слезы брызнули у меня из глаз.

— Что мне с этим делать? — спросила я, давась от смеха.

— Спрячешь пузырек под подушку. В решительный момент выдавишь кровь на простыню под собой. Лорд М., несомненно, захочет это потом проверить.

Через час я была готова. Гладко зачесанные волосы были разделены на прямой пробор и заплетены в две косички, украшенные розовыми бантами. Бледное личико и запавшие глаза говорили о семейной трагедии, которую я пережила, — этой ужасной эпидемии тифа. Накрахмаленное платье, свободно облегающее мои расцветающие девичьи прелести, было застегнуто по самое горло и закрывало ноги почти до пят. Я чинно сидела на стуле около аккуратно расстеленной девичьей кровати и, жуя засахаренные вишни, читала книжку под названием «Занимательные повести для подрастающих девушек, изложенные преподобным пастором Джонатаном Блумфельдом».

На ночном столике стояли две миниатюры в серебряных рамках с траурным крепом, которые изображали «моих» незабвенных родителей. «Занимательные повести» оказались ужасным занудством — никаких постельных сцен! Каждое прочитанное предложение вызывало неудержимую зевоту. Скука была невыносимая.

Ничего удивительного, что приход мадам Коль и лорда М. обрадовал меня. Естественно, я и виду не подала. Смущенно, украдкой, как подобает скромной барышне, взглянула я на того, кто вскоре «лишит» меня невинности.

Он был высок, толст, как бочка, с красным лицом и блестящей лысиной. Маленькие бегущие глазки молниеносно прощупали меня и все, что находилось в комнате. Я, робея, стояла возле кровати, с висящими, как плети, руками, и пыталась проглотить горсть вишен, которые отправила в рот, когда появился лорд М. Как воспитанная барышня, в подобной ситуации я ужасно смущалась.

— Что с тобой, бедное дитя? — забеспокоилась мадам. — Ты не подавилась?

— Ничего, — выдавила я из себя. — Это... вишни...

— Я же тебе говорила, — строго напомнила моя благородная опекушка, — что вредно поглощать столько сладостей — целую коробку в один присест. В твоём возрасте уже нельзя

быть такой лакомкой. В наказание ты не получишь целую неделю ни одной конфетки.

— Я больше не буду, тетя. — Опустив голову, я думала, что «тетя» больше всего подходит в данной особой ситуации. — Я читала такую интересную книжку, что не заметила, как вишенки сами прыгают мне в рот.

— А ну покажи эту книжку. Мы еще посмотрим, можно ли тебе это читать. — Мадам взяла пресловутое произведение преподобного пастора Джонатана, бросила взгляд на обложку и протянула книжку гостю: — Разве это не трогательно, дорогой лорд? — смеясь, спросила она и обратилась ко мне: — Элизабет, представься лорду Картеру.

— «Он такой же Картер, как я Элизабет», — подумала я, вежливо присев, как барышня из хорошей семьи, и продекламировала:

— Меня зовут Элизабет — Элоиза Бамчик. Я родилась в Лондоне.

— Странная какая-то фамилия, — пробормотал мой новый знакомый.

— Мы приходим из Голландии, — объяснила я, приседая и трясая косичками. — Там наша фамилия была Бамчикчик. В Англии мы отбросили один «чик». Но подружки в классе все равно дразнят меня, потому что это не английская фамилия.

Тут я бросила взгляд на портреты незабвенных супругов Бамчикчик, в голос разрыдалась и стала громко сморкаться в маленький розовый платочек. Украдкой взглянув на мадам Коль, я обнаружила, что она как-то странно закашлялась и отвернулась к стене. Я испугалась, как бы она не расхохоталась в самый неподходящий момент.

— Это просто замечательно! — Глазки мнимого Картера жадно загорелись. Он не в силах был скрыть своего восхищения. — Эта барышня еще ходит в школу?

— Да, — радостно сказала я. — Может быть, лорд хочет посмотреть мой ранец с тетрадками и красивый резной пенал, который подарила мне тетя на именины? А еще я собираю картинки с ангелочками и цветами. Вы тоже собираете... ангелочков?

Мадам Коль вынуждена была взять себя в руки, побороть свой неестественный кашель. А вдруг лорд Картер изъявит желание осмотреть мои школьные принадлежности и коллекцию открыток. К такой демонстрации моей девственности мадам не была готова. Поэтому она вмешалась в нашу беседу:

— Она еще такой ребенок... Неудобно, Элизабет, показывать новому знакомому все, что у тебя есть... Дорогое дитя, когда я рассказала лорду Картеру о твоём горе, он решил помочь тебе.

Я опять громко разрыдалась, бросилась к толстяку и почтительно приложилась к его пухлой руке. «Каждый прохвост начинает с помощи», — думала я.

— О, какой вы благородный, добрый! Я так вас люблю! Господин очень-очень похож на моего бедного папочку... (Пусть простит меня светлой памяти Бамчикчик за это оскорбление). — Папочка тоже был такой толстячок...

Слегка потеревшись щекой о его горячую потную руку и почувствовав, что она дрожит от возбуждения, я подмигнула мадам Коль, давая понять, что клиент готов к сладкому визави со мной. Она сразу же сообразила, что к чему.

— Мне нужно навестить больную подругу, но через час я вернусь. Надеюсь, дорогой лорд простит меня...

— Конечно, мадам! — поспешно откликнулся он. — Не нужно даже слишком торопиться. Я с удовольствием побуду с вашей воспитанницей, и мы обсудим, в какой... форме... я могу помочь ей.

— Веди себя хорошо с дорогим лордом, чтобы мне не было за тебя стыдно. — Мадам

Коль поцеловала меня в лоб и, даваясь от нового приступа кашля, выбежала из комнаты.

— Теперь, когда мы остались одни, — обрадовалась я, — я могу все вам показать.

— Что ты хочешь мне показать? — спросил лорд с явной надеждой.

— Мои открытки...

— Не нужно, — со злостью пробормотал лорд. — Ну, может, потом, после... Тебе в самом деле шестнадцать лет? — неожиданно спросил он.

— Даже больше, — гордо сообщила я. — Шестнадцать мне исполнилось в январе и тетя мне подарила этот пенал. Показать?

— Меня совсем не интересует твой пенал.

— А что? — наивно поинтересовалась я.

Лорд подвинулся ко мне ближе. Он не мог скрыть своего восхищения:

— Ты ведешь себя, как маленькая девочка. А тело у тебя почти совсем сформировалось. Чтобы усесться поудобнее на кровати, я подобрала платье (открыв часть панталончиков) и, не скрывая интереса, спросила:

— А что значит, что тело почти совсем сформировалось?

— Ну, например, эти ножки... — Он погладил мою ногу.

— А, понимаю, — обрадовалась его диагнозу. — И что еще у меня сформировано?

— Животик... — Его рука двинулась выше и застряла в районе пупка.

— А еще? — не отставала я.

— Еще грудочки. — Он коснулся моей груди и остановился на этом месте, как будто закончил исследование степени моего физического развития.

— И это все? — презрительно спросила я. — Вижу, господин многого не знает. Есть еще кое-что сформировавшееся.

— Откуда ты знаешь? — Он подозрительно посмотрел на меня.

— Как это откуда? Тетя сказала. Да я и сама уже чувствую. — Краска смущения залила мое лицо.

— Где чувствуешь? — Голос лорда дрожал от возбуждения.

— Этого я не скажу, — решительно отрезала я. — Вы сами должны знать. А если не знаете, поинтересуйтесь у своей мамочки.

— Знаю.

— Притворяетесь, — засмеялась я. — Ну, если вправду знаете — покажите.

— Здесь! — произнес он хриплым голосом и полез рукой под платье.

— Еще чего! — горячо запротестовала я, крепко сжав колени, и вытолкнула его руку из-под юбки. — Тетя меня предупреждала, чтобы я никому этого не позволяла, — и доверительно прошептала: — Так только мальчишки делают. Один даже хотел меня поцеловать, когда мы с ним гуляли в парке. Я едва успела удрать... Но вы же не мальчишка. Вы взрослый. А взрослые не позволяют себе таких глупостей с девочками.

— Еще как позволяют! — буркнул лорд. Он ближе подвинулся ко мне. — Я тоже это люблю. Хочешь, покажу, что этот мальчишка делал с тобой?

— А тете не скажете?

— Нет.

— Поклянитесь кошачьим хвостом и заячьей лапкой, что никому не проболтаетесь.

Лорд Картер скороговоркой пробормотал слова страшной клятвы.

— Ну, хорошо, — решила я наконец. — Не хочу, чтобы вы сердились на меня. Ладно уж, показывайте, если вы так это любите. Хотя не пойму, что тут можно любить! Но только

быстро, — строго предупредила я.

— Увидишь, тебе понравится, — пообещал лорд.

— Не может быть, — не поверила я, но позволила ему (конечно, только из-за наивного любопытства) засунуть руку между бедер.

Через ткань штанишек я почувствовала, что его палец с трудом продвигается глубже. Пришлось раздвинуть ноги пошире, чтобы облегчить ему дорогу. Наконец палец добрался до намеченной цели, на минутку задержался и стал двигаться вверх-вниз.

— Ну как? — спросил лорд.

— Становится приятно, — с явным удовольствием призналась я. — А вам тоже?

— Сделай мне то же! — Взяв мою руку, он засунул ее под свой толстый живот и крепко прижал ее.

— Ой! — завопила я с испугом. — Вам нужно срочно бежать к врачу!

— Что случилось? — не на шутку испугался он и вытащил руку из-под моей юбки.

— У вас из живота вылезла какая-то кость, — воскликнула я. — Врач должен ее отпилить.

— Это не кость, — рассвирепел он, после чего молниеносно расстегнул пуговицы и втиснул мою ладонь в брюки, плотно облегающие его толстые ягодицы.

От изумления я едва пришла в себя. Еще была свежа память о фантастических размерах органа Билла. Сейчас я встретилась с членом совершенно другого калибра. Не длинный и толстый столб, а коротенький и тоненький прутик! В сравнении с мощным торсом этот, с позволения сказать, органчик был фантастически мал! Просто нечего взять в руки!

Теперь я поняла, зачем мадам Коль принесла мне квасцы. От девушек она, конечно, знала о невзрачном приборе лорда Картера.

Осторожно взяв двумя пальцами этот прутик, я боялась сжать его, чтобы, не дай Бог, не сломать. Но и этого материнского прикосновения оказалось достаточно, чтобы шалунишка бойко вскочил и выпрыгнул из ширинки на свет божий. Он важно торчал вверх, такой розовый, как ленты моих девичьих косичек. Только головка красная. Ничего подобного я никогда не видела.

Разглядывая с искренним интересом этого гномика и с превеликим трудом удерживаясь от смеха, я спросила, как любая невинная девушка, которая видит этот предмет впервые:

— Что это? У меня такого нет. Для чего это служит?

— Сейчас узнаешь... — буркнул он хриплым голосом, вскочил с кровати и так сильно толкнул меня, что я упала на спину, подняв ногу вверх. Потом он потянул узел тесемки, которая поддерживала мои штанишки, и одним махом стащил их. Да, в этом у него был большой опыт!

Раздвинув мне бедра, он низко наклонился и стал с нескрываемым восторгом рассматривать мою расщелинку, пытаясь расширить ее пальцами. Но щелочка была плотно стянута. Квасцы действовали превосходно. Лорд хотел всунуть в нее палец, но я свела колени и заорала, закрыв руками невинные девичьи глазки.

— Ой, что вы делаете? Больно! Там все закрыто. Мне стыдно. Нельзя! Это так некрасиво! Я пожалуюсь тете!

Последняя угроза подействовала, но как-то странно. Лорд подскочил к подсвечнику и задул обе свечи. Потом в кромешной тьме бросился на меня и своим огромным телом припечатал меня к кровати. Сопя, как бегемот, начал вслепую тыкаться своим прутиком в поисках вожделенной щелки. Когда ему наконец удалось наткнуться на нее и он собрался

втиснуться внутрь, я начала отбиваться и пронзительно орать:

— Больно! Ужасно больно! Умоляю, перестаньте! Ой, что-то у меня там рвется...

И вправду, было больно! Я, видно, перестаралась, намазывая это место квасцами. Даже его прутик не мог туда прорваться. Я начала сопротивляться всерьез. Естественно, я пустила в ход ногти. С остервенением царапала его спину и даже кусалась. Но он, казалось, не чувствовал боли, даже наоборот, мое яростное сопротивление нравилось ему. Только это и возбуждало его.

Когда я начала визжать как резаная: «Тетя, тетечка, где вы?» — заткнул мне рот своей волосатой лапой и продолжал проклевывать бедную мою дырочку.

В эту минуту я полезла под подушку и достала спасительный пузырек. Приподнявшись, я выдавила его между бедрами. Раздался громкий треск лопнувшего пузыря. Даже глухой вздрогнул бы. Брызнула кровь. Остатки пузыря я незаметно выбросила за кровать. Прутик наконец просочился до конца. Он был такой тоненький, что я почти не чувствовала его.

— Ой, лопнуло! — пронзительно запищала я и горько расплакалась, но упрямый прутик был глух к моим простодушным мольбам.

Равномерно и энергично он двигался туда и назад с короткими перерывами для отдыха. Ритм его движений напоминал мне звучание моей фамилии: Бам-чик... бам-чик-чик... бам! — и снова сначала: Бам-чик... бам-чик-чик... бам!

Лорд надавливал на меня так сильно, что кровать скрипела так, будто вот-вот готова была развалиться. При этом он причмокивал, будто пробуя очень вкусное блюдо. Все это было бы даже забавно, если бы не тяжесть его тела и страстные слюнявые поцелуи, которыми он меня щедро одаривал.

Я по-прежнему стонала и царапала его спину. Если боль доставляет ему удовольствие, почему не доставить его?

Только когда он резко ускорил темп, я перестала сопротивляться и канючить. Обняв дорогого лорда за шею, я стала страстно шептать:

— Ой, как приятно... Как хорошо... Ой, умоляю, быстрее, быстрее... Чудесно... Немножко глубже, еще, еще! Я не выдержу! — И я начала повторять его движения в противоположном направлении.

Мой страстный шепот и объятия явно помогали ему. Подскочив вверх, он вдруг рухнул на меня всей своей тяжестью, так что чуть не сломал мне позвоночник, хрипло прорычал что-то и вздрогнул всем телом. Я в точности повторила все его движения и звуки. Когда он перестал суетиться, и я разлеглась неподвижно. Сверх программы издала еще глубокий вздох удовольствия и облегчения. Так, наверное, по мнению лорда, должна себя вести целомудренная девушка, которая в его пылких объятиях теряет свою невинность.

Довольно долго он отдыхал на мне, вытянувшись как на матрасе, потом встал и зажег свечи. Осмотрел свой бедный окровавленный прутик, потом мою израненную дырку и огромное пятно крови на простыне. При таком приятном зрелище лицо его расплылось в улыбке. Вытер своего жалкого гномика о мои панталоны и с видом победителя постоял надо мной. Я лежала в сладком обмороке.

— Больно, малышка? — В его голосе послышалась скрытая радость. — Я не хотел тебя обидеть.

— Уже не больно. — Я подняла тяжелые веки и шепнула: — Перестало болеть, когда стало так ужасно приятно. — Протянув к нему руки, я, как капризный ребенок, заканючила: — Элизабет хочет еще, много раз еще и прямо сейчас. О, как мне понравилось!

— Сегодня больше не могу, — отрезал он с неискренним сожалением. — Завтра приду. — Он стал поспешно застегивать штаны.

Я знала, что обманет. Он лишил меня невинности, и больше я его не интересовала. Зрелая женщина не могла возбудить его. Завтра его капризный прутик проколет другую девочку и, как свинья, вытрется ее панталончиками.

— Я хочу вам кое-что сказать, — слегка поколебавшись, шепнула я. — Но только не говорите тете...

— Что, малышка? — Обернулся он уже в дверях.

— Теперь я вижу, что ошиблась. Это вовсе не кость.

— А что? — буркнул он снисходительно.

— Слепая кишка, — посочувствовала я. — Ее нужно срочно вырезать. А то сгниет...

Через несколько минут вошла мадам Коль. Положила на стол деньги.

— Здесь двести гиней от лорда М., — сказала она.

— Должно было быть сто пятьдесят, — удивилась я.

— Он был так доволен тобой, — засмеялась она, — что от чистого сердца добавил еще пятьдесят, чтобы я купила тебе все открытки, которые можно найти в Лондоне, и альбом. Ты проявила себя великолепно. Лорд очень просил; чтобы я нашла ему девушку, похожую на тебя.

— Если вам это не удастся, я охотно позволю ему лишить меня девственности вторично. Он глуп как пробка. Это испытание совсем не было трудным. Можно было обойтись и без квасцов.

— Следующее испытание будет труднее, — сообщила мадам Коль. — Оно ждет тебя уже сегодня. Одевайся и идем со мной.

— Мне нужно помыться после этой свиньи. — Я огляделась в поисках таза и кувшина.

— Это лучше сделать у меня в ванне, — сказала мадам. — Не теряй времени. Девушки ждут тебя.

Глава двадцать первая

Большая оргия у мадам Коль

После мастерской сцены с «потрошителем девственниц» (такое прозвище было у лорда М.) я добилась успеха, который был пределом желаний всех женщин моего круга, — я переступила порог знаменитого «клуба» мадам Коль.

Это было большое трехэтажное здание в тихом районе Лондона. На первом этаже находился просторный вестибюль, в глубине которого угадывалась лестница, двери на кухню и в комнаты для прислуги. Первый этаж занимал зал, несколько гостиных и буфет, где достойные джентльмены могли поболтать с девушками, подкрепиться и выпить, прежде чем они отправлялись на второй этаж. Здесь были спальни девушек.

В заведении мадам Коль больше десятка девушек занимались обычной, если можно так выразиться, шаблонной работой с клиентами, которые не ищут необычных любовных ощущений. Для особых занятий с самыми привередливыми — и, как это часто бывает, самыми влиятельными и богатыми — клиентами предназначались три самые интеллигентные, образованные и самые красивые девушки: Эмилия, Генриетта и Луиза. Если нашу трудную и ответственную профессию можно назвать искусством (а я искренне убеждена, что не только можно, но и нужно), то это были артистки высшего класса. И как за произведения высокого искусства, мадам Коль за право провести с ними ночь взимала со знатоков эротического искусства самые высокие цены.

Именно с этими девушками я познакомилась в первый вечер в доме мадам Коль. Встретили они меня сердечно, даже с радостью, без всяких признаков подозрительности и зависти. А ведь именно эти чувства чаще всего проявляются, когда в тесной компании девушек вдруг оказывается конкурентка, претендующая на те роли, которые прежде поручались только им. Я сразу же почувствовала себя так, как будто мы давным-давно знакомы и дружны. С возгласами неподдельной радости они бросились обнимать и целовать меня.

— Какая же ты красивая, Фанни! И какая изящная! Фигурка просто прелесть! А улыбка!.. Ты чудо! Увидишь, тебе здесь понравится.

В их радушии не было и тени фальши. Девушки, которые не могли поддерживать дружескую атмосферу, царящую у мадам Коль, надолго здесь не задерживались. А те, кому это легко удавалось, составляли настоящую семью, объединенную общими интересами, общими занятиями, дружбой, заботой друг о друге и любовью. И эта семья безоговорочно приняла меня в свое лоно. Думаю, этим я обязана не только своей красоте, но и хорошему характеру и доброжелательности.

Три принцессы «клуба» мадам Коль действительно могли ослепить мужчин своей редкой красотой и молодостью — им было не больше девятнадцати.

Эмилия поражала ошеломляющей чувственной красотой. Ее длинные гладко причесанные волосы цвета темной меди прекрасно гармонировали с зелеными глазами, тонким профилем и медовой сладостью кроваво-красных губ. Она была высока ростом и необыкновенно изящна, несмотря на некоторую полноту и округлость форм.

Генриетта была полной противоположностью Эмилии. Золотые локоны с особой прелестью оттеняли темноту ее черных, как ночь, глаз. Щечки цвета слоновой кости с игривыми ямочками украшал яркий румянец. Миниатюрная, как статуэтка, она напоминала

скульптуру богини любви, которая сошла на землю, чтобы одаривать мужчин радостью и безмятежным счастьем.

Луиза была шатенкой с редким пепельным оттенком волос и смуглой кожей. У нее была стройная фигура, гибкое, как у змеи, тело и прекрасные длинные ноги. Алые, красиво очерченные губы, безупречно белые зубы, таинственная, манящая улыбка завершали портрет.

Когда мы кончили чаепитие, девушки проводили меня в ванную, где уже была готова горячая пенная купель с отваром ароматных трав. Увидев меня нагой, девушки стали шумно выражать восторг по поводу моей внешности. Потом они меня долго и старательно мыли, вытирали мягкими пушистыми полотенцами, положив на низкий деревянный стол, втирали в кожу ароматические масла (не обошли и самые интимные части тела).

— Мужчины очень требовательны, — пояснила Эмилия, которая выполняла эту процедуру. — Ты вся должна благоухать.

Присутствовавшая при этом мадам заботливо следила за всем происходящим. Судя по всему, ей нравились мое лицо и фигура. Она велела сделать мне скромную прическу и надеть загодя приготовленное розовое бальное платье простого покроя.

— Некоторые из моих гостей предпочитают свежую, здоровую, скромную деревенскую девушку изысканно одетым светским дамам, — объяснила мадам Коль. — А кроме того, должка же ты чем-то отличаться от Эмилии, Генриетты и Луизы. Впрочем, лучший наряд для красивой девушки — это его отсутствие. И самое главное, я знаю, какой тип красоты нравится твоему жениху.

— Жениху? — с удивлением повторила я.

— Так ты будешь называть кавалера, которого я тебе представлю. Ты сочетаешься с ним браком в соответствии с ритуалом сегодняшней оргии.

— Оргия? — опять повторила я. — Что значит это слово?

— Это очень интересная и захватывающая церемония, с которой ты познакомишься сегодня ночью. Ты обязана с радостью соглашаться на все, чего захочет жених. Он должен быть убежден, что ты влюбилась в него с первого взгляда и мечтаешь только о том, чтобы он одарил тебя неземным блаженством. Впрочем, в него и в самом деле можно влюбиться. Это красивый молодой мужчина, потомок богатого аристократического рода. Все лондонские барышни на выданье зарятся на его богатство и красоту. Покажи ему, на что ты способна, и постарайся сама получить удовольствие. Такой кавалер Может удовлетворить самую привередливую даму. Желаю успеха, дорогое дитя, — закончила мадам свою речь и поцеловала меня в лоб. — Верю, что ты не опозоришь меня. Хочу гордиться тобой.

Девушки удалились первыми. Через несколько минут мадам Коль проводила меня в маленькую гостиную, где Генриетта, Луиза и Эмилия уже болтали с клиентами. Их было четверо. Молодые привлекательные джентльмены. Один в парадном мундире полковника королевской гвардии.

Гордо подняв голову, с ослепительной улыбкой на губах вошла я в комнату. Шепот восторга прошелестел при моем появлении. Мужчины встали и галантно поклонились мне.

— Благородные господа! — обратилась к ним мадам. — Имею честь представить вам мою новую звезду Фанни Хилл. Полагаю, что никто из вас не осудит нас за это приобретение. Прошу принять ее с любовью в свой круг. Она этого заслуживает. Впрочем, господа, которые заинтересуются ею, убедятся в этом сами.

Слегка приподняв подол платья, я сделала глубокий реверанс. Девушки, окружив меня, стали целовать. Потом наступила очередь кавалеров. Думаю, не надо говорить, что их

поцелуи были намного более горячими и сопровождались крепкими объятиями.

— Дорогой граф, — обратилась мадам к высокому брюнету с пламенным взглядом. — Познакомьтесь и подружитесь с моей дорогой Фанни, которую я отдаю под ваше покровительство. Верю, что вас соединит пламенная любовь, и объявляю вас повенчанными в соответствии с законами этого дома.

Предназначенный мне граф поклонился со светским изяществом, взял меня под руку и проводил к креслу.

— Дорогой полковник! — Мадам повернулась к гвардейскому полковнику. — Прошу вас подружиться с моей дорогой Луизой, которую я предназначаю вашим нежным заботам. Верю, что вас соединит пламенная любовь и объявляю вас повенчанными в соответствии с законами этого дома.

Ту же торжественную формулу мадам Коль повторила по отношению к Эмилии и Генриетте и их «женихам». Потом все выпили шампанского и с треском разбили хрустальные бокалы о мраморный пол.

— После бракосочетания должна быть свадьба! — радостно закричали девушки. — Хотим свадьбу!

Мадам трижды хлопнула в ладоши. Выбежали два рослых лакея и настезь открыли двери в бальный зал. Раздались звуки оркестра, исполняющего свадебный марш.

Мадам вошла в зал первой, а следом пара за парой вошли мы. Зал был ярко освещен. В канделябрах и в хрустальной люстре, свисающей с украшенного лепниной потолка, горели сотни высоких стеариновых свечей. Посредине зала стоял длинный стол, буквально прогибающийся под тяжестью изысканных яств и напитков.

Мадам, заботливо усадив каждую пару, заняла почетное место. Потом снова хлопнула в ладоши. Появились четыре лакея, которые начали обносить нас кушаньями и разливать напитки.

Блюда были очень вкусные, а напитки высокого качества, хорошо выдержанные. Оркестр за портьерой играл бальную музыку. Разговор за столом становился все более оживленным и веселым, звучали шутки и остроты, при всем их блеске не нарушающие атмосферы изысканной светской беседы.

Компания была слишком утонченная, чтобы испортить вульгарным выражением терпкий вкус того, что их ожидало в этот вечер. Удовольствие должно нарастать постепенно.

Единственная вольность, которую позволяли себе влюбленные пары, — это нежные поцелуи в щеку, деликатные объятия и нежные пожатия рук.

В конце трапезы встал полковник и, подняв бокал, произнес короткий, но очень поучительный тост:

— Дорогая Фанни! Несомненно, ты очень красива, но, мне кажется, еще слишком скромна. Конечно, все мы очень ценим скромность как высшую добродетель женщины, но не одобряем застенчивости — смертельного врага радостей жизни. Если стесняешься нас, постарайся избавиться от этого чувства, Если жаждешь радости, воспользуйся каждым счастливым мгновением, которым может одарить тебя восхищенный тобой мужчина. С мыслью о любовных удовольствиях делай все смело, не смущаясь никого из нас, так же как мы, испытывая эти удовольствия, не будем стесняться тебя. Благородные господа и прекрасные дамы! Поднимем бокалы за счастье Фанни и ее возлюбленного! Пожелаем им самых совершенных наслаждений! Пусть сопутствуют им ничем не скованные радости!

Долой стыд — он враг истинного счастья!

— Первая брачная ночь! — с энтузиазмом закричал «жених» Эмилии. — Хотим свадебной ночи!

Мадам Коль снова хлопнула в ладоши. В зале появились два лакея. В мгновение ока они придвинули к стене банкетный стол и погасили лишние свечи. Горела только люстра, освещающая пустую середину зала. Двое других лакеев внесли и поставили на этом месте низкую софу, застеленную красным покрывалом. Лакеи удалились, а следом за ними и мадам Коль. Оркестр заиграл туш.

— Что все это значит? — изумилась я. Мне все еще казалось, что после свадебного пиршества влюбленные парочки разойдутся по спальням.

— Сейчас увидишь, — загадочно улыбнулась Генриетта.

— Джентльмены, бросим жребий! — предложил приятель Генриетты. Он взял с буфета четыре зубочистки, отломил от каждой по кусочку, зажал в кулаке так, чтобы видны были только целые концы. Самую длинную зубочистку вытянул полковник. Лицо его осветилось радостной улыбкой. Он был очень доволен результатом жеребьевки. Взяв под руку Луизу, подвел ее к софе.

Пока он снимал саблю и мундир, девушка подняла вверх платье и нижнюю юбку, под которой ничего не было, вытянулась на софе, подогнула колени и с выражением меланхолической задумчивости подложила руки под голову.

Оркестр заиграл тихую, сентиментальную колыбельную песенку.

Только сейчас до меня дошло, что такое «оргия», о которой говорила мадам Коль.

Не могу не признаться, что я испытывала смущение и даже стыд. Да, я могла согласиться на все, чего требовал от меня мужчина. Но ведь до сих пор я делала это с глазу на глаз. Здесь же все должно было происходить публично, как на сцене...

Мы окружили софу, чтобы не пропустить ни единой подробности этого волнующего зрелища. В ярком свете люстры нашим восхищенным взорам предстало прелестное отверстие между великолепными длинными ногами девушки. Оно вело в тайные глубины. Над ним возвышался округлый холмик лона, опушенный мягкими волосиками. Отверстие это было призывно распахнуто. Выпуклые, набухшие складочки были на редкость соблазнительны и полны сладких обещаний.

Офицер, герой грядущей битвы, уже освободившийся от мундира, решительно сбросил рубашку. Только на мгновение мелькнуло его обнаженное оружие, размеры и достоинства которого мы даже не успели оценить. Как и положено бравому солдату, он бесстрашно ринулся в атаку на опасного врага. Наш стратег знал наверняка, что коварный этот враг затаился между бедрами Луизы. И первый же удар нанесен был точно в цель.

Но враг и не пытался защищаться. Наоборот, он слегка приподнялся, чтобы еще лучше открыть цель. Луиза раздвинула колени так широко, как только могла, и покорно принимала удары, которые следовали один за другим. Ритм их все ускорялся, подчиняясь ритму страстной музыки.

Наверное, нет девушки, которая бы так подходила для этой волнующей, полной впечатлений профессии, как Луиза.

Ее радость была полной, а удовольствие истинным. Она не только поддавалась резким и глубоким ударам свирепого оружия, но сладострастно бросалась им навстречу, поднимая и опуская бедра, принаравливаясь к ритму бешеных движений бравого полковника.

При этом она тихонько вздыхала и стонала, но, конечно, это не были жалобные стоны.

Когда наконец тела их соединились в одно, а руки и ноги сплелись, Луиза начала кричать от восторга:

— О, мой единственный, не жалея меня! Глубже! Сильней! Быстрее, умоляю тебя, быстрее! О-ох...

Вдруг крик оборвался и хриплый стон наслаждения вырвался из ее груди. Музыка умолкла. В напряженной тишине раздавалась только сухая барабанная дробь и глухие удары бубна. И вот по телу девушки пробежала последней волной дрожь и она замерла, как будто к ней пришла долгожданная сладкая смерть.

Эта сцена прекрасно отражала самый распространенный классический тип любви. Мы встретили ее бурными аплодисментами. Оркестр заиграл финальный туш.

Боевой полковник поднялся с Луизы и быстро надел свой парадный мундир. Радостно улыбающаяся и возбужденная успехом девушка встала с софы, опустила юбку и подбежала ко мне.

— Как тебе понравилось?

— Ты была великолепна! — воскликнула я с искренней завистью. — Как бы я хотела хотя бы чуточку уметь так прекрасно показывать это! Я ужасно боюсь, что не сумею.

— Увидишь, дорогая, что сможешь. Это совсем нетрудно, — подбадривала меня Луиза. — А то, что волнуешься, — ничего удивительного. Это твое первое выступление. Нужно только вжиться в роль и вложить в нее свое сердце.

«Сердце? — подумала я. — Скорее, другую часть тела».

Тем временем к выходу на сцену готовилась следующая пара. Это были светловолосый стройный юноша, единственный наследник огромного состояния и самая прелестная из девушек мадам Коль мальшка Генриетта. Я никогда не встречала женщины из нашей сферы, которая умела бы отдаваться мужчине так деликатно, без тени вульгарности и разврата, как это сладкое существо. Она ничем не напоминала продажную женщину. И что еще меня поразило — это поведение ее поклонника, который среди всеобщего разврата, в доме свиданий, относился к ней как любовник, душой и сердцем преданный своей возлюбленной.

Впрочем, как мне потом стало известно, эту пару связывали узы чистой любви. Только добровольные обязательства перед мадам Коль удерживали Генриетту в этом доме и побуждали ее участвовать в этой традиционной оргии, одним из организаторов которой был и ее возлюбленный.

Оркестр заиграл тихую, спокойную, полную сладострастия баркароллу. Светловолосый князь обнял Генриетту, и, нежно прижавшись друг к другу, они подошли к софе. Девушка, слегка покраснев, посмотрела на меня, как будто просила снисходительно отнестись к тому, что сейчас будет разыграно.

Любовник сел около нее на край софы и, целуя губы возлюбленной, наклонял ее голову вниз, пока она не коснулась головой другого края софы, лежа поперек и касаясь ногами пола. Чтобы показать, что он хозяин и повелитель ее души и тела, а также чтобы доставить удовольствие остальной компании, он стал медленно раздевать ее, наслаждаясь красотой постепенно открывавшегося тела прелестной девушки.

Первым делом расстегнул застёжки платья и стянул его вниз. Потом развязал тесемки лифчика и бросил его. Мы увидели маленькие круглые твердые груди, прекрасные, как распускающиеся бутоны роз. Юноша стал ласкать их, показывая, какие они упругие, нежно покусывал розовые соски.

Продвигаясь еще ниже, юноша снял с возлюбленной нижнюю юбку и долго

путешествовал губами по ее плоскому животу. Наконец сорвал с Генриетты кружевные черные штанишки и открыл нашим глазам соединение бедер, мягкое и шелковистое, окруженное нежными волосками.

Оркестр заиграл громче. Как по сигналу к софе подбежали Луиза и Эмилия. С двух сторон они подняли ноги Генриетты вверх и широко развели их.

Молодой человек наклонил голову и, как очарованный, долго всматривался в это самое тайное девичье сокровище, потом едва заметным жестом предложил нам подойти ближе, чтобы вместе с ним насладиться этим зрелищем.

Оркестр зазвучал уже громче, набирая силу. Поклонник Генриетты снял рубашку, панталоны, белье и направил в нашу сторону восставший член таких размеров, что шепот восторга прошелестел среди дам, а среди мужчин шепот откровенной зависти. Меня он, конечно, не мог поразить, ведь я хорошо помнила таран Билла. Но я была бы неискренней, если бы сказала, что это зрелище не произвело на меня впечатления.

Раздались заслуженные аплодисменты. Юноша, как артист на сцене, поклонился публике, повернулся к Генриетте и занял позицию между ее поднятыми вверх ногами, которые по-прежнему держали Луиза и Эмилия. Двумя пальцами расширил щель девушки, другой рукой взял свой член и прижал к предназначенному для этого отверстию.

Мы увидели кораллового оттенка удлиненные лепестки, обрамляющие отверстие Генриетты. Когда юноша втокнул в него орудие наслаждения, когда наклонился и оперся руками о край софы около головы девушки, Эмилия и Луиза положили ее колени на его плечи и вернулись на свое место. Их помощь больше была не нужна. На сцене остался только любовный дуэт.

По-прежнему низко наклонившись над девушкой и опираясь руками о софу, юноша начал медленно приближать свой живот к бедрам возлюбленной, все глубже погружая свой член в глубину ее тела. Когда орудие любви скрылось в этой лаборатории радости, лепестки сомкнулись вокруг него и закрыли щель, как ворота таинственного замка.

Мы видели, как с медленным проникновением члена в глубь отверстия на нежном личике Генриетты появляется выражение удовольствия и оно становится еще краше. Легкий румянец разгорается ярче. Блестящие черные глаза пылают, а стыдливое бездействие сменяется лихорадочным волнением. Юноша резким движением члена припечатывал ее к ложу, а когда он отступал, она поднимала бедра так высоко, как позволяло ей нежное строение ее тела.

Продельвала она это так легко и плавно, как балерина в классическом танце нимф в Лондонской королевской опере.

Это было такое прелестное зрелище, что все, захваченные одним чувством, приблизились к софе, чтобы ничего не пропустить в этой захватывающей сцене.

По мере того как сила движений любовника возрастала, ноги девушки, покоящиеся на его плечах, начали лихорадочно дрожать, пятки все быстрее отплясывали по спине юноши, выбивая ритм возрастающего наслаждения. И наконец наступила желанная минута наивысшего счастья, которое оба пережили одновременно и с одинаковой силой. Юноша упал на Генриетту и впился губами в ее рот. Дрожь несколько раз потрясла их слившиеся в единое целое тела. Раскинув руки, Генриетта лежала неподвижно в сладком забытьи. Глаза ее были полуоткрыты, любовник все еще лежал на ней, тесно прижавшись всем телом, и целовал ее, пока не вытекла из него последняя капля животворящей влаги — свидетельство пережитого наслаждения и полного удовлетворения.

Юноша встал и начал одеваться. Все молчали. Только спустя минуту мы пришли в себя и раздались долго не смолкающие аплодисменты.

Я присела на софу. Приподняла голову Генриетты и прижала ее к груди, нежно глядя по волосам. Когда она наконец пришла в себя, мой «жених» дал ей рюмку вина, а любовник помог встать и одеться. После этого они вернулись к остальной компании.

— Ну, как я? Как я понравилась тебе? — спросила счастливая Генриетта. — Я ничего не помню.

— Ты была очаровательна, — ответила я, обняв ее тонкую талию. — Твой стиль мне ужасно понравился. Ваши тела как будто созданы для такой позы. Для молодежи, увлекающейся гимнастикой, я придумала нечто похожее, но гораздо интереснее. При случае покажу тебе, как это делается.

Наступила очередь третьей пары, которую составляли пухленькая Эмилия и мужчина лет тридцати, высокий, видный, широкоплечий, плотный, но не тучный.

Они разделись заранее в темном уголке, когда Генриетта отдыхала в моих объятиях. Вступил оркестр, и они появились на сцене обнаженные...

Тело Эмилии было такое белое, что казалось, в зале стало светлее, когда она стояла в ярком свете люстры. Груды ее напоминали два высоких холма, будто высеченных из белого греческого мрамора. Вряд ли нашелся бы мужчина, который мог бы перебороть желание коснуться этих живых теплых шаров.

Ничего удивительного, что партнер Эмилии начал с груди. Он гладил ее, поднимал вверх и тискал обеими руками. У Эмилии были великолепные крепкие ножки и широкие, как у Венеры, бедра.

Ну разве можно было найти мужчину, который не воспользовался бы возможностью поиграть с ее полными, твердыми, упругими бедрами.

Но когда партнер положил руку на ее живот и хотел двинуться ниже, Эмилия смущенно опустила взгляд и закрыла ладонью треугольный холмик лона.

Сейчас она была похожа уже не на статую богини, а на купающуюся Венеру, изображенную на картине, которая висела в гостиной.

Мы увидели только медного цвета волосы, покрывающие ее лоно, и очертание красного узкого углубления между двумя выпуклыми складками.

Когда мужчина попытался раздвинуть ей бедра, чтобы продемонстрировать нам это пурпурное углубление, Эмилия еще крепче сжала ноги и на ее чувственном личике появилось выражение игривого упрямства. Партнеру пришлось временно отказаться от своей затеи. Тогда он повернул ее спиной к нам, обнял и наклонил ее тело так низко, что Эмилия должна была опереться локтями о софу.

«Жених» Эмилии предъявил нам для оценки свой член. Он оказался длиннющим и в сравнении с длиной необычайно тонким (что встречается у полных мужчин крайне редко).

Как показал мой дальнейший опыт, у мужчин подобного телосложения член обычно, как раз наоборот, короткий и толстый.

Естественно, кавалер не задумывался в этот момент об анатомических особенностях своего члена. Он просто сунул его в пропасть, как саблю в ножны, и, прижавшись животом к ягодицам девушки, закрыл от нас эту высокогорную панораму.

Оркестр заиграл веселый галоп, и в его ритме мужчина стал суетиться у выпяченной попки Эмилии, то отталкивая, то снова притягивая ее бедра.

Это, судя по всему, доставляло девушке огромное удовольствие. Очевидно,

почувствовав, что, с каждым разом проникая все глубже, член наконец добрался до дна пропасти, Эмилия повернула к нам улыбающееся личико, подняла голову как можно выше и подставила губки для поцелуя. Партнеру пришлось лечь на спину Эмилии, чтобы дотянуться до ее губ и обхватить руками свисающие над софой груди. После этого маневра он вернулся к прежней позиции и продолжал свое дело.

Представшая перед нами картина ужасно напоминала всадника на коне. К тому же время от времени наездник вытаскивал свой длинный и тонкий член из пропасти и с громким криком стегал им, как кнутом, зад своей прелестной кобылы, чтобы заставить ее скакать побыстрее. Казалось, ему не хватает только шпор.

Наконец кобыла встала на дыбы, после чего упала животом на софу, а ездок рухнул на нее. Ложе затрещало под тяжестью их крепких тел. Некоторое время мужчина еще подпрыгивал на спине Эмилии, а она, хоть сама уже не нуждалась в этом, помогала ему, пока он не доскакал до цели.

Этот остроумный и самый веселый номер программы вызвал бурные аплодисменты, громкий хохот и шутки всей компании. Эмилия и ее наездник, раскланиваясь во все стороны и благодаря нас радостными улыбками, быстренько удалились в свой угол, чтобы одеться и успеть к последнему номеру. Этот номер должен был стать гвоздем программы.

Это был мой номер! Пришла моя очередь!

Глава двадцать вторая

Мое первое публичное выступление

Только сейчас я подумала о том, с какой программой выступать. Раньше я не могла этого сделать. Ведь в начале вечера я еще не знала, с чем выступят мои предшественницы. А повторять то, что они показали, было невысказано. Чтобы упрочить свое положение в этом доме, нужно было придумать что-нибудь оригинальное. Да по своему характеру я и не годилась на роли «последовательниц». Напротив, я всегда хотела быть лидером, хотела, чтобы другие шли по моим следам.

Но что нового могла я показать этим поднатюрившим во многих связях жрицам грешной любви, я, дебютантка и любительница, чей опыт исчислялся только четырьмя любовниками? А чем я могла удивить их партнеров, через ложа которых прошли сотни женщин? Есть ли в мире самая изощренная и неестественная форма любви, с которой не были бы знакомы эти люди? В сравнении с ними, с их любовным опытом, меня можно было считать непорочной девицей.

Спасительная мысль вдруг озарила меня. Ну конечно — «прыжок оленя»! Этого способа не могли они знать. Но эта спасительная мысль исчезла так же мгновенно, как и появилась.

К сожалению «прыжок оленя» невозможно было исполнить с партнером, с которым у меня не было прежде сношения. Я не знала особенности его члена, не представляла, подходят ли его пропорции и степень напряжения этой очень трудной фигуре. Во время выступления уже поздно было экспериментировать. Чтобы добиться требуемого эффекта, орудие моего партнера должно было попасть в цель с первого же раза...

«А вдруг он промахнется? Вдруг согнется? — подумала я с ужасом. — Тогда я скомпрометирую себя в глазах этой требовательной публики, которая признает только совершенство, такое, как показали Луиза, Генриетта и Эмилия».

И самое страшное, что мадам Коль, которой я стольким обязана, не простила бы мне такого позора. В лучшем случае меня отправили бы к остальным девушкам, которые в тесных комнатках на втором этаже выполняют свою ежедневную серую, неинтересную работу с серыми и неинтересными клиентами, в то время как мы четверо с великолепными мужчинами в бальном зале занимаемся любовью на высшем уровне искусства.

Нет, у меня должна быть шикарная спальня, а не тесная комнатенка. Я хотела быть куртизанкой, а не проституткой, артисткой, а не поденщицей. И я добьюсь своего! Карьера была единственной моей целью.

Размышляя таким образом, я ругала себя, что во время выступлений Генриетты, Эмилии и Луизы под каким-нибудь предлогом не затащила своего «жениха» в темный угол зала, чтобы там хотя бы поверхностно, через брюки, исследовать род и состояние его аппаратуры. Может быть, тогда я что-нибудь придумала бы. Но сейчас было уже поздно.

Я ужасно волновалась. Через мгновение я должна выйти на сцену, но, увы, не знаю роли, которую мне предстоит сыграть.

Артистка, которой когда-нибудь попадет в руки мой скромный дневник, поймет несомненно, что я чувствовала в эту минуту.

И вдобавок ко всему меня охватило замешательство: одно дело — видеть, как это делают другие, к восхищаться ими, и совершенно другое — первый раз в присутствии публики делать это самой...

Как часто бывает в жизни, на помощь мне пришел благословенный случай. Мой «жених», видя мое волнение, вопреки правилам оргии подошел к софе и сказал со светским поклоном:

— Моя дорогая, нетрудно понять твое смущение в эту минуту. Твое присутствие здесь и тот интерес, который ты проявила к трем влюбленным парам, позволяют мне надеяться, что ты одаришь меня такой же горячей любовью. Твое смущение, однако, естественно и прекрасно. Это всего лишь молодость и неискренность. Я должен отнестись к этому с уважением, хотя признаю, что чувствую при этом сожаление и разочарование. Если бы я заставил тебя демонстрировать любовь, которую не можешь или не хочешь показывать при всех, то считал бы себя подлецом, недостойным своего графского титула. Конечно, можно было бы упросить тебя заняться любовью наедине, но, боюсь, наши милые друзья осудят нас. Дорогая, милая Фанни! В эту свадебную ночь возвращаю тебе свободу, хотя сердце мое обливается кровью. Поступай так, как подскажет тебе твое девичье сердечко!

Легкий шумок восхищения пробежал среди присутствующих. Благородное поведение молодого графа, жертву, которую он готов был принести, оценили все. Он один в эту полную страсти ночь остался бы неудовлетворенным...

Как очарованная, смотрела я на графа, прекрасного, как сказочный принц. Иссиня-черные волосы крупными локонами падали на широкие плечи, а глубокие страстные глаза пылали огнем желания. Он был высок, изящен, строен. Панталоны так плотно облегли фантастически длинные ноги и узкие бедра, что в ярком свете люстры был отчетливо виден удлинённый вздрагивающий бугор, до предела натянувший ткань штанины — красноречивое и соблазнительное доказательство его безумного возбуждения.

«Сладкий, чудесный мальчик! — Я была растрогана. — Он так хочет меня и так красиво просит. Грешно заставлять его так страдать...»

И вдруг на меня снизошло вдохновение. Не откажу ему. Дам ему столько и таким способом, как не давала ему ни одна женщина до меня. Запомнит полученное наслаждение на всю жизнь. И всегда в объятиях другой он будет вспоминать меня. Что мне до остальных, если меня хочет такой мужчина?! Никаких ролей! Пусть будет как будет! А я буду собой, только собой! Буду Фанни Хилл!..

Чувствуя дрожь в каждой частичке своего тела, но с гордо поднятой головой, подошла я к юноше. Оркестр, как и в начале предыдущих номеров, заиграл туш, но вскоре замолк. Дирижер не знал, каким будет этот последний номер программы. В напряженной тишине мой взгляд поймал взор графа. Его глаза метали молнии. Тихонько, чтобы услышал только он, я шепнула:

— Ты действительно очень хочешь меня?

— Да... Сгораю от желания...

— Мне стыдно, — опустила я глаза. — Будь ко мне добр... Я тоже хочу тебя... Ты такой красивый... Настоящий мужчина... Иначе я ни за что не согласилась бы... при всех...

Закрыв глаза, я застыла в ожидании. Граф наклонился к моим ногам, взялся за подол платья и поднял его. Я позволила ему снять с меня платье. Под платьем ничего не было. Я была абсолютно голая.

Опять шепот восторга прокатился по залу. Мужчины, скорее всего, никогда не видели такого тела — еще девического и уже женского, блистающего ослепительной красотой юности, не помеченного ни одной морщинкой, ни одной складкой жира. Гладкая, как бархат, чистая и нежная кожа, упругие круглые груди, которые не нуждались в лифчике, —

все это охватили мужчины одним только взором.

Под пронизывающими взглядами мужчин, исследующими каждый сантиметр моего тела, защищаясь от бесстыдных глаз зрителей, я прильнула к партнеру, как будто хотела его телом закрыть от назойливого внимания. Очевидно, поняв это, зрители не стали к нам приближаться. А я подставила своему партнеру губы, требуя поцелуя. Он прильнул к моим губам своими сухими горячими губами.

Обняв его одной рукой, другой я стала осторожно расстегивать его шелковое жабо, красный бархатный жилет, а когда он сбросил их с себя, расстегнула рубашку, потерлась щекой о его мускулистую грудь и осторожно, немного смущаясь, положила руку на пуговицы его панталон, расстегнула их и спустила до самых бедер. Сам он поспешно сбросил с себя остатки одежды и стал на колени у моих ног.

В смущении я закрыло лицо руками, когда он начал медленно подниматься и целовать мои ноги — все выше и выше, пока не коснулся лицом нежных волос лона и прижался к ним губами. Инстинктивно я раздвинула бедра, а он вторгся между ними своим горячим ртом.

Я пылала как в огне. Эта смелая ласка особенно разжигала меня. Охваченная сладкой дрожью, я неожиданно отклонилась назад, а он вскочил на ноги и прижался ко мне дрожащим как в лихорадке чудесным мускулистым телом. Почувствовав, как его твердое горячее орудие, подобно клину, втискивается под мой живот, я подогнула колени и раздвинула их, вся подавшись навстречу моему чудесному партнеру.

Он обнял меня, а я крепко прижала его бедра к себе. Мы сплелись в одно вздрагивающее от нахлынувшей страсти тело, и наконец я почувствовала, как его член смело врывается в мою расщелину и проникает до самого дна. Я изо всех сил сжала бедра и заперла его там, чтоб не выскользнул из своей сладкой тюрьмы. По своей длине и толщине он подходил мне идеально. Вошел в меня до основания, заполняя целиком, но не причиняя никакой боли.

Слившись в одно целое, мы замерли. Только бедра юноши вздрагивали все сильнее и быстрее, а я все крепче, напрягая и расслабляя бедра, зажимала и отпускала свою щель, чтобы помочь ему.

Со стороны могло показаться, что между нами ничего не происходит.

Кровь во мне кипела. Невообразимое удовольствие охватило дрожью все мое тело. Вдруг я почувствовала фонтан, бьющий в мое дно. Удовольствие превратилось в одновременный обоюдный и мощный взрыв наслаждения, который бросил на софу наши сплетенные тела. Это было первое видимое наше движение с минуты, когда любовник вошел в меня.

Я была в сладком забытии и не представляла, как реагирует на это зрелище остальная компания. Не знала, чувствовали ли Эмилия, Луиза и Генриетта со своими партнерами то же, что и я со своим чудесным графом, или только играли комедию. Я чувствовала нечеловеческое наслаждение, и мне было мало его.

Когда мы упали на софу, я не позволила мужчине встать и удержала его член глубоко в себе. Но вот он стал слабеть и хиреть, а я начала дразнить и возбуждать его, напрягая все мое лоно, пока он опять не стал таким же восхитительно твердым и напряженным, как раньше. Только теперь, будучи уверена, что он не выскользнет из меня, я подняла и широко расставила колени, прижалась грудью к губам любовника и протянула руку сзади между бедрами, чтобы ласкать его член и тугой мешочек под ним. Я хотела одного — еще раз насладиться той же сладостью, пережив такой же бурный взрыв, и снова ощутить

волнующую горячую струю в глубине моего тела. Все, как и в первый раз, произошло без всяких видимых движений.

Но и во второй раз я не отпустила юношу. Теперь я начала шевелиться. Перевернувшись вместе с ним на бок, а потом оказавшись на нем, я приседала и приподнималась, ровными энергичными движениями бедер без труда доведя себя и любовника до третьего экстаза. Только сейчас я расслабилась, упала на юношу, а когда он выскользнул из меня, лежала обессиленная, тяжело дыша и принимая его благодарные поцелуи.

В зале была гробовая тишина. Только когда угасла последняя искра экстаза, когда наши тела, успокоившись, замерли неподвижно, раздалась буря восхищения, которую не могли заглушить даже удары барабана. Из комнаты оркестра вышла мадам Коль. Оказывается, она наблюдала мое выступление от первой до последней минуты. За ней торжественно следовали две барышни в красных трусиках и такого же цвета лифчиках — девушки со второго этажа. Они несли красивый венок из пунцовых гвоздик, охапку желтых хризантем и несколько букетов белых роз.

Замыкала шествие девушка с переходящим кубком в руках — наградой победителям в очередной оргии. Она поставила кубок на пол у софы.

Оркестр заиграл свадебный марш. Мадам подошла к софе и под гром аплодисментов положила венок на мои повернутые ягодицы. Букету роз было определено место у головы лежащего подо мной графа. Прочие цветы она преподнесла в знак утешения Эмилии, Генриетте и Луизе. Девушки разделили хризантемы между мужчинами.

Все присутствующие подходили к ложу и клали цветы рядом с венком. Вскоре моя победоносная попка была похожа на весеннюю клумбу в Гайд-парке. Переливалась всеми цветами радуги и издавала одуряющие ароматы.

Девушки горячо целовали меня и графа, восхищенно шепча:

— Ты единственная в своем роде. Ни одна из нас никогда не сравнится с тобой...

Мужчины с завистью пожимали руку графа, поздравляли его и почтительно склонялись ко мне. Подозрительно долго они нюхали венок и, похотливо заглядывая под цветы, говорили:

— Дорогой граф выиграл сегодня первый приз. Но мы не сдаемся. Фанни просто обязана проделать то же и с нами. Это сокровище наслаждения должно принадлежать дворянству всей Британской империи.

Когда я наконец поднялась, мадам Коль с истинно материнской заботой набросила на меня халат и со слезами на глазах сказала:

— Я горжусь тобой, мое дорогое дитя. Завтра о тебе заговорит весь высший свет. Посмотри, что творится уже сегодня. Джентльмены просто сходят с ума!

Я испугалась, что все дворянство Британской империи прямо сейчас захочет испытать такое же счастье, которое я дала графу. Должна честно признаться, я не была уверена, что сумею уже сейчас повторить в четвертый, пятый и шестой раз сцену с прежним вдохновением и энтузиазмом. Думаю, я заслужила хотя бы краткий отдых. Впрочем, мадам, видимо, догадалась, чего я опасаясь.

— Правила наших групповых свадеб строго запрещают двоеженство. Первая брачная ночь принадлежит только твоему избраннику. Сейчас вам подадут десерт, а потом каждая со своим партнером проведет остаток ночи вдвоем и по своему желанию.

Подали вина, ликеры, сладости и фрукты. Мужчины дали пяти музыкантам щедрые чаевые, а мадам, помимо гонорара за музыкальное сопровождение программы, позволила им

сыграть финальную, самую приятную, часть с пятью свободными барышнями, которые дежурили в комнатах на втором этаже. Нетрудно догадаться, как они были возбуждены, принимая участие в этом зрелище только своими музыкальными инструментами.

Таков был стиль великолепного правления мадам Коль. Ни один мужчина, который оказался в ее доме, не должен был покинуть его, не испытав полного удовлетворения.

Да, было чему поучиться у мадам Коль!

Глава двадцать третья

Граф еще может...

После десерта, обильно сдобренного крепкими ликерами, пары в прекрасном расположении духа разошлись по спальням. Меня и графа мадам Коль отвела в свои давнишние апартаменты, расположенные в боковом крыле дома.

Апартаменты состояли из небольшого, изысканно обставленного салона и роскошной спальни в стиле Людовика XIV. Большую часть спальни занимало огромное низкое ложе под розовым тюлевым балдахином — самый главный и больше всего используемый предмет обстановки в этом доме. Спальня была выдержана в розовых тонах. К ней примыкала ванная. Апартаменты мадам имели отдельный вход из сада.

Когда мадам Коль вошла в свою бывшую квартиру, в ее глазах блеснули слезы. И хотя она не склонна была к излишним о своем прошлом, но все же мне пояснила:

— Здесь я пережила последнюю свою любовь. Я любила потрясающего мужчину. Но он бросил меня. Нашел другую — красивее, моложе... Банальная история, которую пережили сотни и тысячи одиноких стареющих женщин... Конечно, я могла иметь еще много мужчин, но понимала, что любить они будут не меня, а только мои денежки. Поэтому я предпочла остаться наедине со своими воспоминаниями об этой самой прекрасной в моей жизни любви. Да, милая Фанни, самой прекрасной! Это не обязательно первая девичья любовь. Самой прекрасной может быть именно последняя любовь, когда женщина вдруг осознает, что прожила всю жизнь только для того, чтобы ее встретить...

Мадам Коль растроганно вздохнула, украдкой вытерла набежавшую слезу и сказала:

— Эти апартаменты теперь принадлежат тебе. У тебя будет своя горничная. Но не люби никого так, как любила я. Не стоит. Иначе тебе придется покинуть эту спальню. Вместе с моей любовью отсюда ушла большая любовь. Конечно, я имею в виду постоянную любовь. Но можно любить и непостоянно. Мой дом — лучшее подтверждение этого. Не так ли, дорогой граф?

— Естественно, уважаемая госпожа, — поклонился мой «жених» и украдкой зевнул. Романтическая исповедь мадам ничуть не растрогала его. — Я постоянный последователь... непостоянной любви, — добавил он с улыбкой и обнял меня. — Думаю, и Фанни согласна со мной.

— Так постоянно любите друг друга непостоянной любовью, — рассмеялась мадам. — Желаю вам приятных развлечений.

Да, странная женщина эта мадам Коль! В ее душе прекрасно уживались разврат и цинизм с простотой, доброжелательностью и порядочностью. Редкий экземпляр благородной сводни.

Мадам вышла из комнаты, и я уселась на своей новой кровати, вернее, на новом рабочем месте. С помощью той части тела, которой предстояло на нем работать, я испытала его деловые качества. Результат превзошел все ожидания. Ложе было достаточно упругим, но не слишком твердым. Оно не мешало свободным движениям бедер, ягодиц и спины. Как известно, именно от этих движений зависит успех женщины и постоянство чувств мужчины.

Мне показалось даже, что кровать мадам Коль годится и для любовной акробатики с использованием всех принятых в благородном обществе поз — стоя, сидя, на коленях, поперек... Прошу прощения, я забыла о позе, которой нас обычно учат в школе! Лежа...

К тому же кровать не скрипела, не трещала, не скрежетала, что тоже (как знает всякая воспитанная девушка) ужасно режет ухо на фоне сладостных вздохов и стонов, сопутствующих настоящей поэтической любви.

Я с удовольствием растянулась на этом великолепном ложе под розовым балдахином и задумалась о превратностях судьбы. Еще сегодня в полдень с жалкими пятьюдесятью гинеями в кошельке я покидала нищенскую квартиру, из которой выбросил меня мистер Н. А сейчас, в полночь, я получила эту роскошную квартиру, добилась небывалого успеха, стала примадонной в эротическом театре мадам Коль. В гостях у меня красивый, сказочно богатый мужчина из самых высоких сфер.

За каких-то двенадцать часов я сумела пробиться к высотам карьеры, о которой утром и мечтать не могла.

— Раздень меня, дорогой, — сказала я с манящей улыбкой. — Жаль терять такую ночь.

Особенно трудиться ему не пришлось. На мне был только халат. Граф снял его, и я оказалась нагая перед огромным зеркалом.

Я видела себя в нем с головы до пят. Да, я действительно хороша. Вряд ли найдется мужчина, который не захотел бы насладиться таким телом. Тяжелое испытание, которое я только что пережила, и вчерашнее приключение с прутиком не оставили на мне никакого следа. Можно было бы не беспокоиться о своем будущем...

Граф разделся с необыкновенной быстротой. В зеркале я увидела его совершенно голым. Грудью он прижался к моей спине и обнял меня. Я коснулась его ягодицами. Член мгновенно оказался в углублении между моими полушариями. Граф согнул колени и стремительно направил его к излюбленной цели. И попал!..

Но хотя отверстие было увлажнено его недавними извержениями, член не вошел внутрь. Согнувшись у основания, он выскользнул из пещеры.

Я раздвинула ноги пошире и изогнулась так, чтобы облегчить ему проникновение. Юноша сдавил мою грудь руками, прижал меня еще сильнее и опять надавил сзади... и тот же результат. Орудие любви было еще недостаточно твердым для моего тесного отверстия. С Эмилией у него, наверное, все получилось бы отлично.

В зеркале я увидела лицо графа. Он опустил глаза, как будто совершил что-то ужасное. Стыдился своей слабости и при этом был безумно обаятелен. Смущение явно шло ему.

Я снисходительно улыбнулась. Сняла его руки с моей груди, повернулась и, целуя его в губы, сказала:

— Не переживай, любимый. Ты великолепный мужчина, но у всех бывают минуты слабости. Это я виновата. Не надо было так мучить тебя в зале. Но уж очень я тебя хотела. Пожалуйста, не сердись на меня, — шепнула я смиренно.

— И сейчас хочешь? — спросил он, явно не надеясь на утвердительный ответ.

— Еще больше, — ответила я со страстным вздохом. — Не думай, что твоя усталость ослабляет мое желание. Наоборот, еще больше возбуждает меня.

— Я не могу. — В голосе его слышалось отчаяние.

— Потому что торопишься. Зачем? Впереди у нас длинная ночь. Наша ночь! Только наша! Теперь не нужно никому показывать свои достоинства и несгибаемую силу. Разреш

помочь тебе. Ляг навзничь и лежи спокойно. Увидишь, что все будет хорошо. Только не торопись.

Граф послушно улегся на кровать, как прилежный ученик на уроке начальной физической подготовки. Я встала на колени так, чтобы его голова оказалась между моими бедрами, потом наклонилась и опустила голову между его ногами. Подняла его колени повыше и наклонилась еще ниже. Таким образом, его голова оказалась как раз под моей сладостной расщелинкой, а моя голова над его усталым членом.

Я легонько дотронулась до него. В какой-то мере он был, конечно, возбужденным, но еще не достиг необходимой твердости, особенно у основания. Его размер идеально подходил любой женщине — не слишком длинный, не слишком короткий, не очень толстый и не очень тонкий.

Таким изящным прибором действовать гораздо проще, чем огромной толстой дубиной, которая стесняет движения, причиняя неудобства и боль. Должна признать, что из всех членов, которые в меня уже входили, этот мне нравился больше. Я полюбила его с первого взгляда.

Наклонившись, я ласково взяла своего любимца и сжала пальцы на самой нижней части. Медленно я двигала руку вниз-вверх вместе с кожицей, целуя и лаская его губами. Результат такой заботы не заставил себя ждать. Уже через минуту член начал вырастать, надуваясь и твердея.

В это мгновение я почувствовала приятную дрожь внизу живота. Это граф поднял голову и поцеловал меня между ног. Инстинктивно я опустила бедра пониже, чтобы ему не нужно было подниматься. Тогда он поцеловал меня крепче и глубже, всем ртом и языком. Мои бедра охватила дрожь. Я взяла в рот кончик члена, то сжимая губы, то разжимая их, вверх-вниз, вверх-вниз — все сильнее, резче и быстрее.

В том же ритме — все сильнее и быстрее — рот графа ласкал мою нежную расщелинку. Наши тела дрожали от растущего наслаждения, которое становилось все острее и мучительней.

Я не могла больше этого вынести. Разрядка была еще далеко, а наслаждение все возрастало, сотрясая конвульсиями все мое тело. «Еще минута, и я сойду с ума», — думала я. Дикий крик вырвался из моей груди, я выпустила изо рта член, когда последний взрыв потряс мое тело, поднял вверх и бросил меня, почти потерявшую сознание, опять вниз, на извивающееся тело графа.

Голова моя снова оказалась между ногами графа, и, прежде чем я замерла в сладком обмороке, струя обильного извержения залила мое лицо...

Очень скоро я пришла в себя. Скатилась с его тела.

— Что это было? — прошептал он с трудом.

— Что-то необыкновенное, чудесное. А как чувствовал себя ты? — Я обняла его.

— Ты же чувствовала. — Он целовал мое мокрое лицо и рот.

— Значит, придешь опять? — с надеждой спросила я.

— Разве я могу не прийти? Буду приходить каждый день. Ты самая лучшая девушка в мире. А часто будешь любить меня таким способом?

— Так же часто, как ты меня. Сколько захочешь. — Я прижалась к нему своим пылающим телом и детским голоском промурлыкала скорчившемуся органу, ласково его поглаживая: — Ты так боялся, мой сладенький глупыш? А видишь, получилось...

— Благодаря тебе, волшебница, — ответил граф. — С другой женщиной глупыш ничего

не смог бы уже после первого раза...

С чувством исполненного долга я обернулась к удовлетворенному мужчине, а он — ко мне.

Гордая вторым успехом этой необыкновенной ночи и вдохновленная открывающейся перспективой карьеры, я заснула мертвым сном под розовым балдахином в моей новой прекрасной квартире, достойной наследницы престола.

Глава двадцать четвертая

Любовь в воде

— Поднимайся, соня, поднимайся! — Я проснулась от слов мадам Коль, которая вошла в спальню с моей новой горничной Мэри. Горничная несла огромный серебряный поднос с завтраком и чашкой ароматного шоколада.

— Где мой граф? — Я открыла один глаз и потянулась. Постель была неприлично смята и покрыта пятнами, как поле боя после ночной жестокой битвы.

— Уехал утром, — ответила мадам.

— Так рано? — удивилась я.

— Уже двенадцать часов, — засмеялась мадам Коль. — Видно, ты хорошо поработала ночью. Как тебе с ним было?

— Замечательно, — ответила я. — Очень приятный клиент.

— Нового клиента получишь не скоро, — сообщила мадам.

— Почему? — Я вытаращила глаза от удивления.

— Граф приехал прямо от тебя и категорически потребовал держать тебя только для него.

— Надолго? — Я искренне улыбнулась — юноша мне понравился.

— Пока на месяц, а там будет видно. У него какие-то дела в Ирландии, во владениях отца. Разумеется, он хорошо заплатил.

— За сколько раз? — деловито поинтересовалась я.

— Сколько захочет. Он купил месячный абонемент. Понимаешь?

— Понимаю. Это обойдется ему дешевле, чем платить за каждое свидание отдельно.

— Вижу, что у тебя хорошая голова, — с уважением констатировала мадам.

— Голова? — расхохоталась я. — Нет, совсем другое место. — Я продемонстрировала это место, чтобы не оставалось никаких сомнений, поскольку оно ничуть не похоже на голову.

Мадам Коль, деловито заглянув туда, сказала с восхищением:

— Действительно, прелестно! Чистенькое, розовое, как будто ты до сих пор девственница. Не удивляюсь, что граф заплатил двести гиней, не торгуясь.

— Так много? — Я так резко вскочила, что вздрогнул даже тяжелый балдахин.

— Ты будешь зарабатывать еще больше. И очень скоро, — пообещала мадам. — Из двухсот гиней я, как обычно, оставляю себе пятьдесят. Сто пятьдесят твои. В тебе — настоящий золотой прииск.

Вдруг я почувствовала что-то твердое прямо под «золотым прииском». Это был туго набитый кошелек. Развязав ремешок, я высыпала на подушку несколько лепестков белых роз из вчерашнего «свадебного» букета и золотые монеты.

— Это от него! — воскликнула я с неподдельной радостью. — Чудесный парень! — Быстренько пересчитав деньги, я объявила гордо: — Еще сто! Сколько я должна отдать вам?

— Ни одного шиллинга, — отрезала оскорбленная мадам Коль. — Я свою часть уже взяла. Дело я веду честно и не использую персонал на износ, как твоя госпожа Браун. Эта сотня — подарок клиента. Лично тебе... А сейчас хорошенько посчитай: от лорда М. двести — за лишение невинности, от графа С. двести пятьдесят — за первую брачную ночь и медовый месяц. И все это в течение одной ночи. Если так пойдет и дальше, через год ты

будешь самой богатой из работающих девушек... Но я предвижу и серьезные хлопоты...

Отхлебнув глоток шоколада, я пренебрежительно поинтересовалась:

— Какие еще хлопоты?

— Прочитай, — мадам извлекла из декольте две розовые записки и большой белый конверт.

Первая записка гласила:

«Уважаемая госпожа! С вашего любезного разрешения я был бы весьма вам признателен, если бы мог навестить вашу прелестную воспитанницу мисс Хилл сегодня от восьми до десяти часов вечера для того, чтобы выразить восхищение ее красотой и талантом. Если вы согласны, я готов внести целевой взнос — пятьдесят гиней. С уважением. Маркиз Л.»

— Маркиз Л., наверное, хочет внести пожертвование для жертв матрацетрясения, — засмеялась я. — Скупец! — С презрением засунув записку под мой «золотой прииск», я вслух прочитала второе послание:

«Многоуважаемая госпожа! Я слышал много лестного о мисс Фанни. Хотел бы присоединиться к этому хору сегодня в девять часов вечера у нее или у меня дома. Буду очень благодарен за скорый ответ. Искренне преданный казначей его королевского величества лорд А.»

— Это наш постоянный клиент, — пояснила мадам. — Я вынуждена была извиниться, что не могу выполнить его просьбу в течение ближайшего месяца.

— К тому же, — заметила я, — маркиз Л. хочет выразить свое восхищение между восемью и десятью часами, а лорд А. мечтает присоединиться к хору в девять часов. Из этого следует, что в девять они должны были лечь со мной оба. Я, конечно, справилась бы, но не могу представить, каким образом нашли бы общий язык почтенные джентльмены.

Я придавила своим «прииском» вторую записку и открыла белый конверт. В конверте оказался большой лист бумаги, сложенный вчетверо. Это был каллиграфически исполненный официальный документ, соответствующий всем требованиям делопроизводства. Он гласил:

«Дата: 8/17/49. Суть вопроса: Встреча с фройляйн Фанни Хилл.

Высокочтимая фрау Коль!

Будучи проездом в Англии, рассчитываю на одноразовое сексуальное сношение с указанной выше фройляйн Хиллер в позе спина-живот сегодня вечером пунктуально в 21.00 по Гринвичу.

Упомянутое сношение закончу предположительно (без гарантии точности) около 23.00. Предложение с точной ценой (вместе с услугой) прошу прислать до 13.15 по адресу консула Королевства Пруссии в Лондоне. Барон Иоганн Мария фон Кугельшванц».

— Не люблю немцев, — призналась мадам. — Они трактуют любовь, как очищение желудка.

— Так о чем речь? — рассмеялась я. — Было бы из-за чего спорить! Пунктуально в 21.00 по Гринвичу барон фон Кугельшванц намерен присоединиться к лежащим со мной лорду А. и маркизу Л. в предложенной им позе. Но поскольку по недоразумению он мог бы лечь на одного из почтенных англичан, это привело бы к войне между Англией и Пруссией. Но для меня благо родины дороже всего. Я не согласна. Ответьте, пожалуйста, барону, что фройляйн Хиллер тоже немка и, по ее мнению, одноразовое сношение должно длиться не два, а четыре часа, и без гарантии. Это могло бы повредить здоровью барона... Дан

отрицательный ответ и такого-то числа дело сдано в архив государственных половых актов! — Предложение фон Кугельшванца разделило участь двух предыдущих — все туда же, под «золотой прииск»...

(Конечно, фамилия барона вымышленная, я стараюсь не называть имена. Умение хранить чужие тайны — первая заповедь нашей профессии).

После обильного обеда и купания я сладко уснула в своей спальне. Было жарко, поэтому я лежала голая, укрывшись только простыней. Моя любимая поза — спать на животе. Именно в такой позе я и уснула.

Снился мне страшный сон: как будто в комнату прокрадывается мой граф, на цыпочках подходит к кровати, сбрасывает с себя панталоны и белье, ложится мне на спину, засовывает своего сладкого глупыша между моими ягодицами и проскальзывает внутрь. Там он, представьте себе, превращается в змею!

Что бы вы почувствовали, если бы вместо привычного органа вам засунули ядовитую змею, которая извивается и жалит живую плоть этой чувствительной норки... Ужас!

Я уже почти проснулась от страха, когда вдруг змея превратилась в длинную эластичную трубку, соединенную с кожаным мехом, таким, в котором прежде путешественники держали вино. Снилось мне, что из трубки внутрь моего живота брызжет густой, сладкий белый ликер. Страх как не бывало. Появилось какое-то приятное чувство, внутри все дрожало. Вино лилось сплошным потоком. Заполнив живот, оно начало вытекать наружу. Простыня подо мной совсем промокла.

Ощущение влажности, нарастающее наслаждение было таким реальным и сильным, что во сне я начала ощупывать свои бедра. И представьте себе, они были мокрые.

Не трубка и не змея проникли в меня. А если это и было похоже на трубку, то из нее точно вытекал не ликер, а совсем другая субстанция, тоже густая и белая. На моей спине лежал мужчина, который, как в моем сне, прокрался в комнату и изнасиловал меня, пока я спала.

Я в ужасе закричала и попыталась его сбросить резким движением обесчещенной попки. Но коварный насильник придавил меня к постели и затолкал свою змею еще глубже в норку. Тишину моей спальни потряс его хохот.

В ужасе повернув голову, я увидела... своего чудесного графа. Мой сон оказался повторением того, что произошло на самом деле.

— Подлый насильник! — закричала я. — Сейчас же слезай с меня!

— Ни за что, — смеялся он. — Хочу еще раз!

Я ничего не могла сделать. Он был такой сильный, а я такая слабенькая. Без лишних слов я начала работать ягодицами и без всякого труда довела его и себя до экстаза. И опять, как во сне, брызнула струя ликера...

— Я не хотел пугать тебя, — говорил он спустя минуту, нежно целуя мою грудь. — Когда я вошел, ты так сладко спала, что я собирался подождать, когда ты проснешься. Но твоя соблазнительная дырочка не давала мне покоя. Она была так прелестна в солнечном свете, который проникал вглубь, что я приревновал тебя к солнечному лучу. Никому не позволю в нее проникать! Даже солнцу!

Пришлось мне повторить с ним сцену проникновения вглубь...

Еще два месяца мы были неразлучны. Он спал со мной по крайней мере раз сто. И при каждом новом сношении я не могла понять, в чем секрет его органа, что позволяет ему так легко проникать в мое тесное влагище. Во сне я даже не чувствовала, как он

прокрадывается туда. Это был единственный в своем роде член, который встретился мне в жизни.

Я долго скучала, когда он уехал к отцу в Ирландию. Некоторое время он писал мне, обещал, что скоро вернется, что заберет меня в Дублин, что не может без меня жить. Было еще много красивых слов, которые мужчины обычно говорят женщинам, прежде чем бросить их.

Вскоре письма перестали приходить, а несколько месяцев спустя мне рассказали, что граф С. женился на графине Н. У меня не было обиды. Кем я была для него? Платной содержанкой, нанятой на два месяца. Раньше или позже он должен был найти девушку иного круга и связать с ней свою судьбу.

Я снова была свободна.

После графа С. у меня не было никого постоянного. Заказы, письменные и устные, сыпались как из рога изобилия. Через день после отъезда графа С. переспали со мной гвардейский полковник («жених» Луизы) и толстяк маркиз В. (который так смешно гарцевал на Эмили). Им хотелось выяснить, смогу ли я так же удачно повторить с ними те три номера программы, которые разыграла с графом.

Назавтра после обеда Генриетта сама привела своего верного светловолосого герцога, чтобы увидеть, как я выполняю ее номер. Я не гордячка, но думаю, что у меня получилось лучше, чем у нее. На оргии Луиза и Эмилия помогали Генриетте закинуть ноги на плечи партнера, я же проделала все сама без малейших усилий.

Генриетта совсем не ревновала. Она только заметила вскользь, что перед следующей оргией придется ей слегка поупражняться под моим руководством. Разумеется, с герцогом.

Упражнялись они ежедневно по несколько часов. Время от времени приглашали меня, чтобы я беспристрастно оценила их успехи. Я давала им много ценных советов, к тому же некоторые движения пришлось и самой прорепетировать с герцогом. На следующей оргии они без труда победили и завоевали переходящий кубок. Правда, на третьей оргии я вернула его, выступая с одним адмиралом с совершенно новой программой.

Во второй оргии я не участвовала. Как раз в тот день Лондон принимал важную делегацию из Франции, и я была занята с ее членами. Один из них донельзя расхвастался у постели, объясняя мне государственную важность этой дипломатической миссии. На следующий день ко мне напросился некий испанский гранд. Кончив дело, он поинтересовался, что мне известно о тайных замыслах французской делегации. При этом сулил за информацию пять тысяч гиней.

Я не выбросила его из постели только потому, что жалко было терять хорошего клиента, и спокойно втолковала наглецу, что не имею представления о том, какие там дела были у французской делегации к королю Великобритании. Но знаю точно, какие тайные помыслы привели ее членов ко мне. И вообще я не занимаюсь политикой, а только политиками. Это я доказала, еще трижды удостоив приема испанского гранда. Я приняла его с большим патриотическим подъемом. В эту ночь я могла гордиться тем, что приношу такую пользу Англии. В кровати тоже можно стоять (а вернее, лежать) на страже интересов родины!

С его королевским величеством меня в то время еще ничто не связывало. Но я уже немало сделала для процветания королевского двора. Вскоре почти все придворные прошли у меня между ног. Не буду называть фамилий и должностей этих достойных сановников. Опишу только два необычных случая.

Первому из придворных было на вид лет пятьдесят пять. Симпатичный. Производил

впечатление очень серьезного человека, о чем, впрочем, свидетельствовало и его положение при дворе.

Достаточно сказать, что в иностранной политике Королевства без него не принималось ни одно важное решение. Об остальном предоставляю вам догадаться самим.

Итак, когда этот сановник заказал визит, я была ужасно горда. Пришлось сделать особенно глубокое омовение: как раз за час до оговоренного визита я принимала самого большого его политического противника. А враги такого рода унюхают друг друга всюду.

Придворный пришел с большим свертком, тщательно перевязанным... Я решила, что это подарок, но, естественно, ни о чем не спрашивала.

Как галантный кавалер, клиент стал рассыпаться в любезностях: как он тронут, очарован, как много обо мне слышал, как давно мечтал выразить мне свое восхищение и так далее и тому подобное. Я с низким поклоном ответила, что тоже тронута, восхищена, очарована, что тоже много слышала о нем и так далее. Переодевшись за ширмой в халат (самое неприятное в нашей профессии — это постоянное одевание и раздевание), я со страстным вздохом поинтересовалась, можно ли потушить большие подсвечники и оставить только один маленький в углу, ведь яркий свет режет глаза, а полумрак создает приятное настроение, особенно когда ты наедине с таким чувственным, волнующим, возбуждающим мужчиной.

Но кавалер не согласился. Он объяснил, что яркий свет позволит ему любоваться моими прекрасными каштановыми локонами (каков романтик!). Поэтому он просит не только не гасить свечи, а, наоборот, зажечь все запасные, сколько их ни нашлось. Словом, клиент любил «забавляться» при свете.

Я в принципе предпочитала работать с пожилыми мужчинами в темноте мне не доставляло никакого удовольствия любоваться их морщинами, висящими животами и тонкими ножками. Но, конечно, решала не я, решали они. Как говорится, мой клиент — мой господин. «Если ты недоволен — скажи нам, если доволен — расскажи другим». Эти принципы английской торговли, благодаря которым мы стали величайшей империей, обязательны для уважающей себя дамы. Поэтому я зажгла все свечи, чтобы мой клиент был доволен и обо всем рассказал другим.

В комнате стало светло, как в солнечный полдень на песчаном берегу моря. Я уселась на краю кровати, заложив ногу за ногу, чтобы было видно, что под халатом у меня ничего нет. Потупив глазки, я ожидала, когда королевский сановник обнимет меня и сам в этом убедится. Но он вместо того, чтобы сунуть руку под халат и проверить, действительно ли я женщина (все без исключения мужчины очень подозрительны), страстным шепотом потребовал, чтобы я села в кресло напротив зеркала, а он устроился рядом.

«Сядет на меня, — подумала я. — Предпочитает заниматься любовью сидя и наблюдать все в зеркале».

Мне, конечно, знакома была эта неудобная поза, и я старалась избегать ее. Но кавалер не был тучным. Так что я могла не опасаться, что своей тяжестью он придавит меня. Еще более страстно, чем вначале, я прошептала, что от всех этих свечей, и не только от них, но и от его присутствия, мне стало жарко. В доказательство я распахнула халат. Пусть убедится сам, какая у меня горячая грудь.

Меня ошеломило, что клиента абсолютно не интересует температура моего бюста. Другие тотчас приступали к исследованию руками, а потом ртом и сами раздевали меня, чтобы измерить температуру всего тела. Этот же сидел как истукан, и моя прекрасная грудь

ничуть его не волновала. Зато с нескрываемым восторгом он стал гладить мою голову, восхищаясь чудесным цветом моих волос.

— «Ну что же, — подумала я, — он любит возбуждаться медленно и систематически. Начинает с волос и продвигается все ниже. Не буду ему мешать. Пусть делает что хочет».

Я сбросила халат и стала спокойно ждать дальнейших действий. При таком ярком свете он мог видеть абсолютно все. Но даже моя нагота не произвела на него никакого впечатления. По-прежнему гладил и целовал мои локоны, с той только разницей, что стал навивать их на пальцы и развивать.

Должна признаться, я была серьезно этим обеспокоена и разочарована. Впервые мужчина пренебрег моей грудью (другие сходили с ума, увидев ее) и, что еще более странно, остался равнодушен к моей прелестной девичьей расщелинке. Обычно мужчины бросались на нее, как голодные звери. Значит, она ему не нравилась? Если так, зачем же он сюда явился? Ведь он видел меня на балу у маркиза В. Мог бы вдоволь налюбоваться моими локонами. Да еще бесплатно.

Наверное, он просто недостаточно возбужден. С пожилыми мужчинами часто случается такое: очень хотят, но, к сожалению, не могут. Тогда они ведут себя, как юноши, которые впервые в жизни остались с девушкой наедине. Я, конечно, с этим легко управлялась. Следовало проверить, не ошиблась ли я в своем диагнозе.

— Вы устали от политики, — сказала я. — Но это не страшно. У такого мужчины усталость скоро проходит. — Я запустила руку в ширинку и наткнулась на твердую, эластичную длинную кишку, упругую, как у восемнадцатилетнего юноши. Кишка дрожала, уменьшалась и увеличивалась от внутреннего напряжения. Распирала брюки. И тут случилось непредвиденное.

— Оставь меня в покое! — буркнул со злостью сановник. — Сиди спокойно и жди!

Что делать?.. Я хотела прийти ему на помощь, а он, неблагодарный, разозлился на меня. Обидевшись, я вынула руку из ширинки. Сидела и ждала неизвестно чего. А он продолжал развлекаться с моими волосами. Украдкой я посмотрела на толстую кишку, которая вздрагивала в ширинке все сильнее и быстрее.

И вдруг, к моему неопишуемому изумлению, из груди мужчины вырвался вопль наслаждения. Он вцепился в мою прическу. Его аж подбрасывало вверх. Мощные схватки несколько раз сотрясали его тело. Со вздохом облегчения он упал в кресло. На сером материале брюк появилось темное мокрое пятно. Выпуклый бугор кишки поник, исчез бесследно. И это все?

— О, какая ты чудесная, великолепная, единственная! — благодарно шепнул он, оставив наконец в покое мои волосы. — Ты дала мне огромное счастье! Как тебе это удастся, волшебница?

Я чуть не расхохоталась прямо ему в лицо. Ведь не делала ничегошеньки! Этому клиенту были нужны только... мои волосы. Остальные части тела женщины ему абсолютно не были нужны. Думаю, даже мешали испытать «огромное счастье».

Должна я его поцеловать или нет? На этот вопрос я не могла себе ответить. Поэтому только промурлыкала, потянувшись:

— Вы потрясающий мужчина! Я испытала такое наслаждение!

— Ты тоже? — обрадовался он. — Если тебе понравилось, я буду часто приходить сюда. — Он сунул мне туго набитый кошелек.

— Но вы ведь не можете вернуться домой в таком виде, — заметила я. — Что скажет

жена? Ведь она сразу догадается, что вы изменили ей с моей шевелюрой.

— О чем ты? — не понял он.

— Эти пятна на панталонах.

— Не волнуйся, дорогая, — рассмеялся он. — Я все продумал. Не смотри на меня — я стесняюсь.

Из свертка, который он принес с собой, на свет божий появились чистые панталоны. Сановник быстро переоделся.

— Дай постирать грязные штаны твоей служанке, — сказал он. — Я надену их в следующий раз, а запачканные снова оставлю для стирки.

Все было тщательно продумано!

Уходя, он оставил мне длинные лайковые перчатки.

— Хочу, чтобы ты надела их, когда я приду в среду, — потребовал клиент и, прощаясь, долго и нежно целовал мои волосы. Никак не мог с ними расстаться.

В среду все произошло по той же программе. Разница заключалась только в том, что я была в кожаных перчатках. Безмерно возбуждись накручиванием моих волос на пальцы, он стянул с меня перчатки, понюхал их и с безумной страстью (только представьте себе это зрелище!) стал жевать их. На панталонах опять появилось пятно.

Сановник приходил еще несколько раз. И каждый раз оставлял сто гиней. Щедрый клиент! И так мало требует! Во время «любви» я могла читать книгу, раскладывать пасьянс или стричь ногти. Это ему совсем не мешало. Вообще, гораздо дешевле ему обошелся бы парик и несколько пар перчаток. Без женщины. И все можно было устроить дома совершенно самостоятельно.

Когда он сжевал четвертую пару перчаток, я предложила ему новый вариант любви.

— Какой? — Он явно заинтересовался этим предложением.

— У меня есть волнующая пара старых башмаков, — ответила я, загадочно улыбаясь.

С того дня он больше не появлялся. Поедание дамской обуви он, судя по всему, считал ужасным извращением.

Гораздо более неприятные воспоминания связаны у меня с другим придворным его королевского величества.

Как-то во время карнавала мы всем борделем в восьми каретах отправились на бал-маскарад во дворец графа К. Наш поход почтенная хозяйка мадам Коль представила как поездку на пикник учениц благородной женской школы. Дело в том, что на балу было много иностранцев без партнерш. Персонал мадам Коль должен был развлекать их всеми приличными и неприличными способами. За все было заранее заплачено. А нам предстояло веселое приключение, украшающее ежедневную, вернее, еженощную жизнь нашего дома.

Каждая из нас сама придумала себе костюм. Эмилия хотела нарядиться Венерой, то есть появиться на балу совершенно голой. Но я сказала, что такой костюм был бы далеко не полным: у Венеры отбиты руки, и почтенные джентльмены подвергли бы суровой критике столь досадную неточность. А кто-то, выпив лишнего, возможно, захотел бы исправить эту ошибку. Эмилия испугалась и выбрала костюм Дианы — с обнаженной грудью и в короткой юбке, надетой на голое тело. Как нас учили в школе, греческие богини на Олимпе не носили панталон. Ученые не установили еще, то ли в те далекие времена вообще не было дамского белья, то ли боги не позволяли богиням носить штаны, чтобы получать все, что хочется, сразу и без всякого труда.

Я, как вы убедились, читая мой дневник, была девушкой скромной и стеснительной.

Поэтому придумала себе невинный костюм деревенского пастушка. Грудь я крепко стянула лифом, волосы собрала в пучок, который спрятала под большой соломенной шляпой. Даже дудочку купила. В общем, из меня получился в конце концов шестнадцатилетний бедный, но прелестный пастушок.

Под веселую музыку кружились беззаботно пары. По приказу мадам Коль мы рассеялись в толпе гостей. Каждая должна была найти себе кавалера. К Эмилиии сразу привязался какой-то толстый Зевс. После первого танца он затащил ее в укромный уголок в глубине дворца, откуда она вернулась, растрепанная, только через два часа.

Я села в сторонке и, любуясь танцами, скромно ожидала счастливого случая. Но случай этот почему-то все никак не представлялся. На бедного пастушка никто не обращал внимания. Я заиграла на дудочке, но и это не помогло. Кавалеры предпочитали знакомиться с нимфами, грациями и коломбинами.

Удивленная и даже несколько обеспокоенная, я сняла полумаску с глаз. Тут же ко мне под села стройная высокая девушка. Я заметила, что она уже несколько минут наблюдала за мной издали. На ней был костюм пастушки, и даже дудочка при этом забыта не была.

— Ну что же, — сказала она красивым альтиом, — аристократам, как видно, перестали нравиться сельские девушки и юноши. Дудочкой уже никого не заарканишь.

— Вы тоже ищете кавалера? — обрадовалась я.

— Да. И, как видишь, не нахожу. Как тебя зовут, мой мальчик?

— Филон, — ответила я, не задумываясь.

— А меня Лаура, — засмеялась девушка. — Мы из одной деревни. И пока не найдем партнеров, можем станцевать менуэт.

Конечно, нелепо было танцевать с женщиной, к тому же выше меня ростом, но никто не обращал на нас внимания. Впрочем, танец был общим, а Лаура танцевала превосходно. Судя по ее речи и манерам, она принадлежала к высшему обществу.

После менуэта мы отправились в буфет, чтобы отметить наше знакомство. Лаура оказалась очень милой и веселой девушкой. Много пила и ела, уговаривала пить и меня. После нескольких рюмок я совсем забыла, что мужчины сегодня не обращают на меня никакого внимания. Между нами завязался легкий и непринужденный разговор. А когда, выпив виски, мы сердечно расцеловались, Лаура предложила посмотреть дворец.

— Нужно попросить разрешения у хозяина — графа К., — заметила я.

— Не нужно, прекрасный Филон, — улыбнулась Лаура. — Граф К. — мой отец. Я покажу тебе только свои комнаты. Отец не может мне это запретить.

Она проводила меня на второй этаж, где занимала две комнаты — гостиную и спальню. В спальне стояла великолепная кровать с балдахином, очень похожая на мою, только немного меньше. Ничего удивительного: моя была предназначена для того, чтобы делить ее со многими мужчинами, и к тому же часто с несколькими в течение одной ночи.

Лаура была такая милая и гостеприимная, я совсем забыла, что приехала на бал не развлекаться, а работать. Сидя на кровати, мы, как бывает между подругами, обнимались и целовались, но поцелуи Лауры становились все более страстными, а объятия — все более пылкими. Мне стало не по себе. Неожиданно дочь хозяина дома положила руку между моими ногами и начала продвигать ее вверх. Она напомнила мне Фебу Айрс и ее отвратительные сладострастные ласки, которыми она истязала меня чуть не каждую ночь. Я что есть силы оттолкнула графиню.

— Перестань, Лаура, — сказала я с издевкой. — Не люблю играть в эти игры с

женщинами. Если сейчас же не успокоишься, я вернусь в зал.

— А с мужчинами любишь, Филон? — дрожа всем телом, спросила девушка.

— С мужчинами — другое дело, — отрезала я. — Люблю, и даже очень.

— Тогда смотри, — обрадовалась графиня. Крепко сжав мою руку, она засунула ее себе под юбку.

Я чуть не потеряла сознание, почувствовав под пальцами горячий, напряженный член. Вскочив на ноги, я заорала:

— Кто ты, Лаура?

— Мужчина! — ответила графиня, весело смеясь. — Я хозяин этого дома граф К.

Теперь настала моя очередь смеяться. Счастливая звезда не оставила меня и в этот раз. Сам хозяин заинтересовался мной. Сев поближе к графу, я изобразила возмущение:

— Противный шут! Вы меня ужасно напугали. Должна признать, что ваш костюм великолепен, да и сыграли вы превосходно. Ни за что не догадаешься, что вы мужчина.

Граф сорвал с головы платиновый парик и стер помаду. Он был очень хорош собой. Я наконец почувствовала себя на своем месте. Вот мадам Коль обрадуется, когда я расскажу ей о своей новой победе. Граф К. занимал высокий пост при дворе, к тому же его считали мужчиной строгих нравов. Несмотря на то что он был холостяком, его никогда не видели с женщинами и тем более он не посещал публичных домов. Говорили, что у него есть постоянная содержанка. Кто была эта женщина — никто не знал. И никто ее никогда не видел.

Так или иначе, жалко было времени на всякие там церемонии. Я, конечно, позволила ему обнимать и целовать меня так, как ему хотелось, и, естественно, сама обнимала и целовала его. Когда в результате моих недолгих стараний граф дошел до нужной кондиции, он сорвался с постели и сбросил панталоны, из которых выскочила внушительная посиневшая от напряжения дубина. Это было одно из самых эффективных орудий на моей памяти. Граф задул свечи и, швырнув меня на ложе, стащил с меня штаны пастушка. Полюбовавшись вволю моей попкой, он охрипшим голосом приказал:

— Встань и повернись спиной, Филон.

Посмеиваясь про себя, что он до сих пор называет меня этим выдуманым мужским именем, я, естественно, выполнила его приказ, а когда почувствовала, как его член прижимается к моей спине, поняла какая поза его интересует. Наклонившись над кроватью, я оперлась локтями о подушки, широко раздвинула колени и выпятила попу, чтобы он мог войти в меня сзади.

Но, как ни досадно, я почувствовала, что он двинулся совсем не туда, куда следовало, а направил свое орудие в попку. Очевидно, в темноте не сумел сразу попасть в цель. Взяв рукой его аппарат, я хотела направить его по верному пути, но граф вырвал свой член у меня из рук и упрямо продолжал совать его в попу. Решив остаться девственницей хотя бы в этом единственном месте, я крикнула:

— Вы что, с ума сошли? Зачем вам это? Разве в нормальной дырке не приятней? — Я схватила член и насильно сунула его куда положено.

Случилось невероятное. Граф извлек член из расщелины и стал пальцем исследовать дырку и ее окрестности. В тишине раздался его пронзительный вопль:

— Кто ты?

— Женщина, — ответила я с изумлением. — Меня зовут Фанни Хилл. Вы, наверное, слышали обо мне. А кого вы надеялись найти?

— Мужчину, — простонал он. — Я предпочитаю мужчин...

— Очень жаль, — сказала я холодно, не понимая, как мужчина может без омерзения делать это с женщиной, а тем более — любить. — Очень жаль, что я не мужчина.

— Позволь мне туда войти. Видишь, как я возбужден, — умолял он. — Я заплачу, сколько скажешь. Не можешь ведь ты меня сейчас бросить.

— Ни за что на свете, — отрезала я. — Если вы так возбуждены, путь открыт. — Я взяла его руку и положила на то место, откуда начинался правильный путь.

Но он по-прежнему рвался не туда. В потемках я отыскала дудочку и изо всех сил врезала по члену. Это его слегка отрезвило.

— Ложись, — сказал он, примирившись.

Я легла на спину, раздвинула ноги, а он взгромоздился на меня и вошел туда, куда ему было предписано нырнуть самой природой. Я только подложила ладонь под член, чтобы он невзначай опять не пошел иной дорогой. Но больше граф ничего такого уже не затевал, хотя и видно было, что никакой радости от нормального акта он не получает. Делал все старательно, но по необходимости.

— Если кому-нибудь проболтаешься — убью, — пригрозил он. — Вот тебе двести гиней и молчи. А теперь марш в зал!..

Это были грязные деньги! Я вернулась в зал и очень скоро подцепила милашку француза. Он-то сразу сообразил, что в костюме пастушка — девушка. По знакомой дорожке я привела его в спальню мнимой графини. Уверяю вас, дудочка не понадобилась. Француз целил метко, был отменным стрелком и сразу попал куда следует. Настроение у меня сразу улучшилось. Если бы не этот забавный французик, вечер был бы испорчен.

С мужчинами, подобными графу, мне пришлось столкнуться еще раз, но уже не непосредственно. Однажды мне пришлось выехать на гастроли в провинцию. Лорд Г., который спал со мной три ночи подряд, пригласил меня в свое имение в Уэльсе. Если вы думаете, что он собирался делать то же самое у себя дома, то глубоко ошибаетесь. Дома у него была жена, и он пригласил меня в полном согласии с ней. Дело в том, что их единственный восемнадцатилетний сын должен был через месяц жениться.

Избалованный сынок и шагу не мог ступить без материнской помощи. Стеснительный и робкий от природы, он до сих пор не знал ни одной женщины.

Отец, правда, несколько раз подсовывал ему деревенских девушек, но те или не умели, или попросту не хотели всерьез заняться обучением юнца, да и он не проявлял особого рвения. Так и прозябал, бедняга, девственником.

И вот теперь его помолвили с богатой и красивой соседской дочкой. До свадьбы оставался месяц, а жених ни разу даже не поцеловал невесту. Девушка пожаловалась матери, а та обратилась к родителям жениха с вопросом: способен ли жених исполнять супружеские обязанности? Все ли у него в порядке? Возникло опасение, что новобрачный может опозориться в первую же ночь.

Растерянный отец не знал, что предпринять, пока однажды один из его друзей (мой клиент) не посоветовал ему обратиться за помощью к мадам Коль. Мадам направила необычного посетителя ко мне. Со времени приключения с Биллом я слыла специалисткой в деле лишения невинности юношей. В таком качестве я и выступила перед лордом Г.

Заботливый отец оказался человеком недоверчивым. Поэтому, хотя его и не требовалось лишать невинности, он захотел лично убедиться в истинности моих слов. После трех ночей проверки лорд убедился наконец, что я прекрасно справлюсь с ролью воспитательницы его

невинного сынка. После небольшого торга мы договорились об оплате за месяц интенсивной учебы.

Не надо говорить, что это трудное задание я выполнила к полному удовольствию родителей ученика. За две недели мы прошли курс начальной школы, за третью юноша одолел курс лицея. А еще через неделю мог бы сдать экзамен для поступления в Оксфорд. Как оказалось, ученик одарен был от природы и оставалось только помочь ему проявить свои способности. Он просто рвался в новую науку. Ночи напролет он корпел над моей... книжкой, и часто на заре приходилось силой отрывать его от учебы.

Я предложила родителям дать несколько уроков невесте и провести с молодыми практические занятия. Не понимаю, по какой причине они отказались от моего предложения... Очевидно, считали, что невеста может ничего не уметь до самой свадьбы...

Впрочем, я совсем не о том собиралась писать. Итак, когда я возвращалась с этих занятий в Лондон, карета сломалась и мне поневоле пришлось задержаться на постоялом дворе, дожидаясь, когда ее починят. Комната моя была почти над самой лестницей. Не зная, как убить время, я устроилась у открытого окна и наблюдала за уличным движением.

Вскоре у ворот остановился открытый экипаж. Из него вышли двое юношей. Одному из них было лет девятнадцать, другому не более семнадцати. Они потребовали обед и комнату. Их отвели в комнату рядом с моей. Через тонкую перегородку было слышно, как хлопнула дверь. Потом один из юношей сказал: «Запри дверь — нас могут застукать». Эти слова ужасно заинтриговали меня. «Бандиты! — решила я. — Ограбили дилижанс и сейчас будут делить добычу». Так хотелось посмотреть, как все будет происходить, но в перегородке не было ни одной щели. Оглядевшись по сторонам, я обнаружила, что несколько выше моей головы в стене торчит клочок бумаги. Взгроздившись на табуретку, я вытащила эту бумажную затычку. Теперь я могла досыта насладиться сценой дележа добычи. Оказалось, однако, что никаких сокровищ они делить не собирались. Даже не открыли сундучок, который привезли с собой. Когда старший запер дверь на задвижку, оба стали раздеваться.

Ужасно разочарованная, я собиралась уже слезть с табуретки: вид мужчин в нижнем белье давно уже не был для меня чем-то новым, необычным. А что касается покроя кальсон, то я была едва ли не лучшим знатоком в империи. И вдруг я сообразила, что они раздеваются догола. Это уже заинтриговало меня, тем более, что старший спросил младшего: «Скажи, Джек, ты любишь меня?» Ответ был категоричным: «Люблю! Только тебя...»

Я уже было предположила, что это любящие братья, но следующая фраза старшего: «А я боялся, что ты изменяешь мне», — повергла меня в еще большее изумление. Так могли разговаривать не братья, а любовники — мужчина и женщина.

Но что было еще более странным, оба они уже ясно обнаружили хорошо известные мне признаки бурно растущего возбуждения. Совсем как мужчина и женщина, они стали обниматься и целоваться. Потом младший повернулся спиной к старшему, а тот, совсем как граф К. со мной...

Нет, не хочу даже описывать эту пакостную сцену. Меня до сих пор тошнит, как вспомню это отвратительное зрелище. Под звуки любовных вздохов и стонов они поменялись местами: старший повернулся спиной к младшему, и все повторилось.

Возмущенная и потрясенная до глубины души, я решила сообщить хозяину о мерзости, которая творится в его доме. Слезая с табурета, я поскользнулась и грохнулась попой об пол. Боль была такая сильная, что я потеряла сознание.

Когда я очнулась, подонков и след простыл. Видно, шум моего падения всполошил их. С

трудом добралась я до Лондона, кое-как примостившись в карете — сидеть я уже не могла. Когда я рассказала мадам Коль об этой истории, она заявила, что мне повезло: вовремя я получила по заднице. Иначе могла бы впутаться в скандальную историю. Что касается таких отношений между мужчинами, проще всего молчать и ни во что не вмешиваться. «Мы, женщины, — сказала она, — должны смириться с мыслью, что в конце концов не все мужчины хотят быть нашими любовниками».

Это отвратительное зрелище стоило мне недели скуки и потери нескольких сотен гиней. Врач нашего борделя осмотрел попу, прижав к ней трубочку, долго прослушивал и наконец поставил безоговорочный диагноз: в течение недели эта часть моего тела к работе не способна. Выписал какие-то мази и велел ежедневно греть ее на солнышке, выставив в окно.

Если бы какому-то прохожему пришло в голову перемахнуть через ограду в наш легкомысленный сад, его глазам предстала бы пикантная и просто уникальная картина в распахнутом окне. Из-за вынужденного безделья мне пришлось все визиты и приглашения перенести на следующую неделю. Поэтому, когда я вернулась к работе, у меня накопилась большая задолженность. Пришлось совмещать ее с текущими делами. Естественно, в такой ситуации я порядком халтурила, чтобы поскорее обслужить всех моих клиентов. Впрочем, я не заметила, чтобы кто-то был мной недоволен. Просто я была слишком взыскательна к себе — куда больше, чем того требовали клиенты. Но такова уж натура художника: прежде всего он сам должен быть доволен своим произведением.

Заботы и труды той тяжелой недели полностью возместил чудесный пикник, на который всех нас пригласил известный в Лондоне своими оригинальными идеями и сказочно богатый мистер Т.

Был теплый летний день. Когда мы всем борделем приехали в имение мистера Т., нас уже ожидали пятнадцать его друзей — ровно столько, сколько было нас. Нам подали чай в большой тенистой беседке. Партнерш разыграли по жребью. Меня хозяин заранее оставил для себя.

После приятной беседы за чаем с пирожными вся компания отправилась на прогулку в парк, чтобы дамы и господа могли ближе познакомиться. Но, кроме объятий и невинных поцелуев, никто ничего себе не позволял. Вернувшись в беседку, мы наслаждались холодными напитками и фруктами. Было жарко, и хозяин предложил отправиться к реке. Это предложение было встречено радостными возгласами. То, что у нас у всех и в помине не было купальных костюмов, никого не смущало. Смеясь и перебрасываясь веселыми остротами, все стали сбрасывать с себя костюмы, платья и белье. Минута — и пятнадцать пар стояли в чем мать родила.

Прекрасная картина открылась моим глазам. Вокруг, как дубы без листьев, торчали напряженные, толстые и красные члены, направленные в сторону груди, животиков и бедер раздевающихся дам. Такой великолепной мужской коллекции мне никогда не приходилось видеть (естественно, одновременно). Самым привлекательным, однако, показался мне орган нашего гостеприимного хозяина, предназначенный для меня. В этом мужском лесу он выделялся как длиной, так и толщиной. К тому же головка была куда более изящной, чем его товарищей. Я с удовольствием взяла его в руку, приласкала и сунула себе между бедер (только чтобы примерить), однако мистер Т. вежливо, но решительно отстранился со словами:

— Пора купаться, а то солнце зайдет и станет холодно.

Все пары взялись за руки и, как воспитанные детки, чинно двинулись к реке. Войдя в воду, мы весело смеялись и резвились, будто стайка рыбок. Но вскоре эти невинные игры прекратились. Установилась торжественная тишина. Мистер Т. повернул меня к себе лицом, и неожиданно я почувствовала, как он руками раскрывает мою щель. В нее сначала ворвалась вода, а потом устремился и член. Я согнула колени и раздвинула ноги, чтобы облегчить ему работу. Стало легко и приятно. Хотя холодная вода заметно сузила мое входное отверстие, но одновременно с этим она увлажнила его.

Внутри у меня что-то плескалось и булькало. Партнер работал все быстрее и сильнее, а удовольствие, совсем не похожее на обычное, начало охватывать меня. Потом на меня обрушилось такое наслаждение, что я чуть не упала на дно, а на поверхность воды вырвался рой шипящих, как шампанское, пузырьков воздуха и густая белая жидкость.

Оглянувшись вокруг, я увидела, что все пары заняты тем же делом и на воде то и дело появляются такие же пузырьки и молочная жидкость уже обильно покрывает поверхность воды. Одна только Эмилия не подчинилась общему правилу. Она стала на четвереньки на мелком месте у самого берега. Вода покрывала только ее роскошную попу, а на спине Эмилии в пене плескался ее партнер. Раз за разом он вытаскивал из белых рифов ее ягодиц свой мокрый, истекающий водой якорь, а потом опять погружал его в глубины Темзы.

Эмилия потом говорила, что побоялась глубины, потому что не умеет плавать, но на мелком месте тоже было очень приятно. Но я думаю, это была просто отговорка.

Просто она все любила делать по-своему. Вскоре, к сожалению, пришлось расстаться с этой доброй, веселой девушкой. Как, впрочем, и с другими моими подружками.

Несмотря на большой успех у клиентов и огромные доходы, мадам Коль решила отойти от дел. Она чувствовала, что безмерно устала. Все больше докучал ей склероз. А денег у нее было вполне достаточно, чтобы купить вожденное имение в провинции и провести там остаток дней.

Мадам предложила мне за небольшую сумму купить бордель вместе со всем персоналом и клиентами. Я отказалась, так как была слишком молода, чтобы стать хозяйкой публичного дома. Но я не хотела и работать под руководством другой хозяйки. Дело мадам Коль выкупили сами девушки и превратили в первый в мире кооператив любовных услуг.

Так я рассталась с этой благородной женщиной и ее милыми барышнями. Сняв красивый, прекрасно обставленный дом, я перестала работать профессионально. У меня были большие сбережения, и я могла себе позволить, как всякая порядочная молодая дама, работать в соответствии со своим вкусом и выбором и для собственного удовольствия. Моя прежняя профессия стала теперь моим хобби. Я взяла себе другую фамилию, представляясь вдовой капитана корабля, не вернувшегося из дальнего рейса. Некоторое время я носила траур. Потом заказала себе изысканные туалеты, драгоценности, купила карету, наняла кучера, кухарку, горничную, служанку и стала вести жизнь светской дамы. Очень скоро я была окружена толпой поклонников. Каждый из них мечтал утереть слезы молодой, красивой и богатой вдовушке. Я же, как вы догадываетесь, отнюдь не относилась к тем вдовам, которые предпочитают с интересными мужчинами говорить на библейские темы. За короткое время я пережила множество чудесных любовных приключений, из них два очень опасных. Но довольно! Эти приключения я, возможно, опишу в другом, более интимном дневнике.

Глава двадцать пятая и последняя

Счастливая встреча

Однажды весной я с горничной поехала на прогулку в пригородный парк. День был теплый и солнечный. Мы вышли из кареты, чтобы немного пройтись пешком. Неожиданно в конце аллеи послышался громкий кашель и жалобные стоны. Пospешив туда, мы увидели пожилого человека, прислонившегося к дереву. Ужасный кашель сгибал его пополам.

Он задыхался, и его лицо просто на глазах приобретало красно-фиолетовый оттенок. Я бросилась ему на помощь. Расстегнула воротник и стала бить его по спине. Через пару минут ему стало легче. Мы разговорились. Он оказался очень милым человеком. Попросил разрешения навестить меня. Скоро мы подружились.

Новому знакомому было больше шестидесяти лет, и он считался одним из самых богатых людей в Лондоне. Разбогател он на импорте кофе, чая, перца и других приправ. Только сейчас, после бурной карьеры, он решил насладиться радостями жизни, но мне кажется, что до встречи со мной он не испытал счастья.

Новый знакомый влюбился в меня с первого взгляда, я тоже симпатизировала ему, и, что может показаться весьма странным, девятнадцатилетняя девушка стала любовницей шестидесятилетнего мужчины. Несмотря на весьма почтенный возраст, он сохранил способность телесного общения с женщиной. Отсутствие бурного темперамента, которым отличаются молодые люди, прекрасно заменял ему большой опыт в этих делах.

Этот человек очень повлиял на мою душу. Он был первым мужчиной, благодаря которому я поняла, что радости духа не менее важны, чем наслаждения тела. Наша связь продолжалась восемь месяцев, и, что может показаться весьма странным, я ни разу ему не изменила. Он умер от воспаления легких, и я очень тяжело пережила его внезапную смерть. Когда вскрыли завещание, оказалось, что все свое огромное состояние он оставил мне.

Я стала самой богатой женщиной в Лондоне. И самой молодой среди богатых — мне было всего двадцать лет. Я только начинала жизнь. Мое состояние было вложено в банки и многочисленные процветающие предприятия.

Через месяц после смерти мужа мы с Эмилией решили навестить мадам Коль. На ночлег мы остановились на постоялом дворе в двадцати милях от Лондона. Я заняла, конечно, лучшую комнату и оплатила все соседние, чтобы нам не мешали отдыхать. По счастливому стечению обстоятельств я забыла до ужина сказать кучеру, когда он должен поутру подать карету. К тому же в этот вечер разыгралась ужасная буря. Если бы не эти случайные обстоятельства, я разминувшись бы с самым большим счастьем в своей жизни.

Когда я спустилась вниз, стихия уже разошлась вовсю, ливень бил в окна мрачной комнаты, в которой горела только одна свеча. Неожиданно открылись двери и в комнату вбежали двое мужчин, которых застала в пути непогода. Я не видела их лиц, так как они были закутаны в пелерины, а шляпы были глубоко надвинуты на лоб. Один из мужчин крикнул звонким голосом:

— Овес лошадям, а нам горячий ужин и ночлег! И какие-нибудь тряпки, пока не просохнет наша одежда!

При звуке этого голоса сердце чуть не выскочило у меня из груди. Это был единственный в мире голос — голос моего любимого! Подскочив к мужчине, я, как безумная, сорвала с него шляпу и с криком нечеловеческого счастья повисла у него на шее...

Плача и смеясь, я целовала его мокрое лицо, лоб, глаза, губы. Я не ошиблась. Это был голос... Ну, чей? Вы уже, конечно, догадались. Это был голос Чарльза. Это был сам Чарльз, единственный, самый любимый, родной, ненаглядный. Я мечтала о нем все эти бесконечные ночи в объятиях чужих мужчин. А ведь я должна была наслаждаться только в его объятиях!

Мы не проронили ни одного слова. Некогда было разговаривать, объясняться, сушить одежду и тому подобное... Я затащила его наверх, прогнала Эмилию в самую дальнюю комнату, стянула с него мокрую одежду, сорвала с себя все, что было на мне, и осушила его тело жаром моего тела. Ни на минуту не выпускала я его из себя, держа глубоко на дне моего существа, как будто опасалась опять потерять его.

О Боже!.. Как я его любила в ту ночь! Ни одна женщина не дала любовнику столько за день, неделю, месяц, сколько я дала Чарльзу в течение этих нескольких коротких часов ненастной ночи на постоялом дворе где-то под Лондоном.

Когда мы пришли в себя, за окном уже пели птички — о нашей так чудесно воскрешенной любви.

Только теперь мы смогли говорить. Жизнь Чарльза в эти четыре года разлуки не была веселой. Сосланный по приказу отца на плантации покойного дядюшки в Индии, он нехотя и неумело управлял имением. В делах его преследовали неудачи. Два года были малоурожайными из-за засухи. Затраты оказались больше доходов. Потом собранный урожай затонул вместе с кораблями по пути в Европу.

Чарльзу пришлось продать плантацию за непомерно низкую цену. С вырученными деньгами он по приказу отца вернулся в Ирландию, где им обоим пришлось потерять последнее, что у них еще оставалось. Отец не пережил этого. Он умер от апоплексического удара.

Чарльз с жалкими несколькими десятками гиней в кармане решил снова попытаться счастья в Лондоне. По дороге в Лондон и произошла наша встреча.

Теперь пришла моя очередь рассказывать о жизни. Не было смысла врать, да я и не хотела этого. Поэтому в смертельном страхе я ему призналась:

— Я недостойна тебя. Наверно, нетрудно догадаться, как я зарабатывала себе на жизнь все эти годы.

— Догадаться легко, очень легко, — серьезно сказал он. — Но в конце концов, я ведь встретил тебя в публичном доме. И забрал тебя оттуда. Ты же не знала, что я вернусь. Не знала даже, что я жив. Так будем считать, что я второй раз увожу тебя из публичного дома и что влюбляюсь в тебя заново, как тогда, четыре года назад...

Я осыпала его поцелуями. Сходила с ума от счастья. На ухо я шепнула ему:

— Я богата, сказочно богата... И все принадлежит тебе...

— Нет, дорогая, — сказал Чарльз, обнимая меня. — Это все твое. С сегодняшнего дня мне принадлежишь ТЫ. И это мое самое большое богатство.

— Навсегда вместе, — шепнула я.

Для чего я пишу этот дневник, так бесстыдно описывая переживания молодой женщины, которая не по своей воле пошла по пути разврата?

Хочу предостеречь всех девушек, которых злой рок толкнет на греховный путь. Под внешним блеском веселой жизни куртизанок кроется грязь и позор. Распушенность превращает человека в животное, а скромность и умеренность возносят к высотам человечности. Настоящая любовь рождается не от слепого плотского желания — а по воле сердца!

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.